

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2022

№ 3 (627)

Март

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); М.А. Портной (ИСКРАН, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Сулян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Аничкина; В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов; Н.А. Счётчикова.

Москва

© Российская академия наук, 2022
© Институт США и Канады РАН, 2022
© Редакция журнала «США & Канада»
(составитель), 2022

*Russian Academy of Sciences
Institute for the U.S. and Canadian Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2022

No. 3 (627)

March

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); M. Portnoi (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2022

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2022

Содержание

2022, № 3 (627)

Приходько О.В. Трансатлантические отношения: брексит и его последствия.....	5
Шведова Н.А. Гендерные роли в США: бремя пандемии коронавируса.....	23
Графов Д.Б. Подходы США к сдерживанию Китая.....	41
Трунов Ф.О. Политический диалог ФРГ и США в 2021 г.: переход к новой нормальности	61

Точка зрения

Васильев В.С. Экономические банальности, возведённые в N(-обелевскую) степень (о Нобелевской премии по экономике за 2021 г.).....	79
--	-----------

Дипломатия данных

Кузнецов Н.М. Дипломатия США в эпоху больших данных: новые цели, новые возможности.....	98
--	-----------

Справки

Козлов В.О., Баяк А. Идеологизация внешнеполитического дискурса Конгресса США по Китаю при Д. Трампе.....	112
Информация для авторов	127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2022, No. 3 (627)

Prikhodko O.V. Brexit Implications for the Transatlantic Relationship.....	5
Shvedova N.A. Gender Roles in the US: the Burden of the Coronavirus Pandemic.....	23
Grafov D.B. The U.S. Approaches to Deter China.....	41
Trunov Ph.O. German – U.S. Political Dialogue in 2021: Transition to the New Normality	61

Opinion

Vasiliev V.S. Economic Platitudes Raised to the N(-obel) Power (on the 2021 Nobel Prize in Economics).....	79
--	-----------

Data Diplomacy

Kuznetsov N.M. U.S. Diplomacy in the Era of Big Data: New Goals and Opportunities.....	98
--	-----------

Background Material

Kozlov V.O., Bajak A. Ideologization of US Congress Foreign Policy Discourse on China under Trump.....	112
--	------------

УДК 327.51

DOI: 10.31857/S2686673022030014, EDN: INQQTХ

Трансатлантические отношения: брексит и его последствия

О.В. Приходько

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН),

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3

ORCID: 0000-0001-9764-4096

e-mail: olegvladim@yandex.ru

Резюме: Результаты британского референдума 2016 г. по вопросу о брексите вызвали противоположную реакцию в либеральных и консервативных слоях американского внешнеполитического истеблишмента. Они породили обеспокоенность в Евросоюзе, где брексит был воспринят как триггер возможной дестабилизации в интеграционной Европе. Тема брексита стала предметом жарких дебатов в политических и экспертных кругах по обе стороны Атлантики, что во многом объясняется той ролью, которую Великобритания играет в западном сообществе, и её влиянием в международных делах. Во-первых, это «особые отношения» между США и Великобританией, во многом определяющие коллективную позицию Запада. Во-вторых, это британский вклад в сотрудничество НАТО-ЕС, включая активное участие в операциях этих организаций. В-третьих, это смещение американских геостратегических приоритетов с Европы на Индо-Тихоокеанский регион в результате нарастающего противоборства между США и Китаем и созвучные этой тенденции изменения в британской стратегии. Выход Соединённого Королевства из Евросоюза является крупным международным событием, которое оказывает многостороннее влияние на трансатлантические отношения. Анализ наступивших и возможных последствий брексита для США и интеграционной Европы посвящена данная статья.

Ключевые слова: брексит, США, Великобритания, ЕС, трансатлантические отношения

Для цитирования: Приходько О.В. Трансатлантические отношения: брексит и его последствия. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (3): 5-22.

DOI: 10.31857/S2686673022030014

Brexit Implications for the Transatlantic Relationship

Oleg V. Prikhodko

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069 Russian Federation 1

ORCID: 0000-0001-9764-4096

e-mail: olegvladim@yandex.ru

Abstract: Since the Second World War, the United Kingdom has served as a transatlantic bridge between the United States and Europe, and as a conduit of the U.S. influence in European affairs. Since its entry the EU, Great Britain has been one of the main contributors to the European Union's foreign, security and defense policies. The withdrawal of the United Kingdom from the EU in 2020 marked a milestone in the European politics. The UK's decision to leave the European Union has raised questions concerning probable implications of Brexit for the transatlantic relationship and the European balance of power. Brexit entails multi-faceted

changes in Britain's global posture, in particular, new nuances in its dealings with the United States and European partners. These shifts embrace a wide range of political, defense, security, and economic issues. They have stirred up debates on the British strategy's 'tilt' towards the Indo-Pacific and Britain's future cooperation with the American ally and the EU. Having considered developments in Washington-London-Brussels relations in the wake of the Brexit referendum, this article figures out trends in interactions of these key players that reflect their visions of a post-Brexit reality.

Keywords: Brexit, United States, Great Britain, European Union, transatlantic relationship

For citation: Prikhodko O.V. Brexit implications for the transatlantic relationship. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 0 2022; 52 (3): 5-22
DOI: 10.31857/S2686673022030014

ВВЕДЕНИЕ

В июне 2016 г. в Великобритании прошёл референдум, в ходе которого большинство (51,9%) проголосовало за выход страны из Европейского Союза. 31 января 2020 г. Соединённое Королевство официально вышло из состава ЕС. В декабре того же года стороны подписали Соглашение о торговле и сотрудничестве и ряд дополнительных документов (по использованию ядерной энергии в мирных целях, обмену и защите секретной информации, и т.д.), которые регулируют их взаимоотношения в различных областях за исключением внешней политики, военной безопасности и обороны. К 1 января 2021 г. завершился переходный период, в течение которого на британской территории продолжало действовать европейское законодательство о едином рынке ЕС и таможенном союзе. Брексит с точки зрения его сторонников призван доказать, что Соединённое Королевство, освободившись от оков ЕС, способно гораздо больше преуспеть в «свободном плавании», нежели оставаясь в Европейском Союзе, который они называют «тоталитарным сверхгосударством». Великобритания – пятая экономика в мире по размеру ВВП [1] и ведущая европейская военная держава. Выход этой страны из ЕС ведёт к ослаблению интеграционной Европы, что воспринимается многими политиками и экспертами на Западе как удар по либеральному миропорядку, ведь Евросоюз служит его оплотом на европейском пространстве от Лиссабона до Риги.

Брексит вызвал резко негативную реакцию либеральных элит США и Европы именно потому, что является победой принципа верховенства государственного суверенитета, который противоречит идее глобализации, не признающей национальных границ. Рост электоральной поддержки в Европе национально ориентированных, антиглобалистских общественно-политических сил был вызван мировым кризисом 2008 г., крахом иммиграционной политики «открытых дверей» и обострившимися социально-экономическими проблемами, порождёнными глобализацией. Брексит является отражением этой общей тенденции. По мнению ряда западных политологов, до брексита и победы Д. Трампа на выборах 2016 г. при анализе причин начавшегося разрушения американской гегемонии мало внимания уделялось такому явлению, как подъём общественно-политических дви-

жений в Северной Америке и Европе, которые отвергают устоявшийся миропорядок [Cooley A., Nexon D., 2020: 14].

«Эпопея брексита» пришлась на период деятельности трёх американских президентов – Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена. Политические и идеологические взгляды этих лидеров и стоящих за ними кругов правящей элиты США во многом определяли характер реагирования Вашингтона на отделение Великобритании от Евросоюза. Однако в оценках брексита демократами и республиканцами просматриваются общие типические черты, отражающие глубинные интересы американского государства, которые не меняются со сменой администраций.

РЕАКЦИЯ США НА БРЕКСИТ

Американское восприятие брексита формировалось в результате взаимодействия различных факторов. Среди них особое место занимают уникальные союзнические связи между США и Великобританией. Американо-британская ось является одной из главных опор западного миропорядка. Подписание лидерами двух стран «Новой Атлантической хартии» в июне 2021 г. стало наглядным тому подтверждением. Вашингтон рассматривает Соединённое Королевство в качестве важнейшего союзника и проводника своего влияния в международных делах, особенно в Европе, ведь взгляды и подходы двух стран близки или совпадают. Культивируя «особые» отношения с Британией, американские администрации поощряли её к тому, чтобы она рассматривала США как более важного партнёра, чем европейские державы или ЕС. Эти союзнические связи «позволяют Соединённым Штатам оставаться в гуще событий в Европе, что приобретает всё бóльшую актуальность в контексте разворота США на Азиатско-Тихоокеанский регион, а Соединённому Королевству позволяет играть более важную роль в Атлантическом альянсе» [Ewers-Peters Nele M., 2021: 579].

В периоды напряжённости в трансатлантических отношениях большую ценность для США представляла способность Великобритании выполнять функцию связующего звена между Северной Америкой и Европой, между НАТО и ЕС. Доверительные отношения с Лондоном становились особенно ценным активом в американской политике, когда он выступал лидером в дипломатической деятельности и политике безопасности ЕС. Вашингтон извлекал выгоду из британского членства в Евросоюзе, используя его для влияния на внешнеполитические приоритеты и планы объединённой Европы в военной сфере. Он поддерживал стремление Лондона подчинить европейское оборонное сотрудничество целям НАТО (США). Как отмечал английский политолог У. Риис, «не имея возможности направлять развитие европейской интеграции, США полагались на Соединённое Королевство в том, чтобы ограничивать ЕС в соответствии со своими интересами». Он констатировал, что «развитие сотрудничества с Великобританией в области обороны и безопасности осуществлялось американской стороной за счёт многосторонних отношений обеих стран с ЕС. Америка проводила стратегию, которая усугубляла трения между двумя ключевыми ат-

лангистскими институтами – НАТО и ЕС» [Rees W., 2017: 561, 565]. Великобритания всегда была в жёсткой оппозиции к любым инициативам, направленным на формирование ЕС как самостоятельного центра силы и геополитического влияния. Она противодействовала попыткам Франции конкурировать с США за лидерство в Европе или ставить под сомнение главенствующее положение НАТО в европейской системе безопасности.

«Особые» отношения с США и членство в ЕС открывали для Лондона возможности посредничества между Вашингтоном и европейскими партнёрами в трансатлантических спорах. По мнению американского историка А. Сира, роль Великобритании как медиатора между США и Европой приобрела особую ценность в «ситуации возникших трений между президентом Дональдом Трампом, канцлером Германии Ангелой Меркель и другими лидерами в Европе» [Сур А., 2018: 92]. *Однако брексит практически лишает Великобританию возможности выполнять функцию посредника и ограничивает её вклад в трансатлантическое сотрудничество по проблемам безопасности рамками НАТО.*

Выгоды от пребывания Великобритании в Евросоюзе для американских интересов не ограничивались сферой безопасности. Бывший посол США в ЕС (2014–2016 гг.) Э. Гарднер в своих мемуарах отмечает важную роль британского правительства в достижении летом 2016 г. договорённости между США и ЕС по вопросам регулирования в сфере цифровой экономики и защиты личных данных, включая соглашение «Охрана персональной информации» (*Data Privacy Shield*) и предложения по формированию единого рынка цифровых услуг ЕС, которые были сравнительно благоприятны для американских компаний [Gardner A., 2020: 90].

Тема брексита появилась в трансатлантической повестке дня на завершающем этапе президентства Б. Обамы. Администрация США выступила на стороне противников выхода Великобритании из ЕС. В преддверии британского референдума, который состоялся 23 июня 2016 г., президент Б. Обама, госсекретарь Дж. Керри, другие американские официальные лица, пытаясь повлиять на исход голосования, предупреждали о рисках и возможных негативных последствиях брексита. Особенно неприятным для американской администрации было то, что сторонники брексита в своей агитационной кампании активно раскручивали тему восстановления национального суверенитета Великобритании, которая шла вразрез с концепцией глобализации, продвигаемой либеральной элитой США. Э. Гарднер вспоминает: «Как и многие в администрации Обамы, я просто не мог понять постоянно звучащее утверждение, что Британия стала вассальным государством, что необходимо “вернуть контроль” над границами, финансами и законами». По его мнению, это утверждение «ввело в заблуждение не только многих избирателей в Соединённом Королевстве, но также ключевые фигуры в администрации Д. Трампа. Американский президент назвал ЕС “гирей на ногах” Великобритании» [Gardner A., 2020: 74].

Администрация Б. Обамы активно разъясняла свою позицию британской стороне, в том числе в ходе контактов с видными политическими фигурами из

лагеря сторонников брексита, такими как мэр Лондона (и будущий премьер-министр) Б. Джонсон, который, выступая весной 2016 г. в одном из популярных телешоу на британском телевидении, назвал ЕС «тюрьмой, в которой тюремщик случайно оставил дверь открытой» [2]. Вашингтон не скупился на слова, осуждая «крамольную» идею выхода Великобритании из ЕС. Однако его риторика не могла вычеркнуть из памяти британцев жёсткую американскую критику различных сторон деятельности Европейского Союза. Некоторые западные аналитики полагают, что США сами невольно приложили руку к брекситу, подвергая остракизму политические амбиции ЕС и беспощадно критикуя Брюссель за провалы европейской политики в вопросах иммиграции и противодействия терроризму. Эта критика играла на руку сторонникам брексита, и «среди тех, кто выступал за выход из ЕС, были высокопоставленные работники британских служб безопасности, которые ставили под сомнение полезность ЕС в борьбе с терроризмом» [Rees W., 2017: 563-564].

Американское политико-экспертное сообщество раскололось на два лагеря в оценках брексита. Либеральное крыло выразило поддержку противникам выхода Великобритании из ЕС, указывая на потенциальные потери и риски, которые сопряжены с этим решением, в частности, на уменьшение британского влияния в вопросах международной безопасности и финансов. Противоположных взглядов придерживаются правоконсервативные круги. Они приветствовали брексит исходя из своего убеждения, что ослабление Евросоюза отвечает американским интересам. Для них Евросоюз – это соперник США во многих вопросах.

Итоги референдума, на котором большинство британцев (51,9%) сделали выбор в пользу выхода страны из ЕС, вызвали нескрываемое разочарование в Вашингтоне. В либеральной элите и аналитических центрах, связанных с Демократической партией, исход голосования был воспринят как отражение тревожной тенденции роста популистских настроений, как индикатор разочарования значительной части британского общества в результатах глобализации и нежелания примириться с постимперским статусом страны. По словам американского политолога Г. Уилсона, «в кругах, близких к администрации Б. Обамы, брексит олицетворял собой настораживающий рост авторитарного популизма и неспособность британцев адаптироваться к современной ситуации» [Wilson G., 2017: 553].

Хотя Вашингтон и Брюссель характеризовали двусторонние отношения как партнёрские, в некоторых вопросах ЕС создавал проблемы для американской политики, и США часто использовали свои связи с Великобританией для их решения. Как замечает в своей книге Э. Гарднер, «учитывая, что США и Соединённое Королевство сходятся во взглядах почти на каждую внешнеполитическую и экономическую проблему, а также на вопросы безопасности, естественно, Вашингтон хотел, чтобы Великобритания внутри ЕС оказывала влияние на принятие его решений и делала ЕС более экономически либеральным, более атлантистским и пронатовским» [Gardner A., 2020: 88].

С точки зрения американских демократов выход Великобритании из ЕС является чувствительным ударом по либеральному миропорядку, оказывая негативное

влияние не только на обе вовлечённые стороны, но и на Европу в целом, провоцируя в ней вызывающие беспокойство политические процессы. Британский референдум дал импульс популистским движениям в европейских странах, особенно во Франции, Нидерландах, Дании, что могло привести к расколу и потенциально к распаду ЕС. Брексит обострял внутренние проблемы ЕС, в результате европейские партнёры, как опасались в Вашингтоне, могли надолго погрузиться в их решение, выделяя меньше сил и ресурсов для взаимодействия с США в международных делах. Ушедший в отставку в декабре 2017 г. Главком американских войск в Европе генерал-лейтенант Ф. Ходжес высказал тогда предостережение, заявив, что дезинтеграция ЕС могла бы повлечь серьёзные последствия и для НАТО.

Выступая весной 2016 г. на слушаниях в Специальном комитете по брекситу Палаты Общин британского парламента (куда его пригласили для изложения позиции администрации Б. Обамы) Э Гарднер, объяснил, почему Вашингтон выступает за сохранение членства Великобритании в ЕС. Суть его разъяснений сводилась к следующему: «пребывание Соединённого Королевства в составе Европейского Союза даёт США значительно больше уверенности в силе трансатлантического союза» [Gardner A., 2020: 84]. С точки зрения американского истеблишмента, брексит ослабляет положение в Европе группы стран, которые в своей политике традиционно ориентируются на США и Великобританию. Вашингтон не скрывал опасений по поводу возможного негативного влияния брексита в сфере безопасности, учитывая, что Великобритания традиционно играла важную роль в оборонном сотрудничестве Евросоюза.

Одной из причин американской обеспокоенности является риск разбалансировки интеграционной Европы после британского ухода. Брексит нарушает сложившийся баланс в ЕС, который опирался на «большую европейскую тройку»: Германию, Францию, Великобританию. Выход Соединённого Королевства ведёт к возрастанию германского влияния, а Великобритания традиционно рассматривается американскими стратегами как контрбалансир германской силы.

США не исключают *ощутимых экономических последствий для трансатлантических отношений*, полагая, что брексит может сдвинуть ЕС к более протекционистской позиции на торговых переговорах, усилить влияния тех кругов в Европе, которые защищают интересы ведущих национальных компаний и продвигают идеи европейской промышленной политики и планирования, сужающие границы свободной конкуренции и открытого рынка. Негативное отношение администрации Б. Обамы к брекситу подпитывали опасения, что выход Великобритании из ЕС нанесёт ущерб интересам американских компаний, работающих как в производственной сфере, так и в области услуг (особенно финансовых), которые выбрали эту страну в значительной мере потому, что она служит им трамплином для выхода на гораздо более ёмкий общий рынок Евросоюза.

Победа на президентских выборах 2016 г. Д. Трампа, который не скрывал своей поддержки сторонников брексита, помогла избежать щекотливой ситуации в американо-британских отношениях, учитывая, что кандидат демократов Х. Клинтон критиковала итоги британского референдума. Д. Трамп расценил

брексит как отторжение британцами «лживой идеи» глобализации, а ослабление ЕС и возникшие проблемы в отношениях между Лондоном и Брюсселем – как выигрыш для США. Он считал приемлемым и жёсткий вариант брексита – выход Великобритании из ЕС без договорённостей между сторонами. Д. Трамп в язвительном тоне отзывался об усилиях тогдашнего премьера Т. Мэй, которая пыталась достичь соглашения с ЕС на условиях, позволяющих сохранить как можно больше британо-европейских связей после брексита. Западные аналитики подметили, что «в отличие от предыдущих администраций Д. Трамп не воспринимал ЕС в качестве ограничителя Берлина. Наоборот, он видел в Евросоюзе механизм продвижения германских интересов и влияния, более того, поддерживал инициативы и движения, направленные против ЕС, включая брексит» [Simón L., Desmaele L., Becker J., 2021: 98-99].

Одобрительная оценка брексита характерна и для американских «мозговых центров» консервативного направления. По мнению экспертов фонда «Наследие» и Американского предпринимательского института, брексит позволит Великобритании вновь обрести свою независимость и откроет возможности для нового подъёма в американо-британских отношениях. Взгляды правоконсервативных кругов во многом объясняются их восприятием ЕС как инструмента, который Германия и Франция используют в «нечестной» конкуренции с США.

Нынешняя позиция официального Вашингтона определяется тем, что президент Дж. Байден и влиятельные фигуры в его окружении, работавшие в администрации Б. Обамы, не изменили своего негативного отношения к брекситу. Выход Британии из ЕС несёт перемены, которые могут вызвать уменьшение её вклада в решение европейских проблем, затрагивающих интересы США. Администрация Дж. Байдена заинтересована в том, чтобы разведение Великобритании и ЕС не повлекло болезненных последствий. В первый год после брексита разногласия между Лондоном и Брюсселем остро проявились в некоторых специфических, но политически чувствительных вопросах, таких как «североирландский протокол» и права на рыболовство в британских прибрежных водах. И хотя эти споры не создают угрозы для единства Запада, которая требовала бы решительных шагов Вашингтона, по мнению некоторых западных политологов, администрация Дж. Байдена прилагает недостаточно усилий, чтобы содействовать преодолению возникших разногласий и помочь Великобритании найти взаимопонимание с европейскими державами.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БРЕКСИТА

Отделение Великобритании от Евросоюза является крупным международным событием, которое касается различных сторон трансатлантических отношений. *На американском направлении брексит выражается в ещё большем стратегическом сближении Великобритании с США.* Крен в сторону более тесного сотрудничества с Соединёнными Штатами просматривается в обновлённой стратегии, которую премьер-министр Б. Джонсон представил парламенту в марте 2021 г. Участие в

создании тройственного альянса АУКУС (*AUKUS*), который готовился втайне от европейских партнёров и ЕС, обозначение Индо-Тихоокеанского региона как одного из главных приоритетов деятельности в сфере безопасности и ряд других политических новаций свидетельствуют, что «постбрекситная» Великобритания в своём международном позиционировании активно подстраивается под стратегические задачи, которые сформулировала администрация Дж. Байдена.

Обновлённая британская стратегия определяет сотрудничество с США и НАТО высшим приоритетом, что свидетельствует о преемственности базовых установок Соединённого Королевства, которые не меняются со сменой правительств. В документе подтверждается приверженность поддержанию особых отношений с Соединёнными Штатами, которые характеризуются как «самый важный стратегический союзник» [3]. В вопросах коллективной безопасности Лондон намерен и дальше полагаться на НАТО, рассматривая Евро-Атлантический макрорегион как основной плацдарм для приложения своих усилий. Содержащиеся в стратегии оценки глобальных угроз и тенденций во многом совпадают с анализом изменений в международных отношениях, который даётся в американских официальных документах – ежегодном докладе директора Национальной разведки (*Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community 2021 г.*) и четырёхлетнем Обзоре американского разведывательного сообщества (*Global Trends 2040: A More Contested World*).

Брексит сулит определённые выгоды американской политике. *Во-первых*, в ситуациях, вызывающих разногласия между США и интеграционной Европой, возможное объединение Великобритании с европейскими державами (как это было по иранской ядерной сделке в президентство Д. Трампа) будет затруднено из-за отсутствия договорно-правовой и институциональной основы для внешнеполитического сотрудничества Соединённого Королевства и Евросоюза. Лондон, освободившись от обязательств, связанных с членством в ЕС, теперь может открыто объединяться с США в оппозиции к европейским проектам, которые с американо-британской точки зрения несут в себе риски для целостности атлантического альянса. Великобритания поддерживает американские возражения, касающиеся концепции «европейской обороны», которая обсуждается в ЕС уже несколько лет, считая вредоносной саму идею стратегической автономности Европы, положенной в основу концепции.

Вакуум правовых и институциональных механизмов регулирования британо-европейских отношений во внешнеполитической сфере, образовавшийся после брексита, лишь усиливает акцент в политике Лондона на более тесном взаимодействии с США. По мнению западных аналитиков, после выхода Великобритании из ЕС можно ожидать расширения и интенсификации англо-американского сотрудничества в сфере разведки и по другим направлениям оборонной политики [Сур А., 2018: 93]. Правда, далеко не все в правящей Консервативной партии согласны с таким перекосом в стратегии Лондона: в рядах тори есть те, кто полагает, что американские и британские интересы могут не

всегда совпадать и Лондон должен более тесно сотрудничать с европейскими партнёрами в вопросах безопасности Европы.

Во-вторых, одним из следствий брексита стал курс правительства Б. Джонсона на расширение британского участия в делах Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), что соответствует нынешним приоритетам американской стратегии, направленной на всемерное сдерживание Китая как главного системного противника Запада. Обнародованная в сентябре 2021 г. стратегия Евросоюза для ИТР [4], хотя и констатирует некоторое ухудшение отношений между ЕС и КНР, несёт более дипломатичные и сбалансированные определения в сравнении с теми характеристиками, которые дают политике Пекина официальные лица в Вашингтоне и Лондоне. ЕС делает акцент на поиске возможностей для сотрудничества с Китаем, а не на его сдерживании.

В-третьих, брексит ведёт к повышению значимости НАТО как инструмента взаимодействия между Великобританией и европейскими партнёрами в сфере обороны и безопасности, а любое укрепление атлантического альянса отвечает интересам США. ЕС свернул обмен закрытыми данными с Лондоном, который осуществлялся через специальный механизм Евросоюза. Британская сторона лишилась доступа к некоторым сервисам европейской спутниковой навигационной системы «Галилео». Усложнились условия участия британских подрядчиков в проектах, осуществляемых по линии Европейского оборонного агентства (ЕОА), а также в рамках углублённого военно-политического сотрудничества под эгидой ЕС (*PESCO – Permanent Structured Cooperation*). В «добрекситную эпоху» Великобритания в некоторых вопросах трансатлантического сотрудничества выступала в качестве связующего звена между НАТО и ЕС. Теперь эти её возможности существенно ограничены. Европейские политологи, склонные преувеличивать значимость ЕС, рассматривают брексит и как ослабление НАТО [Biscop S., 2020: 90].

Выход Великобритании из Евросоюза не вызвал существенных перемен и правовых последствий во взаимоотношениях США и ЕС. Отсутствие взаимных юридических обязательств в сфере двусторонних политических отношений между Соединёнными Штатами и Европейским союзом облегчает взаимную адаптацию сторон к последствиям брексита. Взаимодействие между Вашингтоном и Брюсселем по вопросам внешней политики осуществляется с помощью неофициальных механизмов и в форматах, не требующих создания для них договорно-правовой основы, что предоставляет сторонам широкую свободу в принятии решений.

Администрация Дж. Байдена заинтересована в британо-европейском сотрудничестве в сфере обороны и безопасности, поскольку плодотворное взаимодействие Брюсселя и Лондона позитивно влияло бы и на отношения НАТО-ЕС, и на трансатлантическое сообщество в целом. Некоторые западные эксперты, в частности бывший британский посол в США Н. Шейнвальд, полагают, что важным критерием полезности Великобритании для американской политики в глазах администрации Дж. Байдена будет то, в какой мере Лондон сможет наладить сотрудничество с ЕС после брексита [5]. Однако правительство Б. Джонсона, не ожидая ощутимых выгод от взаимодействия с Евросоюзом в сфере внеш-

ней безопасности и международной политики, отклонило предложение Брюсселя заключить соответствующее соглашение. Предыдущий кабинет министров во главе с Т. Мэй стремился к достижению юридически обязывающей договорённости с Евросоюзом в этой сфере, полагая, что лучше держать руку на пульсе инициатив ЕС, добиваясь их совместимости с задачами НАТО, чем дистанцироваться от Брюсселя, предоставляя ему полный карт-бланш. Британский отказ от соглашения с ЕС перечеркнул расчёты Вашингтона на то, что Соединённое Королевство после выхода из ЕС сохранит доступ к механизму подготовки внешнеполитических решений в Брюсселе, который позволил бы инкорпорировать американско-британскую точку зрения в этот процесс.

Великобритания не проявляет заинтересованности и в налаживании сотрудничества с ЕС в сфере военно-промышленной кооперации. Она не видит для себя ощутимых выгод от военно-технического сотрудничества, которое может предложить ей Евросоюз, компетенция которого в таких делах очень ограничена. Однако это не исключает развития военно-промышленной кооперации Великобритании с ведущими европейскими государствами на двусторонней или многосторонней основе *вне Евросоюза*, особенно когда такое взаимодействие согласуется с планами НАТО. Судя по стратегии модернизации вооружённых сил, которую британский министр обороны Б. Уоллес представил Парламенту в марте 2021 г., Великобритания рассматривает Францию как своего самого важного партнёра из числа стран ЕС [6]. Лондон выразил готовность тесно сотрудничать с Парижем по военным вопросам, в том числе в регионах, представляющих взаимный интерес – Западные Балканы, Ирак, Сахель.

Британия входит в пятёрку ведущих военных держав мира. По мнению американского политолога М. Бекли, углублённое оборонное сотрудничество в рамках Евросоюза (*PESCO*) «вероятно не сможет компенсировать, вызванный уходом Великобритании из ЕС ущерб, поскольку на неё приходилось четверть всех оборонных затрат и половина объёма финансирования военных НИОКР в Евросоюзе» [Beckley M., 2018: 107]. С одной стороны, брексит создаёт неопределённость вокруг будущего европейских военно-технических проектов, которые были инициированы при британском участии. С другой стороны, отпадают политические препятствия, которые возникали из-за непреклонной позиции Лондона против расширения компетенции ЕС в вопросах оборонного сотрудничества. Великобритания сопротивлялась реализации идей, направленных на углубление оборонной интеграции в рамках ЕС, блокировала инициативы, которые могли бы поставить под сомнение американское лидерство в НАТО. В 2003 г. и 2011 г. Лондон наложил вето на предложения о формировании в рамках ЕС централизованной командно-штабной структуры, усматривая в них риски для атлантического альянса. США всегда поддерживали британского союзника в его противостоянии со сторонниками концепции «европейского оборонного союза». По мнению У. Рииса, «брексит предоставляет Парижу благоприятную возможность реализовать цели, которые направлены на достижение независимости от американского влияния» [Rees W., 2017: 568].

Потеряв доступ к механизму принятия решений в ЕС и утратив функцию «трансатлантического моста», Британия лишилась возможности отстаивать интересы США и НАТО в Европейском Союзе. Однако и ЕС теряет значительную часть своего потенциала с уходом одного из ключевых игроков, который вносил большой вклад в работу европейских структур, занимающихся вопросами обороны и безопасности. По мнению западных политологов, в частности Н. Эверс-Питерс, брексит может негативно отразиться на эффективности сотрудничества НАТО и ЕС, замедлить взаимодействие этих организаций [Ewers-Peters Nele M., 2021: 588]. Сокращаются и внешнеполитические ресурсы Евросоюза, учитывая, что для Брюсселя станет недоступной обширная сеть международных связей британской дипломатии.

Брексит меняет привычную расстановку сил в интеграционной Европе. Перед США встаёт задача определить, как новая геополитическая конфигурация ЕС может отразиться на американских интересах. Вашингтон вынужден принимать во внимание уменьшение британского влияния в делах Европы и в большей мере учитывать мнение Германии и Франции при рассмотрении европейских проблем. В «эпоху Меркель» ФРГ играла ключевую роль в определении стратегических перспектив интеграционной Европы, достижении баланса между конкурирующими интересами стран и сохранении единства ЕС по ключевым вопросам. Брексит только укрепляет статус Берлина как архитектора европейских компромиссов. Государства Центральной, Восточной и Северной Европы нередко при отстаивании своей позиции, особенно в вопросах безопасности и миграции, обращались за поддержкой к Великобритании, с которой их объединяют схожие взгляды. Теперь у этих стран нет противовеса германской политике в Евросоюзе.

Снижение британского влияния в европейских делах заставляет США более тщательно выстраивать отношения с Германией, внимательнее относиться к её интересам, учитывая возросший политический вес Берлина в европейском балансе сил после брексита. Формулируя свой подход к ведению дел с ЕС, Вашингтон всегда отдавал себе отчёт в том, что германская позиция часто является определяющим фактором в политике интеграционной Европы. Решения руководящих органов ЕС, как правило, отражают приоритеты ФРГ. Многие направления в деятельности Евросоюза требуют финансового обеспечения, а Германия и является тем главным донором, который осуществляет наибольшие денежные вливания в его бюджет.

По оценкам западных политологов, несмотря на то что американское внимание всё больше сосредотачивается на Китае и ИТР, Вашингтон «будет стремиться участвовать в делах Европы в достаточном объёме, чтобы влиять на стратегическое взаимодействие Германии и России» [Simón L., Desmaele L., Becker J., 2021: 100], даже если эти усилия потребуют от него довольно больших политических или иных затрат. Уступки администрации Дж. Байдена по санкциям в отношении «Северного потока-2» как раз и показывают важность для неё поддержания хороших отношений с Берлином. Вашингтон посчитал возможным проявить гибкость в этом вопросе учитывая и то, что брексит не привел к ослаблению санкционного давления Евросоюза на Россию. Великобритания часто выступала вдохновителем

европейской санкционной политики, направленной против РФ и, оказавшись за пределами ЕС, она не снижает активности в этом вопросе.

ВЛИЯНИЕ БРЕКСИТА НА ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Великобритания официально вышла из ЕС 31 января 2020 г., а ещё через 11 месяцев завершился переходный период и на её территории окончательно утратило силу европейское законодательство об общем рынке и таможенном союзе. В конце декабря 2020 г. Соединённое Королевство и ЕС заключили Соглашение о торговле и сотрудничестве (СТС), которое предусматривает беспешинный и бесквотный доступ на рынки друг друга. Критики брексита расценивают договорённость как слабую и довольно болезненную сделку для британской экономики. Достаточно сказать, что сектор финансовых услуг, имеющий большое значение для экономического благополучия Соединённого Королевства, сохраняет доступ к единому европейскому рынку лишь по очень ограниченному перечню видов деятельности.

Брексит вызвал разнонаправленные экономические последствия, которые затрагивают не только саму Британию, но также США и Евросоюз. С 2018 г., когда процесс разъединения приобрёл необратимый характер, наблюдается неуклонное сокращение объёма торговли Великобритании с ЕС. В 2020 г. британский товарный экспорт в страны Евросоюза уменьшился на 40,5 млрд долл. (17,8%) по сравнению с показателем двухлетней давности и составил 187,2 млрд. Импорт снизился за это время на 58,7 млрд (16,5%) до 297,6 млрд долл. [7], но в абсолютном выражении по-прежнему представляет собой внушительную величину.

Противоположная тенденция наблюдалась в торговле Великобритании с США. Британский экспорт в США постоянно рос: с 59,1 млрд долл. в 2017 г. до рекордного показателя 73,5 млрд в 2019 г. Однако в 2020 г. он упал до 55,6 млрд долл. в результате снижения деловой активности по обе стороны Атлантики из-за пандемии коронавируса. Ещё быстрее в эти годы увеличивался объём британского импорта из США. В результате торговый профицит в пользу Соединённых Штатов в двусторонней торговле достиг исторически рекордного уровня – 8,8 млрд долл. [8] За десять месяцев 2021 г. американский экспорт товаров в Великобританию составил 50,9 млрд, а импорт – 46,1 млрд долл. [9], и, судя по текущей динамике, объём двусторонней торговли едва ли превзойдёт допандемийный рекордный рубеж в этом году.

Брексит ускорил выход Китая на первое место в списке ведущих торговых партнёров Соединённых Штатов, отодвинув ЕС на вторую позицию: статистика Евросоюза теперь не учитывает данные по торговле Великобританией с США. Согласно нашим расчётам, в 2020 г. доля ЕС в британском экспорте составила 52,7%, а доля США – 14,1%. *Это означает неравноценную значимость для Великобритании рынков двух её основных торговых партнёров. Коммерческие связи со стра-*

нами ЕС по-прежнему играют первостепенную роль в британской экономике, несмотря на выход Соединённого Королевства из Евросоюза.

Доступ к британскому рынку имеет немаловажное значение особенно для тех компаний и корпораций США, которые работают в сфере автомобилестроения, финансовых услуг и страхования – это такие киты американского бизнеса, как «Форд», «Дженерал моторс», «Сити», «Дж.Пи. Морган Чейс», «Голдман Сакс», «Ситигруп», «Морган Стэнли», «Бэнк оф Америка». Основными инвесторами в британскую экономику являются крупные небанковские холдинговые компании, финансовые и страховые фирмы, машиностроительные концерны. Накопленные американские прямые инвестиции в Великобритании составили 851,4 млрд долл. по состоянию на 2019 год [10].

Согласно данным американской статистики, Соединённое Королевство занимает седьмое место среди крупнейших торговых партнёров США. Американский бизнес традиционно считал эту страну выгодным местом для размещения капитала за исключением ряда секторов её экономики, где действовали ограничения, установленные законодательством ЕС. С уходом из Евросоюза инвестиционная привлекательность Британии для американского бизнеса снизилась – исчезло такое преимущество как возможность выхода на общий европейский рынок на выгодных условиях через «британские ворота» – совместные предприятия, британские дочерние подразделения американских фирм и корпораций. Как результат, автоконцерн «Форд» уменьшил запланированные капиталовложения в свои производственные мощности на территории Соединённого Королевства. Пересмотрели инвестиционные планы и другие американские компании.

В докладе главного торгового представителя США (*U.S. Trade Representative*) К. Тай отмечается, что и в период пребывания Великобритании в составе ЕС американские экспортёры и инвесторы сталкивались с препятствиями, когда выходили на рынок этой страны и когда пытались сохранить или расширить своё присутствие в некоторых отраслях британской экономики. Многие из этих препятствий сохранились и после 1 января 2021 г., так как Великобритания продолжает соблюдать нормы регулирования Евросоюза [10].

Американо-британские торгово-экономические отношения до брексита регулировались Соглашением о торговле между США и Евросоюзом. Когда Великобритания перестала быть частью ЕС, перед Вашингтоном и Лондоном возникла необходимость урегулирования своих торговых взаимоотношений на новой основе. Лондон едва ли сможет добиться для себя столь же благоприятных условий, как те, которые будут прописаны в Соглашении о свободной торговле США-ЕС, ведь у него несравнимо меньше, чем у Брюсселя возможностей влияния на позицию Вашингтона.

Администрация Дж. Байдена подтвердила, что Великобритания является ближайшим союзником США, но вместе с тем дала чётко понять, что будет твёрдо отстаивать американские интересы на переговорах. Поступающие из Вашингтона сигналы свидетельствуют, что быстрое заключение всеобъемлющего соглашения о свободной торговле с Великобританией не входит в список его

приоритетов. На Соединённое Королевство приходится 2,6% внешнеторгового оборота США и 3,6% американского экспорта [11]. Как видно из этих показателей, с чисто экономической точки зрения значение торгово-экономических связей с Британией для американской экономики не так уж и велико. Однако в ряде случаев эти связи носят эксклюзивный характер, что в сочетании с особыми взаимоотношениями двух стран в сфере безопасности, значительно повышает их ценность по сравнению с номинальной величиной торгового товарооборота.

Переговоры о торговом соглашении между США и Великобританией начались 5 мая 2020 г. Стороны добились заметного прогресса в согласовании некоторых положений торгового договора. Кроме того, они заключили пять отдельных соглашений о стандартах регулирования, идентичные тем, что действуют между США и ЕС. Эти нормы охватывают такие товарные группы, как алкогольная продукция, судовое и телекоммуникационное оборудование (включая совместимость электромагнитных характеристик), фармацевтические товары (условия организации производства и контроля качества), а также определяют общие правила в сфере страхования.

Но камнем преткновения на американо-британских переговорах о свободной торговле являются разногласия об условиях допуска сельхозтоваров США на рынок Великобритании. Это касается в первую очередь ГМО-продуктов и мясной продукции, сделанной из сырья, при производстве которого используются гормоны. Нет согласия у сторон и в отношении стандартов, применяемых к продуктам питания. Чтобы защитить свой рынок, Соединённое Королевство поддерживает высокий уровень пошлин на некоторые виды сельхозпродуктов, особенно на рыбу и морепродукты, а также на грузовики, пассажирские транспортные средства и товары деревообработки. Неурегулированным остаётся вопрос о налоге на американские компании, которые работают на британском рынке цифровых услуг.

Чтобы ускорить заключение соглашения о свободной торговле с США, Великобритания может смягчить режим доступа на свой рынок, сделав его более привлекательным для американской стороны. Однако подобная уступчивость затруднит Лондону заключение соглашений о свободной торговле с третьими странами, которые будут требовать для себя не менее выгодных условий. К тому же отдаление британской системы регулирования от норм ЕС имело бы для её экономики негативные последствия, намного превосходящие положительный эффект от режима свободной торговли с США.

Ситуация вокруг британского законопроекта о внутреннем рынке (*Internal Market Bill*) показала, что администрация Дж. Байдена готова вмешаться, когда британо-европейские разногласия могут перерасти в конфликтную стадию. Документ содержал положения о таможенном контроле Великобритании, которые противоречили соглашению между Брюсселем и Лондон об условиях брексита. Вашингтон предупредил британские власти о недопустимости установления границы таможенного контроля между Ирландской Республикой и Северной Ирландией, так как это нарушало бы достигнутое при американском посредничестве Белфастское соглашение 1998 г. об урегулировании североирландского

конфликта. Под американским давлением правительство Б. Джонсона согласилось внести поправки в упомянутый законопроект.

Изменение границы и правил таможенного контроля, вызванное брекситом, привело к осложнению ситуации с доставкой экспортных товаров из стран ЕС в Северную Ирландию, которая остаётся в рыночном пространстве Евросоюза. Компромисс по этому вопросу зафиксирован в специальном протоколе, который является частью соглашения об условиях выхода Великобритании из ЕС. Однако проблема таможенного контроля между Великобританией и Северной Ирландией до конца не разрешена. И хотя в последнее время наметилось некоторое смягчение позиции Лондона, но до полного устранения разногласий ещё далеко. Вашингтон призывает Лондон воздерживаться от шагов, способных дестабилизировать ситуацию в Северной Ирландии. При сохранении разногласий между Лондоном и Брюсселем американское посредничество становится почти неизбежным, учитывая, что США являются гарантом соблюдения Белфастского соглашения 1998 года. Британо-европейские споры по чувствительным вопросам предоставляют Вашингтону возможность выступить в роли арбитра, что объективно усиливает американское влияние в делах Европы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

США рассматривают Великобританию как своего самого важного союзника, и любые существенные изменения в геополитическом положении этой страны, особенно те, что влияют на расстановку сил в Европе, подвергаются тщательному анализу в Вашингтоне. Однако не следует преувеличивать значение брексита для трансатлантических отношений: выход Великобритании из ЕС не нарушает функционирование западного миропорядка. Брексит, являющийся порождением уникального сочетания объективных и субъективных причин, не представляет для США стратегического вызова, хотя и затрагивает американские интересы в различных областях. Он не способен поколебать позиции Соединённых Штатов в Европе, даже если движение ЕС к «стратегической автономности» получит ускорение после ухода Великобритании из Евросоюза.

Брексит оказывает разнонаправленное влияние на трансатлантические отношения. Он вносит изменения в американскую политику на европейском направлении, повышая для Вашингтона ценность сотрудничества с Германией и Францией. Выход Великобритании из Евросоюза сужает американские возможности влияния через неё на внутренние процессы в интеграционной Европе и на международную политику Брюсселя. Если Лондон продолжит уклоняться от политического сотрудничества с ЕС, а основание для подобного предположения даёт стратегия правительства Б. Джонсона, его ценность как партнёра США в европейских делах будет девальвироваться. В то же время, избавившись от ограничений, накладываемых членством в ЕС, Лондон приобретает больше свободы действий в поддержку Вашингтона.

Администрация Дж. Байдена заинтересована в налаживании конструктивного взаимодействия Лондона с Брюсселем, так как нарастание конкуренции в отношениях между союзниками и тем более их взаимное отчуждение препятствовали бы американским усилиям по консолидации Запада. В ситуации разобщённости Великобритании и континентальной Европы от США потребовались бы дополнительные силы для поддержания европейского баланса, что мешало бы сосредоточению американских ресурсов для противодействия «китайскому вызову». Дистанцирование Великобритании и ЕС друг от друга – неблагоприятный сценарий для американской политики, так как он несёт повышенный риск трений и конфликтов между европейскими партнёрами США.

Брексит устраняет ограничения на оборонные проекты в рамках Евросоюза, которые возникали из-за британской позиции, получавшей поддержку от США: Вашингтон и Лондон заинтересованы в торможении военно-политической интеграции Евросоюза, опасаясь его превращения в конкурента НАТО. В то же время выход Соединённого Королевства из ЕС снижает военно-силовую наполняемость концепции «стратегической автономности» Европы: ЕС не может как прежде рассчитывать на британское участие в своих операциях. Ослабление европейской военно-технической и военно-промышленной кооперации в результате выхода Великобритании из ЕС отвечает интересам США с точки зрения гонки за мировым технологическим лидерством и в контексте конкуренции американских компаний с европейскими производителями на международном рынке вооружений.

США сталкиваются с противоречивыми последствиями брексита. **С одной стороны**, происходит «американизация» британской внешней политики в результате освобождения Великобритании от обязательств в рамках ЕС, что выражается в более активном и масштабном её участии в американских усилиях, направленных на противодействие России и Китаю в стратегически важных регионах мира. Великобритания является одним из ключевых партнёров США в мероприятиях по укреплению восточного фланга НАТО. В сентябре 2021 г. она стала соучредителем трёхстороннего альянса АУКУС (AUCUS,) демонстрируя готовность всемерно помогать Вашингтону в реализации его военно-политических проектов в Индо-Тихоокеанском регионе.

С другой стороны, брексит означает для США потерю мощного канала проецирования американского и натовского влияния внутри интеграционной Европы. Вашингтону станет сложнее вести работу с Брюсселем по мобилизации политических, экономических, технологических ресурсов ЕС на борьбу с Китаем и на другие цели, по которым взгляды сторон не совпадают. Лондон в значительной мере лишается возможности выступать посредником между НАТО и ЕС: раньше британская дипломатия, выполняя эту функцию, неоднократно помогала смягчать возникавшие между двумя организациями разногласия, особенно когда сталкивались амбиции США и Франции.

Несмотря на разочаровывающий исход британского референдума по брекситу, администрация Б. Обамы в 2016 г. и спустя пять лет администрация Дж. Байдена подтвердили сохранение «особых» отношений между США и Ве-

ликобританией, что, впрочем, не помогло Лондону добиться выгодных условий отделения от ЕС. *Брексит высвечивает эксклюзивный характер американско-британских «особых» отношений.* Сотрудничество с США приобретает для Великобритании ещё большее значение с точки зрения интересов национальной безопасности и статуса в международной политике. Из обновлённой британской стратегии следует, что, покинув ЕС, Соединённое Королевство будет активно взаимодействовать с США без оглядки на мнение европейских партнёров. Это, конечно, не означает намеренного отдаления Великобритании от интеграционной Европы, но и прежней её вовлечённости в европейские дела, не связанные с безопасностью, уже вряд ли можно ожидать.

Для администрации Дж. Байдена важно, чтобы брексит не вызывал дестабилизацию в трансатлантическом сообществе. Вашингтон рассматривает безопасность и стабильность объединённой Европы как необходимое условие для концентрации сил и ресурсов Запада на сдерживании России и противодействии Китаю. Вашингтон исходит из того, что напряжённость в межъевропейских отношениях может затруднить достижение американских внешнеполитических целей. Внутренне разобщенная и погрязшая в своих проблемах Европа (ЕС) не способна оказывать существенную поддержку США в международных делах, будь то Европа или Индо-Тихоокеанский регион.

ИСТОЧНИКИ

1. World Bank. Gross Domestic Product 2020 Ranking. Available at: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/gdp-ranking> (accessed 20.11.2021).
2. A. Withnall. EU referendum: Boris Johnson calls the EU 'a jail with the door left open' and says it would be 'wonderful' to leave. Independent on-line. March 6, 2016. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/boris-johnson-says-eu-jail-door-left-open-uk-leave-a6915241.html> (accessed 05.10.2021).
3. Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/969402/The_Integrated_Review_of_Security__Defence__Development_and__Foreign_Policy.pdf (accessed 11.08.2021).
4. The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific. Brussels, 16.9.2021. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf (accessed 20.11.2021).
5. CER podcast: Biden vs Trump: America's choice matters to Europe. 28 October 2020. Available at: <https://www.cer.eu/media/cer-podcast-biden-vs-trump-americas-choice-matters-europe> (accessed 11.08.2021).
6. Defence in a Competitive Age. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/defence-in-a-competitive-age> (accessed 01.10.2021).
7. European Union. Trade in goods with United Kingdom. Available at: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_united-kingdom_en.pdf (accessed 10.12.2021).
8. Annual 2020 Press Highlights. Available at: <https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/highlights/AnnualPressHighlights.pdf> (accessed 02.12.2021).

9. Trade in Goods with United Kingdom. Available at: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c4120.html> (accessed 12.12.2021).
10. 2021 National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers. Office of the United States Trade Representative. Ambassador Katherine Tai. Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2021/2021NTE.pdf> (accessed 10.11.2021).
11. Top Trading Partners – October 2021. Available at: <https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/highlights/top/top2110yr.html> (accessed 20.12.2021).

REFERENCES

- Beckley M. 2018. *Unrivaled: Why America Will Remain the World's Sole Superpower*. Ithaca, NY: Cornell University Press, XI, 231 p.
- Biscop S. 2020. The Future of the Transatlantic Alliance: Not Without the European Union // *Strategic Studies Quarterly*. Vol. 14. No. 3. P. 81–94.
- Cooley A., Nexon D. 2020. *Exit from Hegemony: The Unraveling of the American Global Order*. Oxford: Oxford University Press, XIX, 280 p.
- Cyr A. 2018. Brexit and Transatlantic Security // *Parameters*. Spring Vol. 48. № 1. P. 85-93.
- Ewers-Peters Nele M. 2021. Brexit's implications for EU-NATO cooperation: Transatlantic bridge no more? // *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 23. № 4. P. 576–592.
- Gardner A. 2020. *Stars with Stripes: the Essential Partnership between the European Union and the United States*. London: Palgrave Macmillan. XX, 468 p.
- Rees W. 2017. America, Brexit and the security of Europe. *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 19. № 3. P. 558–572.
- Simón L., Desmaele L., Becker J. 2021. Europe as a Secondary Theater? Competition with China and the Future of America's European Strategy. *Strategic Studies Quarterly*. Vol. 15. № 1. P. 90-115.
- Wilson G. 2017. Brexit, Trump and the special relationship. *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 19. № 3. P. 543–557.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПРИХОДЬКО Олег Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Oleg V. PRIKHODKO, Cand. Sci. (History), leading researcher, Department of Foreign Policy Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khelbny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 22.12.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 30.12.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 2.01.2022.

УДК 323

DOI: 10.31857/S2686673022030026, EDN: OAZKPD

Гендерные роли в США: бремя пандемии коронавируса

Н.А. Шведова

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6639-6392> e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

---

Резюме: Третий год испытаний пандемией коронавируса в США не могли не оказать влияние на гендерные роли в структуре отношений, особенно в рамках такого сложного и хрупкого, с точки зрения взаимоотношений между личностями, организма, как семейные союзы. Какой сегодня американцы видят семью и каковы, по их мнению, роли женщины и мужчины в современной семье? Насколько семейные ценности пользуются высоким приоритетом в США? Что значит семья в жизни американцев?

Сегодня американки в более зрелом возрасте, чем полстолетия тому назад, готовы для замужества и рождения первенца. Американские женщины завоевали многие высоты в процессе достижения гендерного равенства и самоуважения. Однако проблемы не исчерпаны. Растёт доля взрослых женщин, которые живут в семьях супружеской пары. Брак остаётся доминирующей формой союза для женщин в возрасте 25–54 лет, некоторые предпочитают сожителство. Заметный процент как женщин, так и мужчин, никогда не вступали в брак. Растёт и число женщин, которые сами растят детей.

При этом семья сохраняется в США в качестве важнейшего института социализации личности, исторической трансляции культурных, нравственных ценностей. Семья как социальный институт имеет свои тенденции развития, изменяясь вместе с обществом, оставаясь наиболее устойчивым его элементом, меняя акценты в ожиданиях от семейного союза. Поэтому не удивительно, что большинство американцев смысл жизни связывают, прежде всего, с семьёй, в которой на первое место в семейных обязанностях выходит функция морально-психологической поддержки личности, а рождение и воспитание детей, совместное ведение хозяйства продолжают быть неперемненными условиями семейного счастья.

Ключевые слова: Национальная стратегия гендерного равенства и равноправия, «Великая отставка», институт семьи, институт брака, сожителство, однополые браки, законопроект «Восстановить лучше»

Для цитирования: Шведова Н.А. Гендерные роли в США: бремя пандемии коронавируса. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (3): 23–40.

DOI: 10.31857/S2686673022030026

Gender Roles in the US: the Burden of the Coronavirus Pandemic

Nadezda A. Shvedova

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6639-6392> e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

---

Abstract: The third year of testing by the coronavirus pandemic in the United States could not but have an impact on gender roles in the structure of relationships, especially within such a complex and fragile organism, in terms of relationships between individuals, as family unions. How do Americans see a family today, and what, in their opinion, is the role of a woman and a man in a modern family? To what extent are family values a high priority in the US? What does family mean in American life?

Today, American women are older for marriage and their first child than they were half a century ago, having won many more heights in the process of achieving gender equality and self-respect. However, the problems are not over. More adult women live in families of a married couple. Marriage remains the dominant form of union for women aged 25–54, with some preferring cohabitation. A significant proportion of both women and men have never married. The number of women who are raising their own children is also growing.

At the same time, the family remains in the United States the most important institution for the socialization of the individual, the historical transmission of cultural and moral values. The family as a social institution has its own development trends, developing and changing along with society, while remaining its most stable element, changing the emphasis in expectations from the family union. Therefore, it is not surprising that most Americans associate the meaning of life, first of all, with the family, in which the function of moral and psychological support of the individual comes first in family responsibilities, and the birth and upbringing of children, joint housekeeping, remain indispensable conditions for happy family happiness.

Keywords: National Strategy on Gender Equity and Equality, The Great Resignation, family institution, marriage institution, cohabitation, same-sex marriage, the “Build Back Better bill”

For citation: Shvedova N.A. Gender Roles in the US: the Burden of the Coronavirus Pandemic. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (3): 23-40.

DOI: 10.31857/S2686673022030026

ВВЕДЕНИЕ

В поиске ответа на непростой вопрос, что значит брак и семья для американцев, следует обратить пристальный взгляд на приоритетный список нравственных ориентиров, которые превалируют в общественном идеале и которыми в реальной жизни руководствуются американцы, усматривая в них смысл и цель жизни. Подобная гипотеза представляется вполне логичной, а потому и целесообразной.

В Соединённых Штатах существует не одна служба, а значительное множество, которые проводят разнообразные опросы по широкому спектру проблем, охватывающих все стороны жизни американцев – от политических, экономических, социальных, культурно-религиозных, глобальных, окружающей среды, климата до сфер бытовых и прочих интересов и причудливых слабостей, мелочей и предпочтений. В 2021 г. известный Исследовательский центр Пью (*Pew Research Center*, далее – Центр Пью), реализовал обширные исследования, нацеленные на выяснение у взрослых американцев и жителей других 16 развитых стран (Канада, Бельгия, Франция, Германия, Греция, Италия, Нидерланды, Ис-

пания, Швеция, Великобритания, Австралия, Япония, Новая Зеландия, Сингапур, Южная Корея и Тайвань) [1], представлений об источниках и вдохновляющих ресурсах их смысла жизни, иными словами – проанализировать картину приоритетов нравственных ценностей современных жителей достаточно заметного кластера стран на планете, чтобы увидеть её в сравнительном ракурсе.

В результате было выявлено: демократы и республиканцы в США говорят о семьях как об источнике смысла жизни, а также обычно упоминают своих друзей, карьеру и материальное благополучие [2]. И республиканцы, и демократы, отдавая предпочтение семье, отличаются, называя другие родники смысла жизни. В то время как республиканцы в США гораздо чаще, чем демократы, упоминают свободу или независимость как ключ смысла жизни, аналогичные идеологические разногласия не очевидны в других странах мира. Упоминания о свободе в США стали более распространенными и среди других демографических групп. Американцы без высшего образования стали чаще обращаться к этому предмету, теперь упоминая его примерно с той же частотой, что и те, у кого есть высшее образование (9%) [3].

В 14 из 17 опрошенных стран больше людей называли свою семью как исток смысла жизни, чем что-либо другое. В то время как женатые, так и неженатые люди в настоящее время реже упоминают о партнёрах или романтических отношениях, *наибольшее снижение произошло среди взрослых, состоящих в браке*. Широко распространённые ограничения на поездки в ответ на пандемию коронавируса повлияли также на долю американцев, извлекающих смысл жизни из путешествий, которая снизилась с 6% в 2017 г. до 3% в 2021 году.

СРАВНЕНИЕ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ: О СМЫСЛАХ ЖИЗНИ

В 17 странах, включая США, семья на сегодняшний день – наиболее часто упоминаемый родник смысла и удовлетворения в жизни для людей. Средний показатель почти четырёх из десяти взрослых (38%) свидетельствует о том, что они находят смысл жизни в своей непосредственной или расширенной семье, детях или внуках, родительских отношениях или других аспектах своих семейных уз. В таких странах, как США, Австралия, Греция, Новая Зеландия примерно половина или более обращаются к семье при обсуждении важнейших устремлений в своей жизни [4]. Результаты опросов показывают, что семья чаще всего упоминается и входит в пятерку главных первоисточников смысла жизни. Респонденты также ссылаются на романтических партнёров, своих друзей и общество. Говоря о поиске смысла в других основаниях, не все ограничивают себя людьми в своей жизни – некоторые также указывают на своих домашних животных. Почти каждый десятый взрослый в США (9%) упоминает своего супруга или партнёра в качестве главного смысла жизни. Для сравнения: это одна из наименее упоминаемых тем на Тайване, где менее 1% вспоминают своего супруга или партнёра [4].

БРАК ПО-АМЕРИКАНСКИ: СЕМЬЯ В США, ИЛИ ПОРТРЕТ В ЦИФРАХ

Почти два десятка лет назад Пол Берман, автор книги «Террор и либерализм» [Berman, Paul, 2003], выделил ряд наиболее значительных факторов, имевших место в истории страны во второй половине XX века, изменивших вектор эволюции американской семьи. В его перечень были включены: решение Верховного суда США (*US Supreme Court, 1954 г.*) о запрете расовой сегрегации в системе образования; обретение американскими женщинами новых прав в обществе, их широкий выход на рынок труда; эмансипация мужчин в контексте свободного выбора и возможности более полной оценки таланта женщины; освобождение женщин и мужчин для реализации себя в любви из-за возможности укреплять свою идентичность (быть самими собой); изменения в смысле родительства – вместо требований строгого послушания культ внимания по отношению к особенностям и нуждам своих детей; ужесточение меры наказания за такое преступление, как изнасилование; смягчение давления со стороны родителей и общества к молодым людям по поводу брака; перемена отношения к сексуальным меньшинствам: большая часть общества отказалась от взгляда на нетрадиционную сексуальную ориентацию как на извращение, постепенное признание прав однополых пар на юридическом уровне; в целом, расширение толерантности в американском обществе.

На самом деле все эти факты продолжают играть свою роль и работать в обществе с учётом, конечно, привнесения черт современности, включая временные тренды и намётки долгосрочных тенденций. Ландшафт семейных отношений в США резко изменился за последние десятилетия: от совместного проживания до однополых, межрасовых и межэтнических браков, как отмечают многие американские аналитики, например, А.В. Гейгер, Г. Ливингстон [5] и др. Уже в 2011 г. в США около 60% пар съезжались, прежде чем официально оформлять отношения. Считалось, что люди, начавшие вести совместное хозяйство до свадьбы, имели столько же шансов прожить в браке не менее 15 лет, как и те, кто начал жить вместе после официального заключения брака.

Опрос Службы Гэллапа в 2011 г. показал, что 23% американцев считали развод аморальным поступком (в 2001 г. – 28%). За это же время заметно выросло число американцев, которые толерантно относились к рождению ребенка вне брака: в 2001 г. таких респондентов было 45%, а в 2011 г. – больше половины (54%).

Согласно исследованию, проведённому в октябре 2021 г., всё большее число взрослых американцев не состоит в браке и не живёт с партнёром. Однако слой взрослых (категория от 25 до 54 лет), которые в настоящее время состоят в браке, сузился с 67% в 1990 г. до 53% в 2019 г., в то время как часть сожителей более чем удвоилась за тот же период (с 4% в 1990 г. до 9% в 2019 г.). Процент тех, кто никогда не был женат, также вырос – с 17 до 33%. Причём мужчины чаще оставались

без своей половины, чем женщины. Несколько ранее статистика свидетельствовала: половина американцев в возрасте 18 лет и старше были женаты в 2017 г., и эта доля оставалась относительно стабильной в последние годы, но снизилась на 8 процентных пунктов с 1990 года.

Ряд факторов обусловил изменения, среди которых одним из определяющих является более поздний возраст старта брачного союза. По данным Бюро переписи населения США, средний возраст вступления в первый брак достиг своего рекордного уровня: 30 лет для мужчин и 28 лет для женщин в 2018 г. По мере того, как уровень браков в США снижался, показатель разводов среди пожилых американцев рос. Если в 1990 г. на каждые 1000 взрослых, состоящих в браке, в возрасте 50 лет и старше приходилось 5 расторжений брака, то в 2015 г. – уже 10 разведённых, то есть в 2 раза больше. Среди людей в возрасте 65 лет и старше уровень разводов примерно утроился с 1990 года.

Такие изменения происходят на фоне того, что чувство любви возглавляет список причин, по которым американцы вступают в брак. Согласно опросу Центра Пью, проведённому в 2013 г., примерно девять из десяти американцев (88%) назвали любовь «очень важной причиной для вступления в брак», прежде чем брать на себя обязательства на всю жизнь. Существенно меньший процент среди тех, кто заявил, что признание их отношений на религиозной церемонии (30%), финансовая стабильность (28%) или юридические права и льготы (23%) были очень важными причинами для вступления в брак [5].

В опросе Центра Пью 2017 г. в качестве важнейшего индикатора «хорошего мужа или партнёра» и «хорошей жены или партнёрши» было названо «обеспечение материального (финансового) благополучия». Почти семь из десяти взрослых (71%) выразили согласие с этой точкой зрения в отношении мужчин, по сравнению с 32%, которые отметили то же самое по отношению к женщинам [5].

Что цементирует брак? Женатые взрослые перечислили следующие позиции: наличие общих интересов (64%), взаимная удовлетворённость сексуальными отношениями (61%) и совместное выполнение домашних обязанностей (56%).

Растёт число повторных браков: в 2013 г. 23% женатых людей были в браке раньше, по сравнению со всем с 13% в 1960 г. Четыре из десяти новых браков в 2013 г. включали супруга, который состоял/состояла ранее в браке, 20% новых союзов, в которых оба супруга уже побывали в брачном союзе.

Повторный брак чаще встречается среди мужчин, чем среди женщин. 64% ранее женатых мужчин (тех, кто когда-либо был разведён или овдовел), заключили второй брак, по сравнению с 52% ранее замужних женщин, согласно анализу данных Бюро переписи населения 2013 г. Американские эксперты указывают на одну из возможных причин такого неравенства – это меньшая заинтересованность ранее замужних женщин, чем мужчин, в повторном браке [5], что коррелируется с ростом как экономической, так и морально-психологической самодостаточности и самостоятельности американок, что позволяет им ожидать

от супружества прежде всего эмоционально-психологической и духовной гармонии и поддержки.

Некоторые данные убеждают в этом: в 1990 г. женщины, не состоявшие в браке, в среднем зарабатывали больше, чем их коллеги-партнёры (32 300 долл. против 26 900 долл.) [6]. С тех пор средний заработок женщин, не состоящих в браке, оставался на прежнем уровне, в то время как средний заработок женщин-партнёрш увеличился на 13 100 долл. Доля одиноких женщин, находящихся в уязвимом финансовом положении, не сильно изменилась (с 38% в 1990 г. до 37% в 2019 г.) [6].

В США наблюдается устойчивый рост смешанных браков с 1967 г., когда только 3% молодожёнов состояли в таком типе брачного союза, в то время как в 2015 г. каждый шестой молодожён (17%) состоял в браке с кем-то, принадлежащим к другой расе или этнической группе. Характерно, что азиатские (29%) и латиноамериканские (27%) молодожёны чаще всего вступают в смешанные браки в США. Наиболее резкое увеличение числа смешанных браков произошло среди чернокожих молодожёнов, 18% из которых создали межрасовый или межэтнический брачный союз, по сравнению с 5% в 1980 г. Примерно каждый десятый белый молодожён (11%) состоит в браке с человеком другой расы или этнической принадлежности.

Значительное меньшинство женатых американцев являются членами другой религиозной группы, чем их партнёр, но браки и партнёрские отношения по линии политических партий относительно редки. Примерно у четырёх из десяти американцев, вступивших в брак с 2010 г. (39%), – супруг, исповедующий другое религиозное направление, по сравнению с 19% тех, кто женился до 1960 г., согласно опросу Центра Пью (2014 г.). Многие из этих межконфессиональных браков заключаются между христианами и теми, кто религиозно не связан. 77% как республиканцев, так и демократов, которые были женаты или жили с партнёром, сказали, что их супруг или партнёр были однопартийцами [5].

Таким образом, складывается впечатление, что преодоление разных религиозных представлений для совместного проживания в супружеском союзе даётся легче, чем разная партийная нацеленность.

ОБ ОДНОПОЛЫХ БРАКАХ В США

Поддержка легализации однополых браков заметно выросла за последние десять лет. В 2007 г. американцы выступали против легализации однополых браков с перевесом от 54 до 37%. В 2017 г. больше поддержали (62% – «за», 32% – «против») разрешения геям и лесбиянкам вступать в законный брак. Опросы, проведённые Службой Гэллапа, показали, что примерно каждый десятый американец ЛГБТ (10%) в 2017 г. состоял в браке с однополым супругом. Сейчас большинство (61%) всех однополых пар, живущих вместе, состоят в браке [5].

Логика сторонников признания однополых браков зиждется на следующих принципиальных основаниях. В США широко распространено представление о том, что «брак – это любовь и преданность», что «гетеросексуальная любовь не выше гомосексуальной любви и наоборот», что «партнёрства» имеют право на равную степень «охраны законом независимо от пола людей, входящих в них». Поскольку нормы и культурное разнообразие американского общества меняется, определение семьи должно следовать за этими изменениями. Поэтому разрешение однополым парам вступать в брак (признать семьи лесбиянок и геев) демонстрирует приверженность американского общества и государства разнообразию, равенству, терпимости и уважению.

Принятию такого взгляда на существо вещей, с точки зрения сторонников однополых браков, мешает множество стереотипов, которыми обросли однополые отношения. Так, гомосексуалистов и их отношения часто оценивают как «беспорядочные половые связи», и речь идёт только «об интимных отношениях». С подобными предрассудками следует бороться: прежде всего, признать, что таковые существуют, а затем добиваться их устранения. В реальной жизни отношения лесбиянок и геев (как и гетеросексуальные отношения), как утверждают сторонники таких браков, основаны на «любви и обязательствах», то есть люди, которые «любят друг друга и заботятся о честности и справедливости, могут бороться за равенство всех людей и поддерживать равноправный брак» [7].

Равенство в браке – это фундаментальное право. Если однополым парам отказывают в законных правах и культурных привилегиях, которыми обладают гетеросексуальные пары посредством брака, то это означает, что они не могут в полной мере участвовать в жизни американского общества. Кроме того, дети выигрывают от законного брака.

Борьба идёт за законные однополые браки, потому что они предоставляют парам различные федеральные льготы. Гражданские союзы (сожитительство) предоставляют парам только штатные льготы. Кроме того, штаты различаются по своим правилам приемлемости для гражданских союзов, и штаты могут решать, признавать ли гражданские союзы вообще. В арсенале тех, кто выступает за однополые браки, такие аргументы, как утверждение о том, что разрешение лесбийским и гомосексуальным парам вступать в законный брак не угрожает и не отбирает права у женатых гетеросексуальных пар. Разрешение ЛГБТ-сообществу вступать в брак не ослабляет и не разрушает брак гетеросексуалов, поэтому нет необходимости «защищать брак», который не подвергается нападкам. Приводится убедительный аргумент с точки зрения защитников: «если бы брак был под угрозой, ЛГБТ-сообщество восстало бы против брака, а не боролось за право на брак» [7].

Противники однополых браков прибегают к аргументу о репродуктивных возможностях производить потомство в таких союзах, и поскольку гетеросексуалы могут производить потомство, они должны иметь право на брак, а гомосексуальность в этом смысле противоестественна (этот аргумент ранее использовался

теми, кто выступал против межрасовых браков), а значит, такие пары не имеют права на брак.

Последним парируют: многие гетеросексуалы не могут или не хотят иметь потомство, должно ли общество на этом основании запретить таким американцам создавать брачные союзы? Сторонники однополых браков считают, что ключевым в брачном союзе является любовь и обязательства между людьми, а не продолжение рода.

Защитники лесбийских и гомосексуальных пар не видят убедительных оснований для отказа им в той же защите закона, которой пользуются гетеросексуалы. Они считают позитивным действием предоставление однополым парам, которые состоят в любящих и преданных отношениях, такую же защиту закона, как и брачным союзам между женщиной и мужчиной. Кроме того, эти американцы платят налоги в систему социального обеспечения в течение всей своей трудовой жизни, не получая таких же пособий по социальному обеспечению, как их коллеги, что не представляется справедливым.

Предоставление ЛГБТ-сообществу права вступать в брак связано с социальными и культурными сдвигами и рассматривается в США как «просто эволюция прав человека». На протяжении десятков лет в Соединённых Штатах велись и продолжают идти дискуссии на эту тему. Хотя надо заметить, что однополые браки в США легализованы во всех штатах с июня 2015 г. С этого периода однополые пары, которые состоят в браке, получили равный доступ ко всем федеральным льготам на территории страны, что и супружеские пары противоположного пола.

МАТЕРИНСТВО И ОТЦОВСТВО

Численность населения США (на январь 2022 г.) составляла 335 143 751 человек, соотношение полов 0,98 (165 451 706 мужчин на 169 692 318 женщин, или 49,4 и 50,6% соответственно). Страна занимает третье место в рейтинге по населению, или 4,21% населения Земли. Ожидаемая продолжительность жизни: 78,4 лет (для женщин – 80,9, а для мужчин – 75,9). Грамотность населения равна 99% [8].

В 2020 г. коэффициент рождаемости упал на 4%. Эксперты отмечают взаимозависимость между падением рождаемости и неблагоприятными экономическими ситуациями в стране на примерах прошлых спадов («Великая рецессия»), которые убедительно продемонстрировали такую корреляцию. Здравый смысл поддерживает эти очевидные наблюдения. Пандемия коронавируса и связанная с ней рецессия привели, как известно, к росту безработицы, закрытию школ и детских учреждений, изоляции, страху за настоящее и будущее, коррозии социального оптимизма – факторы, не способствующие желанию заводить детей. Уже до пандемии общий уровень рождаемости в США в 2019 г. был равен 58,3 на каждые 1 000 женщин (когорта в возрасте от 15 до 44 лет), по сравнению с 59,1 в 2018 г. Этот год стал пятым подряд, отметившим снижение уровня рождаемости.

Специалисты объясняют это явление сокращением рождаемости среди женщин в возрасте 34 лет и моложе, затяжными последствиями «Великой рецессии», а также долгосрочными демографическими изменениями, среди которых – повышение уровня образования и отложенное вступление в брачный союз [9].

При этом существуют другие показатели, например, количество детей, рожденных женщиной за всю её жизнь. По мнению аналитиков-демографов, в соответствии с этим показателем, 2006 год стал свидетелем самой низкой точкой репродуктивной активности в США: американки (возраст от 40 до 44 лет) родили в среднем 1,86 ребёнка в течение своей жизни. С этого периода коэффициент рождаемости имеет тенденцию к росту, и в 2018 г. средний показатель составлял чуть более 2,0 детей. В результате часть американских женщин в конце детородного возраста в 2018 г. была больше, чем десять лет назад, то есть около 85% женщин (возраст от 40 до 44 лет) были матерями в 2018 г., по сравнению с 82% в 2008 г. [9].

Обращает на себя внимание и тенденция к резкому снижению в последние годы уровня рождаемости среди подростков, который составил 16,7 рождения на 1 000 девочек и женщин (возраст от 15 до 19 лет), что означало двукратное падение (37,9 на 1000 подростков) по сравнению с 2009 г. Снижение коснулось всех основных расовых и этнических групп, но оно оставалось выше среди испаноязычных и чернокожих подростков, чем среди белых или азиатских. Большинство рождений детей в подростковом возрасте приходится на незамужних матерей. «Великая рецессия» способствовала общему снижению рождаемости, в том числе рождаемости среди подростков. Но, учитывая, что эта тенденция сохранилась и после рецессии, эксперты также связывают это с меньшим количеством подростков, занимающихся сексом, подростков, имеющих доступ к более надёжному контролю над рождаемостью и программам профилактики беременности [9].

Исторически сложилось так, что американки с более высоким образовательным уровнем имели меньшее количество детей. В последние десятилетия разрыв в уровне образования в области рождаемости сократился. В 2014 г. 80% женщин в возрасте от 40 до 44 лет, имеющих степень доктора философии или профессиональную степень, были матерями, как и 82% женщин со степенью бакалавра [10]. Между тем, 74% взрослых в возрасте до 50 лет с детьми не планируют рождение ещё детей. Эта пропорция практически не изменилась с 2018 г. [6]. Значительное меньшинство бездетных мужчин (44% от 18 до 49 лет) надеются в какой-то момент стать отцами, а ещё 35% – не уверены (опрос Центра Пью, 2017 г.). Среди бездетных женщин в той же возрастной группе 50% намерены испытать материнство, в то время как 22% – не планируют [11].

Что касается отцовства в США, то сегодня отцы, которые живут со своими детьми, принимают более активное участие в уходе за ними и помощи по дому, и число отцов-одиночек значительно выросло за последние десятилетия. В то же время всё больше детей растут в семье, в которой отсутствует отец в доме. В канун и в начале пандемии COVID-19 растущая доля взрослых американцев проживали без супруга или партнёра, а также взрослых, не состоящих в браке [6].

Среди миллениалов (в возрасте от 20 до 35 лет в 2016 г.) 6% отцов были дома со своими детьми. Для сравнения, 3% отцов поколения "X" проживали со своими детьми, когда им было столько же лет. Среди множества взрослых (44%), считающих идеальной для маленького ребенка ситуацию с двумя родителями, согласны, чтобы один из них оставался дома, 39% выделяют мать как «лучшую» для этой функции, и лишь 5% видят в отце «лучший» вариант для этой роли, то есть оставаться дома. Некоторые находят преимущество в том, что мамы больше, чем папы, заботятся о маленьких детях. Отцы с большим негативом относятся к своим собственным родительским способностям, чем матери: только 39% отцов (2015 г.) сочли, что они «очень хорошо справляются» с воспитанием своих детей, по сравнению с 51% матерей [11].

Пандемия вырвала из тени проблемы разделения домашних и семейных обязанностей между супругами или партнёрами. К этому подтолкнуло закрытие многих школ и детских учреждений, в результате чего дети оставались дома под присмотром родителей. Правда, до пандемии шесть из десяти женщин, состоящих в брачных отношениях (59%), были убеждены, что они выполняют львиную долю работы по дому и уходу за детьми по сравнению со своим супругом или партнёром. И только 9% признавали за своим супругом или партнёром заслугу большего вклада в общие семейные дела, а примерно треть (32%) подчеркнула паритетность в исполнении их. В том же опросе примерно 78% матерей оценили свою работу как преобладающую по сравнению с вкладом их супруга или партнёра, когда речь шла о занятиях с детьми. При этом большинство (62%) отцов согласились с такой оценкой [12].

Представления различаются и с точки зрения качества выполняемой функции при уходе за больным. Когда речь идёт об уходе за членом семьи с серьёзным заболеванием, большинство взрослых (59%) считают мужчин и женщин одинаково способными «хорошо справиться» с задачей, но значительная доля (40%) – выбирают женщину как оптимальный вариант для этой роли, потому что она будет «выполнять работу лучше». Женщины чаще мужчин выражали эту точку зрения (45% против 34%). Только 1% взрослых американцев поддержали мужчин как лучших для этой работы, чем женщины.

Американцы отмечают сильное давление, оказываемое на мужчин из-за предъявления к ним требований по финансовой поддержке семьи. Так считают 76%, а 40% полагают, что женщины сталкиваются с большим давлением в этой области. Меньше (68%) считают, что на мужчин «давят» из-за продвижения по карьерной лестнице для достижения «успеха в своей работе», а 44% – на женщин. Лишь 15% указали на «зацикленность» женщины в работе, в то время как 56% заявили об одинаковой оценке вложения усилий женщин на службе и дома, а 28% подчеркнули главное участие американок в семейном быту и родственных отношениях [12].

Пандемия обнажила немало проблем для матерей, вскрыв среди них и «старые», которые обострились и актуализировались с новой силой. Пандемия COVID-19 привела к увеличению доли матерей в США, которые предпочли бы не работать за плату. С 2019 по 2020 г. процент американок с детьми, выразивших предпочтение работать полный рабочий день, снизился с 51 до 44% [13]. А 52% работающих родителей с детьми младше 12 лет заявили о трудностях во время пандемии при выполнении своих семейных обязанностей. Пандемия коронавируса повлияла на рабочие ритмы школы и занятости на предприятиях и учреждениях по найму в Соединённых Штатах. На фоне сбоев некоторые родители поставили под сомнение необходимость придерживаться оплачиваемого места работы.

Для американских пар гендерные различия в распределении домашних обязанностей сохраняются на фоне пандемии. Среди всех взрослых, состоящих в браке или совместно проживающих, 53% отмечали гармонию во взаимоотношениях, подчёркивая, что «в их браке или в отношениях в настоящее время всё идет очень хорошо». Не произошло существенных изменений в том, как отцы описывали свои оптимальные условия работы. В ходе опросов 2019 и 2020 гг. примерно восемь из десяти отцов выразили предпочтение «быть занятым полный рабочий день». Гораздо меньший слой респондентов не возражал бы против личного стремления к неполному рабочему дню или «вообще не работать за плату» [13].

Многие указывали на конкретные проблемы, с которыми столкнулись на работе с начала вспышки коронавируса из-за необходимости балансирования между работой и родительскими обязанностями: примерно половина занятых родителей (49%) заявили о «профессиональном выгорании», о том, что не могут выкладываться на 100% с начала пандемии, а 30% – о необходимости сократить своё рабочее время. Однако меньше людей отказались от важного задания на работе (13%) или повышения по службе (6%) [14].

НОВЫЕ ФАКТОРЫ В ПАНДЕМИЮ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ

Американские исследователи отмечают ряд новых тенденций, рождённых под влиянием обстоятельств, связанных с пандемией. В частности, указывают на тенденцию, которая получила название «Великая отставка» (*The Great Resignation*). Под этим явлением подразумевается сложное сочетание слагаемых пандемии: некоторые женщины с детьми столкнулись с трудностями из-за переплетения обязательств по дому, по уходу за детьми и рабочими делами, что вынудило их сделать шаг назад, покинув рынок труда. Некоторые пожилые работники вышли на пенсию раньше, чем ожидалось [15], с одной стороны, а с другой – определённая нехватка рабочих рук побуждает работодателей повышать зарплату. В то же время высокооплачиваемая работа у других работодате-

лей, в свою очередь, стимулирует к увольнению, чтобы получить более высокую заработную плату и более выгодные льготы.

Ещё одна заметная новая тенденция, порождённая пандемией, проявилась в росте доли взрослых детей, проживающих с родителями, вопреки прежней сложившейся традиции к раннему исходу молодёжи из родительского гнезда. В 2020 г. наибольшее число молодых людей проживали со своими родителями впервые со времён «Великой депрессии». Пандемия коронавируса вынудила их, особенно молодых взрослых, переехать к членам семьи. Молодые американцы (возрастная категория от 18 до 29 лет), проживающие со своими родителями, стали большинством: в июле 2020 г. 52% проживали с одним или обоими родителями, по сравнению с 47% в феврале 2020 г. Число молодых американцев – взрослых детей, живущих с родителями, выросло до 26,6 млн человек, что на 2,6 млн больше, чем в феврале, причём доля молодых американцев, проживающих совместно с родителями, подскочила по всем основным расовым и этническим группам, женщинам и мужчинам, жителям разных географических, городских и сельских районов. Замечен наиболее разительный рост для самых молодых взрослых (в возрасте от 18 до 24 лет) и для белых американцев [16].

В результате средства массовой информации пишут о том, что «Америка становится нацией лодырей» – в сентябре 2021 г. рекордные 4,4 млн рабочих подали в отставку. При этом наблюдается неравномерная картина по стране. Возникают и новые проблемы экономического характера (особенно в штатах с так называемым скачком «коэффициента увольнений»): старение рабочей силы или низкий уровень участия в ней. Можно привести в пример Гавайи, где 7,1% всех работников уволились в сентябре 2021 г., а это более чем вдвое выше национального показателя в 3% и самый высокий показатель увольнений в стране [15].

В 2020 г. женщины потеряли больше рабочих мест, чем их сверстники-мужчины (закончив год с потерей 860 000 рабочих мест). Мужчины и женщины начали год примерно в равных условиях, хотя женщины занимали незначительно больше – около 50,03% рабочих мест [17].

Пандемия коронавируса вытеснила с рынка труда прежде всего, по понятным причинам, женщин с самой низкой оплатой труда. Они потеряли большинство рабочих мест. Гендерный разрыв в заработной плате для работающих полный рабочий день сократился для всех женщин и мужчин, а также по расе и этнической принадлежности. В 2020 г. недельная заработная плата мужчин и женщин имела разрыв для всех штатных работников (он сократился с 18,5% в 2019 г. до 17,7% в 2020 г.) в результате непропорционально большой потери рабочих мест, связанной с пандемией *COVID-19*, для женщин в самых низкооплачиваемых секторах рынка труда. Эта несоразмерная потеря рабочих мест также привела к падению еженедельного гендерного разрыва в заработной плате по расе/этнической принадлежности для женщин всех основных расовых и этнических групп по сравнению с белыми американцами.

Расовые и гендерные различия в оплате труда остаются заметными. Разрыв в недельном заработке женщин и мужчин, занятых полный рабочий день, в США сократился в период с 2019 по 2020 г. с 19,5% (соотношение доходов мужчин и женщин составлял 81,5%) до 18,7% (соотношение доходов мужчин и женщин составлял 82,3%). Средний недельный заработок женщин при полной занятости был равен 891 долл. в 2020 г., по сравнению с 1082 долл. у мужчин.

Число всех женщин, занятых полный рабочий день, сократилось на 5,9% с 2019 по 2020 г., а вакансий в сфере обслуживания (самая низкооплачиваемая профессия среднего уровня, со средним недельным заработком в размере 574 долл.) – на 18,8%. Сегмент работающих женщин в менеджменте, бизнесе и финансовых операциях (самый высокий заработок в профессии со средним недельным вознаграждением в размере 1274 долл.) увеличился на 1,5% для женщин и не изменился для мужчин.

В документе администрации Дж. Байдена – К. Харрис по поводу Национальной стратегии гендерного равенства и равноправия сказано о том, что после худшего экономического коллапса со времён «Великой депрессии» участие женщин в американской рабочей силе упало до самого низкого уровня за более чем 30 лет [18]. Р. Сауджани, одна из лидеров женского движения в США, вполне уместно и справедливо заметила, что могут потребоваться десятилетия, чтобы вернуть женщинам более 50% участия на рынке труда, если не будет комплексного плана по возвращению их на работу. Экономика США потеряла 140 тыс. рабочих мест только в декабре 2021 г. – все они были заняты женщинами [17].

Администрация Дж. Байдена – К. Харрис со вниманием, особенно политически обострённым в канун промежуточных выборов 2022 г., относится к проблемным интересам женского населения США – электората первостепенной важности. Не случайно по её инициативе Национальная стратегия гендерного равенства и равноправия, впервые разработанная в современной истории США, была представлена американской общественности. Указанные в ней стратегические приоритеты предусматривают содействие всестороннему участию всех людей, включая женщин и девочек, в Соединённых Штатах в повышении экономической безопасности. «Возможность полностью реализовать свой потенциал, независимо от гендерной идентичности или других факторов, является не только моральным императивом. Это стратегический императив – продолжение нашего национального пути к справедливости, возможностям и равенству», – подчёркнуто в документе администрации Дж. Байдена – К. Харрис [18]. В нём подчёркивается, что макроэкономические выгоды от устранения этих гендерных разрывов и поддержки участия женщин в рабочей силе очевидны. Американские эксперты обнаружили, что рост доходов женщин за последние 40 лет обеспечил 91% роста доходов семей среднего класса. Оценки показывают, что устранение гендерного разрыва в рабочей силе добавит от 12 до 28 трлн долл. в мировой ВВП за десятилетие, а устранение гендерных экономических последствий одной только пандемии COVID-19 принесёт к 2030 г. до 13 трлн долл. в мировом ВВП [18].

В контексте Национальной стратегии гендерного равенства и равноправия К. Николь Мейсон, президент и генеральный директор Института политических исследований в отношении женщин (*The Institute for Women's Policy Research – IWPR*) заявила: «Законопроект о восстановлении («Восстановить лучше» – *The Build Back Better bill*) – это первый взнос за более справедливое экономическое будущее для американских женщин и их семей... Это обеспечивает важнейшую поддержку, необходимую для полного выздоровления американских женщин от пандемии, и инвестиции, которые создадут более экономически безопасное будущее для семей и работников. Глубоко прискорбно, что законодатели не могут собраться вместе по такому важному, основанному на здравом смысле законодательству» [19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт брака («институт семьи»), меняющийся со временем феномен общества и государства, – явление не статичное, он впитывает и интегрирует порой существенные изменения. История США познала периоды, когда замужние женщины были законной собственностью своих мужей, а межрасовые браки отвергались законами о недопустимости смешанных брачных союзов.

На протяжении последних десятилетий в американском обществе произошли значительные изменения в структуре брака и семьи под влиянием внешних и внутренних факторов. Форма семьи – традиционная нуклеарная семья – перестала быть доминирующей, как это было в середине XX века. Женское движение в США рассматривало традиционную нуклеарную семью в весьма негативных красках, не без основания считая такой тип семейных отношений дискриминационным в отношении женщин.

Сегодня большинство исследователей разделяют взгляды женского движения в пользу равноправной формы семьи и реальной экономической независимости для жён. С этой точки зрения уход от традиционной нуклеарной семьи расценивается как прогресс и не рассматривается как негативное явление, поскольку упадок патриархатной власти привёл к росту статуса женщины до положения гражданки с равными правами. Рост женского равенства – логичное развитие цивилизованного общества.

Приходит понимание, что сильный социальный институт, востребованный обществом, наконец-то поддерживаем государственным устройством, обладает достаточной степенью приспособляемости, энергией преодоления закостенелых стигм и предрассудков и вписывается в главное направление социальных и культурных эволюционных процессов.

Семья остаётся в США важнейшим институтом социализации личности, исторической трансляции культурных и нравственных ценностей. Семья как социальный институт имеет свои тенденции развития, изменяясь и развиваясь вместе с обществом, при этом оставаясь наиболее устойчивым его элементом, при этом создавая разнообразие форм и типов. Поэтому не удивительно, что

большинство американцев смысл жизни связывает, прежде всего, с семьёй, в которой на первое место в семейных функциях выходит морально-психологическая поддержка личности, а не рождение и воспитание детей, совместное ведение хозяйства, как это было на протяжении предыдущих десятилетий. При этом дети сохраняют за собой как мощную нравственную, так и одну из главных составляющих счастливого брака.

Семейные и бытовые условия американцев значительно модернизировались в первой четверти XXI века, зафиксировав преобразившуюся роль родителей, матерей и отцов. Последние сталкиваются с новыми проблемами, поскольку теперь и отцам приходится «жонглировать» конкурирующими требованиями семьи и работы.

Вместе с тем американцы склонны оценивать преимущества официального брака, который демонстрирует свои позитивные стороны, проявляющиеся в качественной среде для детей в семьях с двумя биологическими родителями. Дети в таких семьях, по данным научных наблюдений, как правило, более успешны в учёбе и эмоционально стабильны. Подростки реже вступают в половую связь, а домохозяйства с двумя родителями защищают детей от негативных последствий малообеспеченности. Перечень позитивных сторон не исчерпывается лишь этим упоминанием. В американской научной и научно-популярной литературе относительно широко распространено мнение о благотворном влиянии семейной жизни в браке, к которому часто относят продолжительность жизни и состояние финансов. Утверждается, что для женатых/замужних американцев в разы снижается опасность скорострительной смерти по сравнению с их ровесниками, придерживающимися внебрачного стиля жизни. Кроме того, доход взрослых американцев, которые никогда не состояли в браке, ниже наполовину, чем у семейных (или разведённых) жителей США, обладающих аналогичным образованием или уровнем квалификации.

Активное американское женское движение в отстаивании своих интересов не сбрасывает со счетов надежду на Национальную стратегию гендерного равенства и равноправия, выработанную администрацией Дж. Байдена – К. Харрис, которая осознает необходимость полноценного участия женщин и девочек в экономической жизни, поскольку оно имеет решающее значение для экономической конкурентоспособности. В рамки обязательств правительства включено содействие справедливому экономическому восстановлению и конкурентоспособности путём расширения занятости женщин на хорошо оплачиваемых рабочих местах [18].

Кризисные проблемы, рождённые затянувшейся коронавирусной пандемией, сулят нелёгкие испытания по восстановлению в постпандемическую эру. Администрацией заявлена приверженность по мере преодоления проблем, связанных с волной омикрон-штамма, «построить экономику, которая будет работать на благо женщин и их семей» [20].

С этой целью будут обеспечены возможности для равного доступа к «хорошей работе, в том числе путём устранения сохраняющейся гендерной дискриминации и системных препятствий на пути к полному участию рабочей силы». Предполагается «инвестиция в инфраструктуру ухода и работников по уходу» для восстановления экономики и снижения затрат для работающих семей. Особое внимание уделяется «устранению барьеров на пути обеспечения равных возможностей в области образования», которые подрывают способность конкурировать на равных условиях, признавая, что образование влияет на будущую экономическую безопасность.

Однако от упорной деятельности и тщательной работы самих американских женщин, умеющих отстаивать свои интересы и защищать пользу своих семей совместно в гармонии брачного союза или совместного партнёрства, будет складываться перспектива постпандемического завтра, пройдя проверку испытанием предстоящих промежуточных выборов 2022 г. в США.

ИСТОЧНИКИ

1. Clancy, L., Gubbala, S. What makes life meaningful? Globally, answers sometimes vary by age. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/11/23/what-makes-life-meaningful-globally-answers-sometimes-vary-by-age/> (accessed 25.11.2021).
2. Republicans and Democrats largely agree that family, friends and careers give them meaning in life – but differ on other factors including faith and health. Available at: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/11/22/both-republicans-and-democrats-prioritize-family-but-they-differ-over-other-sources-of-meaning-in-life/ft_2021-11-22_partisanmeaning_01a/ (accessed 24.11.2021).
3. Patrick van Kessel and Laura Silver. Where Americans find meaning in life has changed over the past four years. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/11/18/where-americans-find-meaning-in-life-has-changed-over-the-past-four-years/> (accessed 24.11.2021).
4. Silver, Laura, Patrick Van Kessel, Christine Huang, Laura Clancy and Sneha Gubbala. Finding meaning in others. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2021/11/18/finding-meaning-in-others/> (accessed 24.11.2021).
5. Geiger, A.W., Livingston, G. 8 facts about love and marriage in America. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/02/13/8-facts-about-love-and-marriage/> (accessed 14.05.2021).
6. Schaeffer, Katherine. Striking findings from 2021. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/12/17/striking-findings-from-2021/> (accessed 28.12.2021).
7. NOW. Issues: Marriage. Available at: <http://www.now.org/issues/marriage/index.html> (accessed 28.12.2021).

8. United States of America population. Available at: [https://countrymeters.info/ru/United_States_of_America_\(USA\)](https://countrymeters.info/ru/United_States_of_America_(USA)) (accessed 03.01.2022).

9. Barroso, Amanda. With a potential 'baby bust' on the horizon, key facts about fertility in the U.S. before the pandemic. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/05/07/with-a-potential-baby-bust-on-the-horizon-key-facts-about-fertility-in-the-u-s-before-the-pandemic/> (accessed 10.06.2021).

10. Brady E. Hamilton, Ph.D., Joyce A. Martin, M.P.H., and Michelle J.K. Osterman, M.H.S. Vital Statistics Rapid Release. Births: Provisional Data for 2020. Report No. 012 May 2021 Division of Vital Statistics, National Center for Health Statistics. Available at: <https://www.cdc.gov/nchs/nvss/vsrr/nativity-dashboard.htm> (accessed 10.06.2021).

11. Livingston, Gretchen and Kim Parker. 8 facts about American dads. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/12/fathers-day-facts/> (accessed 16.12.2020).

12. Barroso, Amanda and Horovitz, Juliana Menasce. The pandemic has highlighted many challenges for mothers, but they aren't necessarily new. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/03/17/the-pandemic-has-highlighted-many-challenges-for-mothers-but-they-arent-necessarily-new/> (accessed 16.05.2021).

13. Minkin, Rachell. COVID-19 pandemic saw an increase in the share of U.S. mothers who would prefer not to work for pay. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/08/31/covid-19-pandemic-saw-an-increase-in-the-share-of-u-s-mothers-who-would-prefer-not-to-work-for-pay/> (accessed 04.09.2021).

14. Igielnik, Ruth. A rising share of working parents in the U.S. say it's been difficult to handle child care during the pandemic. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/01/26/a-rising-share-of-working-parents-in-the-u-s-say-its-been-difficult-to-handle-child-care-during-the-pandemic/> (accessed 11.08.2021).

15. Picchi, Aimee. Americans are quitting their jobs at record rates - here are the 10 states leading the trend. *CBS-News*. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/workers-quit-jobs-resign-states-trend/?intcid=CNI-00-10aaa3a> (accessed 03.01.2022).

16. Fry, Richard, Jeffrey S. Passel & D'Vera Con. Most young people in the US are living with their parents for the first time since the Great Depression. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/09/04/a-majority-of-young-adults-in-the-us-live-with-their-parents-for-the-first-time-since-the-great-depression> (accessed 07.09.2020).

17. Kurtz, Annalyn. The US economy lost 140,000 jobs in December. All of them were held by women. Available at:

<https://edition.cnn.com/2021/01/08/economy/women-job-losses-pandemic/index.html> (accessed 15.12.2021).

18. National Strategy on Gender Equity and Equality | The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/10/National-Strategy-on-Gender-Equity-and-Equality.pdf> (accessed 05.10.2021).

19. Build Back Better Bill Is Vital for Women and Families as They Recover from the Pandemic. Available at: <https://iwpr.org/media/press-releases/build-back-better-bill-is-vital-for-women-and-families-as-they-recover-from-the-pandemic/> (accessed 05.12.2021).

20. Fact Sheet: National Strategy on Gender Equity and Equality | The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/10/22/fact-sheet-national-strategy-on-gender-equity-and-equality/> (accessed 24.10.2021).

REFERENCES

Berman, P. 2003. Terror and Liberalism. New York: W. W. Norton.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШВЕДОВА Надежда Александровна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социально-политических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН), Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Nadezhda A. SHVEDOVA, Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center of Socio-Political Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3, Khlebnny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 10.01.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 20.01.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 22.01.2022.

УДК 328.3

DOI: 10.31857/S2686673022030038, EDN: GHAQHX

Подходы США к сдерживанию Китая

Д.Б. Графов

Институт востоковедения РАН

Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7334-5398> e-mail: graftvc@mail.ru

---

Резюме. В статье рассматриваются перспективы противостояния США и КНР с точки зрения возможностей американских властей ослабить КНР, остановить её возвышение в экономическом, технологическом и военном отношении. Анализируются следующие возможности: ослабление экономики через лишение доступа на рынки, ограничение доступа к сырью и энергоресурсам, изоляция от новых технологий, ослабление военного потенциала через создание враждебных коалиций, проекция военной силы США, создание внутренних проблем в авторитарном режиме. С другой стороны, рассматриваются возможности КНР противостоять США, экономические, технологические, геополитические уязвимости, мотивы поставленной цели – "великой мечты о возрождении китайской нации". Автор приходит к выводу, что экономическая (торговая) война серьёзно не ослабит Китай, если только Вашингтон не втянет Пекин в военный конфликт и не затормозит китайскую экономику с помощью санкций, блокады поставок сырья и критических компонентов. Однако прямое столкновение грозит непредвиденными последствиями для США. Американские военные операции могут быть эффективны лишь до границ континентального Китая. В уязвимом положении Китайская Народная Республика окажется при попытке атаковать Тайвань. Эффективной стратегией Вашингтона будет перенапряжение сил Китая в конфликте с соседями по Индо-Тихоокеанскому региону и изоляция от ключевых торговых партнёров. Однако пока нет ответа на вопрос, как далеко в Вашингтоне готовы зайти в случае ширококомасштабного конфликта с Пекином.

Ключевые слова: США, КНР, торговая война, дилемма безопасности, АУКУС, «четвёрка» (QUAD)

Для цитирования: Графов Д.Б. Подходы США к сдерживанию Китая. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (3) 41-60.

DOI: 10.31857/S2686673022030038

The U.S. Approaches to Deter China

Dmitry B. Grafov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

12, Rozdestvenka st., Moscow, 107031 Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7334-5398> e-mail: graftvc@mail.ru

---

Abstract. The Article focuses on the problem of countering China by the U.S. in geopolitical, economic, technological and military dimensions. The China's demands to play more of a global leadership role may be limited by weakening the drivers of China's growing power. The U.S.-China relations have quickly shifted from disengagement to the growing battle for global

economic and technological dominance. The author tries to assess the possibility and results of China's isolation from the American and some world markets, as well as other countermeasures such as blocking the energy supplies, advanced technologies with significant military and commercial implications, military pressure by creating new alliances, helping China's competitors and assistance to the internal Chinese opposition. On the other hand, the effectiveness of US deterrence depends not only on the resilience of China's economy and the stability of the political system, but also on political goals. The pursuit of global governance is part of the program promises of the Communist Party leaders to achieve the «The two hundred years goal» and «The dream of the great rejuvenation of the Chinese nation». These goals are not vital, but ideological.

The main conclusions of the analysis are as follows. The U.S. can't weaken Chinese power seriously except driving to serious military conflict with Taiwan or India and imposing economic sanctions. Local clashes around the Spratly Islands will lead to a temporary success of the United States. China has the ability to mobilize more military resources on the coastal line of the South China Sea. Washington's effective strategy will be to overexert Beijing's forces in the conflict with its neighbors in the Indo-Pacific region and isolate Chinese economy from key trading partners. But the question arises about the cost of counteraction for Washington. There is no answer to the question of how far the United States is ready to go in the event of a large-scale battle.

Keywords: U.S., China, Trade war, Security dilemma, AUKUS, QUAD

For citing: Grafov D.B. The U.S. Approaches of Deterring the Growing China. USA & Canada: Economics, Politics, Culture 2022; 52 (3) 00-00. DOI: 10.31857/S2686673022030038

ВВЕДЕНИЕ

Противостояние США и КНР представляет интерес не только с точки зрения классических подходов международных отношений – как спор между наступательным и оборонительным реализмом, но и как выбор конкретных инструментов сдерживания и эффективных контрмер. При администрации Д. Трампа и транзите власти к администрации Дж. Байдена американо-китайские отношения перешли от «разъединения» (размежевания) к новой реальности – второй холодной войне. Изучению различных аспектов нового качества противостояния посвятили свои работы А.Ф. Клименко [Клименко А.Ф., 2021], С.М. Труш [Труш С.М., 2020]. Различные подходы в американском политическом классе к сдерживанию Китая изучали А. Бочарова и В.О. Козлов [Бочарова А., Козлов В.О., 2021], возможность силовых сценариев рассматривали китайские [Юй Чжочао, 2021] и американские [Hanania R., 2020] специалисты. В данной работе делается попытка комплексного подхода к проблеме сдерживания КНР как арсеналу внешнеполитических, экономических, силовых и других средств, которыми располагает американская сторона для гибридного использования.

Администрация Дж. Байдена говорит не о смене курса в отношении Пекина, а лишь об исправлении ошибок Д. Трампа в выстраивании отношений с союзниками. Президент Байден заявил, что США и их союзники оказались в ситуации «долгосрочного стратегического состязания», перед необходимостью отбросить

КНР назад [1]. В марте 2021 г. госсекретарь Э. Блинкен во время визита в Японию обвинил Пекин «в принуждении и агрессии», атаке на «демократию и автономию Гонконга и Тайваня», в нарушении прав человека в Синьцзяне и Тибете, территориальных претензиях в Южно-Китайском море. Министр обороны США Л. Остин посетовал, что в течение последних двух десятилетий, «пока США занимались проблемами на Ближнем Востоке, Китай модернизировал свои вооружённые силы <...> и теперь является растущей угрозой, которую американские вооружённые силы будут сдерживать» [2]. Глава КНР и лидер Компартии Си Цзиньпин получил ярлык «проводника обанкротившейся тоталитарной идеологии» вместо президента КНР (как обычно его именовали американские официальные лица и СМИ) [3]; то, что в Вашингтоне называют «ревизионистской силой», китайское руководство называет «ключевой ролью внешней политики КНР по отношению к соседним странам» в осуществлении китайской цели «Двух столетий» и «Великой китайской мечты о возрождении китайской нации». Можно понимать эти установки как пропагандистский инструмент, можно – как желание преодолеть крах имперского Китая в 1800-х и начале 1900-х годов и вернуться к китаецентричному мировому порядку, существовавшему в представлении китайских императоров на протяжении двух тысяч лет [4].

Комитет по разведке Палаты представителей Конгресса США пришёл к выводу, что Китай стремится пересмотреть международный порядок таким образом, чтобы это отвечало его собственным стратегическим интересам и подрывало интересы США. Вооружённые силы КНР перешли от модернизации к конкуренции. Создаётся океанский флот «голубой воды», разрабатывается гиперзвуковое оружие, истребители пятого поколения. Для укрепления своих притязаний Пекином размещаются вооружения на Парасельских островах и архипелаге Спратли в Южно-Китайском море, строится первая военная база за рубежом в Джибути. Успехи в технологиях применяются властями КНР для создания цифрового авторитаризма. Пекин использовал последние два десятилетия, чтобы отобрать у США позицию ведущей державы мира. Подъём Китая застал Запад врасплох. «В 1990-е и 2000-е годы на Западе был консенсус в отношении модернизации и либерализации Китая. Мировые лидеры убедили себя в том, что руководство Пекина извлекло правильные уроки из жёсткой международной реакции на разгон протестов на площади Тяньаньмэнь» [5]. В подписанном президентом Дж. Байденом документе «Промежуточное стратегическое руководство по национальной безопасности» (*Interim National Security Strategic Guide*) отмечается рост «напористости» Пекина. КНР названа «единственным конкурентом, потенциально способным объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для создания вызова международной системе» [6]. Россия в числе главных угроз следует за КНР.

В американском экспертном сообществе нет однозначного ответа на вопрос, почему США стали утрачивать лидерство и оказались перед китайской угрозой. Специалисты Брукингского института полагают, что в 1990-е и 2000-е годы позитивные элементы международного порядка взаимно усиливали друг друга, но

затем они смешались, способствовали нестабильности. Огромное значение приобрели технологии, разрушительное воздействие которых позволяет бросать вызов США в Восточной Азии, Европе и на Ближнем Востоке [Chollet D. et al, 2017]. Российская угроза в Европе оценивается, как стремление в одностороннем порядке установить свои сферы влияния, допуская при этом сферы влияния крупных держав в других регионах при примерно равном праве голоса в глобальных вопросах. Китайское руководство претендует на большее. В одностороннем порядке оно стремится изменить глобальный порядок в целом, меняет статус-кво в морской сфере, лишает США контролирующих позиций и выгод, извлекаемых из международного экономического порядка.

Теоретически, сдерживание КНР можно обеспечить следующими средствами: 1. Ослабление экономической мощи через санкции, лишение доступа на мировые рынки, ограничение поставок сырья и энергоресурсов; 2. Изоляция от новых технологий; 3. Ослабление военного потенциала через создание враждебных коалиций и укрепление конкурентов в Индо-Тихоокеанском регионе. 4. Прямая проекция военной силы США. 5. Создание внутренних проблем в авторитарном режиме, смена политического руководства и внешнеполитического курса.

ТОРГОВАЯ ВОЙНА

Сдерживание КНР в 2017–2020 гг. началось с торговой войны. Президент Д. Трамп использовал её и во внутриполитических целях, обещая остановить выкачивание средств из США через торговый дефицит и скупку на эти средства американских высокотехнологических компаний. Вашингтон и раньше пытался ограничивать доступ некоторых китайских товаров на свой рынок. Однако торговая война, начатая Д. Трампом, имела другие масштабы и цели. Сначала были введены тарифы на сталь, алюминий, стиральные машины и солнечные батареи. Дополнительной пошлиной в размере около 60 млрд долл. были обложены более 1300 категорий китайского импорта: запчасти, аккумуляторы, телевизоры, медицинские приборы [7]. В ответ Китай установил повышенные тарифы на 128 американских товаров, в том числе на самолёты, автомобили, стальные трубы, свинину, соевые бобы. Когда в Пекине озвучили планы обложить ещё 106 товарных групп дополнительно на 25%, Д. Трамп пообещал ответить увеличением таможенных пошлин на 100 млрд долларов [8].

Китайские власти согласились сократить торговый профицит с США, увеличив закупки американских товаров [9]. Но это была попытка потянуть время, навязав Вашингтону жёсткий торг. Стороны продолжали поднимать ставки, каждая объявила об изъятии через пошлины на 16 млрд долл., подняв тарифы до 25% по новым товарным группам. В сентябре 2018 г. американский 10%-ый тариф на 200 млрд долл. вступил в силу, и было обещано увеличить его до 25% к концу года. Китай ответил 10%-ми пошлинами на 60 млрд долл. На тот момент тарифные изъятия на американские товары составили 110 млрд долл., пошлины уже охватили большую часть американского импорта [10]. К концу 2018 г. та-

рифная война затормозилась. Многие американские компании, имевшие производство в КНР, и держатели их акций выступили «китайскими лоббистами», пытаясь ослабить позицию администрации в споре с Пекином. США объявили трехмесячную паузу для переговоров, пригрозив в случае их неудачи поднять тарифы на китайский импорт с 10 до 25%.

Тарифная война не принесла победы США в 2018 г. Торговый дефицит с КНР увеличился с 375 млрд в 2017 г. до приблизительно 420 млрд долл. [11]. То есть Пекину удалось нанести больший ущерб американскому экспорту, чем США китайскому. По данным КНР, дефицит увеличился с 270 млрд до 320 млрд долл., что объясняется желанием американского бизнеса не указывать китайское происхождение товаров. [12]. После встречи Д. Трампа и Си Цзиньпина в июне 2018 г. на саммите Группы двадцати (G20) переговоры возобновились. В конце 2019 г. торговая война завершилась «торговой сделкой первой фазы». США ввели тарифы на китайские товары стоимостью 360 млрд, а Китай на американские – более чем на 110 млрд, но согласился закупить сельхозпродукцию на 80 млрд долл. в течение 2020 и 2021 гг. В результате торговый дефицит США с КНР сократился в 2019 г., но в 2020 г. снова вернулся к уровню, существовавшему до 2018 года [13]. По итогам 2019 г. экономика КНР выросла на 6,1%, что является самым малым показателем за 29 лет (в 2018 г. рост составил 6,6%) [14].

Нельзя сделать однозначный вывод о том, что замедление роста было результатом только торговой войны. Но в любом случае снижение роста китайской экономики на 0,5% от заградительных тарифов США при общем росте в 6% это не то, что может сыграть заметную роль в ослаблении КНР. В свою очередь от войны пострадали американские потребители, лишившиеся дешёвых товаров. Многие производители из США потеряли долю на рынке КНР. Например, по мере сокращения экспорта американской пшеницы, в 2 раза вырос экспорт канадской пшеницы в Китай. Хотя у КНР нет недостатка в собственных финансовых ресурсах, как меру экономического давления можно рассматривать указ Д. Трампа, запрещающий американцам инвестировать в акции компаний, связанных с китайскими ВПК и армией. Нью-Йоркская фондовая биржа объявила, что исключит из котировок акции компаний «Чайна мобил» (*China Mobile*), «Чайна телеком» (*China Telecom*) и «Чайна юником» (*China Unicom*). По китайским оценкам, при наихудшем сценарии торговой войны с США страна может лишиться 1% ВВП, что не станет проблемой [Chong T.T.L. & Li X., 2019].

Администрация Дж. Байдена не отказалась от «торговой сделки Трампа», хотя Китай не выполнил всех условий. Ещё в 2019 г. были предложены стратегии «защиты процветания и безопасности США путём перехода к частичному экономическому отделению от Китая». В их числе: 1) совмещение ограничений на китайский импорт с договорённостями в чувствительных статьях экспорта и импорта, чтобы снизить издержки для американских потребителей и производителей; 2) снижение уязвимости к утечкам технологий, в том числе через китайские инвестиции в США; 3) укрепление экономических и дипломатических отношений, а также обмен информацией с ключевыми союзниками. При даль-

нейшем ухудшении отношений уязвимостью США становятся цепочки поставок критической продукции из Китая.

БОРЬБА С УТЕЧКОЙ ТЕХНОЛОГИЙ

Трансферт технологий связан не только с заимствованием или хищением ноу-хау, но и с внедрением различных китайских агентов (частных лиц, бизнесов, государственных структур). Доступ к американским ноу-хау КНР получает через инвестиции своих компаний в американский бизнес. США оценивают стоимость украденных коммерческих секретов от 200 до 600 млрд долл. в год [15].

В 2021 г. в США принят закон «Об инновациях и конкуренции» (*The United States Innovation and Competition Act of 2021*), предусматривающий выделение 110 млрд долл. на фундаментальные и технологические исследования в области искусственного интеллекта, полупроводников, квантовых вычислений, передовых коммуникаций, биотехнологий и энергетики с тем, чтобы заместить китайские звенья в цепочках поставок. Кроме десяти региональных технологических центров должна появиться программа реагирования на кризисные ситуации в цепочке поставок. При этом прямо говорится, что закон должен ответить на опасения США по поводу холодной войны с Китаем [16].

Наиболее известной подозрениями в шпионаже стала компания «Хуавэй» (*Huawei*). Ещё Д. Трамп подписал исполнительный указ №13873, включив китайский телекоммуникационный гигант в чёрный список Министерства торговли США. Американским компаниям запрещалось продавать «Хуавэй» детали и компоненты без специального разрешения, а также подключать её оборудование к сетям США. Аналогичным ограничениям подверглись ещё восемь высокотехнологичных компаний [17]. Затем чёрный список был расширен более чем до 60 китайских компаний и организаций. Закупка ими определённых американских компонентов без лицензии Министерства торговли США становилась невозможна. В этом списке оказался и крупнейший китайский производитель микросхем – Международная корпорация по производству полупроводников (*Semiconductor Manufacturing International*).

Борясь с утечками технологий через академические связи, американские спецслужбы настояли на усилении визовых ограничений для студентов и учёных из КНР [18]. Кроме того, из проживающих в США около 5 млн выходцев из Китая, многие посещают историческую родину или к ним из Китая приезжают родственники, что также облегчает утечку секретов. Поддержание связей соотечественников с исторической родиной возведено Пекином в ранг государственной программы.

Действующая в США Комиссия по контролю американско-китайских отношений в области экономики и безопасности подготовила свои предложения [19]. Предполагается усилить давление на Пекин в отношении доступа к китайскому рынку и паритета в регулировании, трансграничном переводе капитала и защите интеллектуальной собственности. Должен быть ужесточён контроль за про-

никновением на американский рынок китайских государственных экономических агентов под видом частных лиц, а также компаний, которые получают финансовую поддержку от китайского правительства. Федеральная торговая комиссия (FTC) потребует от компаний отчёт о госсубсидиях при прохождении предварительной регистрации¹. Комиссия предложила перекрыть утечку фундаментальных исследований через «программы набора талантов» и конкурсы «стартапов», финансируемых китайским правительством, а также отказывать в визах китайским студентам, получающим государственные стипендии на условиях использования полученной научной и технологической информации по возвращении на родину. Будут прекращены и отношения с университетами, которые правительство США считает участниками китайской «военно-гражданской интеграции».

Как внутреннюю угрозу США рассматривают интерес КНР к медицинским и биотехнологиям. Деятельность китайских компаний в этой области на американском рынке поставлена под жёсткий контроль. Упомянутая выше Комиссия по контролю американо-китайских отношений в области экономики и безопасности предлагает новый «Манхэттенский проект», цель которого – обеспечить американцев безопасными лекарствами и медицинским оборудованием национальных производителей или стран-союзников. Особое внимание уделяется стратегическим целям КНР в Африке, а также возможностям использовать африканские страны для обхода торговых ограничений США. То же касается Гонконга, который Пекин использует для уклонения от мер торговой защиты США. В 2011 г. «поправка Вольфа» (*Wolf Amendment*) запретила Американскому космическому агентству (*NASA*) из-за опасений шпионажа допускать китайских специалистов на его объекты [20], так как информация, предоставленная Китаю американскими производителями коммерческих спутников при запуске их китайскими носителями, может быть использована для совершенствования китайской технологии межконтинентальных баллистических ракет. Однако Пентагон и Совет национальной безопасности констатировали, что даже при 100%-ом экспортном контроле со стороны США, Китай всё равно может получить доступ к аналогичным технологиям из Европы и Японии [Foot R. & King A., 2019].

В 2018 г. Минюстиция США разработало Китайскую инициативу» по «борьбе с экономическим шпионажем» [21]. Было предложено применять закон «О регистрации иностранных агентов» к лицам, стремящимся действовать в интересах Китая, принять закон «О риске иностранных инвестиций» (*H.R.5841 Foreign Investment Risk Review Modernization Act*), а также использовать закон «О коррупции за рубежом» (*Foreign Corrupt Practices Act*) для борьбы с утечкой в КНР технологий за границами США.

---

¹ Если FTC обнаружит, что госсубсидии выделены с целью заключения сделки, то сделка будет запрещена в соответствии с разделом 7 «Закона Клейтона» (о защите конкуренции). Если трансферт технологий совершается в интересах государства, за это последуют санкции, как в отношении дочерних, так и материнских китайских компаний и их руководителей.

Результаты расследования торговой активности КНР, о которых в марте 2018 г. объявило Торговое представительство США, выявило подозрительную практику «инвестиций» и поощрение несанкционированных компьютерных вторжений. Китайский бизнесмен Су Бинь был приговорён федеральным судом США к 46 месяцам заключения за помощь в киберкраже информации об истребителях пятого поколения *F-22* и *F-35 Lightning II*, которая была использована КНР при строительстве собственного стелс-истребителя *J-20* [22].

В июне 2018 г. Управление по торговой и производственной политике Белого дома опубликовало доклад «Как экономическая агрессия Китая угрожает технологиям и интеллектуальной собственности США», выделив в нём стратегии и практики, которые использует китайская сторона для завоевания экономического превосходства. Это: 1) защита рынка КНР от импорта и конкуренции с помощью высоких тарифов, нетарифных барьеров и других ограничений через регулирование; 2) расширение доли Китая на мировых рынках; 3) контроль стратегических природных ресурсов в развивающихся странах через хищническую модель экономического развития и «долговую ловушку» чему способствуют, как отмечалось в докладе, действия китайского персонала, участвующего в операциях ООН по поддержанию мира и по сути обслуживающего интересы Пекина; 4) попытки корпораций КНР доминировать в традиционных отраслях промышленности через получение доступа к интеллектуальной собственности [23].

ВОЕННОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Со времени объявления президентом Б. Обамой (2009–2017) «разворота в сторону Азии» и объявления Юго-Восточной Азии центром геостратегических интересов США Вашингтон стал делать ставку на сдерживание КНР через поддержку её соседей, имеющих с ней противоречия. США значительно улучшили отношения с Индией, Вьетнамом, поддержали Филиппины и другие государства, оспаривающие претензии Пекина на острова в Южно-Китайском море. Пришедшая к власти в январе 2021 г. администрация Дж. Байдена продолжает движение в том же направлении, которое ещё госсекретарь в администрации Г. Трумэна (1945–1953) Дин Ачесон называл «ситуацией силы» для борьбы с угрозами – привлекать страны, имеющие общего с США врага [24]. На сегодняшний день прочные военно-стратегические отношения в ИТР, которые также могут быть использованы против КНР, Вашингтон имеет с Японией, Южной Кореей, Индией и Австралией. Не будет преувеличением утверждать, что Пекин не располагает надёжными союзниками в Юго-Восточной Азии. Даже Северокорейский режим нельзя назвать больше, чем идеологически близким.

Сдерживание КНР в первую очередь через конфликты с соседями отсылает к «стратегии цепочки островов», предложенной ещё в 1951 г. госсекретарем Дж. Ф. Даллесом во время Корейской войны [Umetsu H., 1996]. Первая линия сдерживания тянулась от юга Японии через Тайвань, западное побережье Филиппин, Борнео, острова Спратли к южной оконечности Вьетнама. Вторая – от

Японии через Гуам, Каролинские острова к Новой Гвинее. Третья цепь – от Алеутских островов на юг, через центр Тихого океана в сторону Океании, через Гавайские острова, Американское Самоа и Фиджи и замыкалась на Новой Зеландии. Австралия выступала связующим звеном между второй и третьей линиями. По сути, это были линии базирования американских сил и ограничения доступа КНР и СССР к морским путям.

Специалисты американского Центра стратегических и международных исследований (CSIS) предлагают добавить в современную стратегию четвёртую и пятую цепи островов в Индийском океане [Wilson V., 2020]. Мальдивы и Диего-Гарсия должны блокировать китайский путь «Нитки жемчуга» ближе к Персидскому заливу. Пятая линия идёт через Аденский залив, вокруг Африканского Рога и вдоль всего побережья Восточной Африки через пролив между Мозамбиком и Мадагаскаром, включая Коморские острова, в направлении Южной Африки, чтобы блокировать китайскую военно-морскую базу в Джибути и угрожать торговым сообщениям Китая с Африкой.

В современной ситуации Пекин рассматривает свою «стратегию цепочки островов», разработанную ещё в 2013 г. Первая линия китайской обороны практически совпадает с первой цепочкой островов в американской стратегии. Эта зона, в которой Китай должен обезопасить себя от американских баз, авианосных групп и развернуть свои силы для защиты от нападения. Первая линия должна гарантировать доступ КНР в западную часть Тихого океана. Не контролируя Тайвань, Китай не может гарантировать сообщение между Восточно- и Южно-Китайскими морями. Другое ключевое звено — Филиппины. За него идёт борьба между Пекином и Вашингтоном. Покорная реакция Манилы на развёртывание китайских баз на островах Спратли (Наньшачюньдао) облегчает Пекину контроль над Южно-Китайским морем и Малаккским проливом, чтобы обезопасить поставки нефти и газа из Персидского залива. Вторая линия в китайской доктрине пролегает от Алеутских островов на севере до Борнео на юге. Она должна создать дополнительную дугу безопасности для Жёлтого, Южно- и Восточно-Китайских морей.

Контроль Китаем «островных линий» связан с проектом «Морской Шёлковый путь XXI века» как части стратегической концепции «Один пояс — один путь». Первый морской маршрут проходит через Южно-Китайское море вдоль Индонезии в Южно-Тихоокеанский регион; второй ведёт от побережья Китая в Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан. Сухопутная часть концепции «Один пояс — один путь» предусматривает создание трёх трансевразийских экономических коридоров: северного — через Центральную Азию и Россию, центрального — через Центральную и Переднюю Азию к Персидскому заливу и Средиземноморью; южного — через Южную Азию к Индийскому океану. Как видим, в Пекине ещё до серьёзной конфронтации с США в 2013 г. разработали множество альтернативных путей стратегических поставок [25].

Закон «О полномочиях национальной обороны» (NDAA) на 2021 фин. г. утвердил выделение Минобороны 27 млрд долл. на «Тихоокеанскую инициати-

ву сдерживания» (*Pacific Deterrence Initiative*). Она предполагает «развитие асимметричных возможностей для работы в зонах "ограничения доступа/отказа в доступе" (острова Спратли и Парасельские острова) в качестве важнейшего компонента сдерживания в Тихом океане». Средства пойдут на «разработку и закупку боеприпасов большой дальности, ударные платформы, гиперзвуковое оружие, программы сотрудничества в области безопасности с союзниками и партнерами, инновационные учения, более совершенные системы управления, связи, разведки и наблюдения», а также для «усиления безопасности киберпространства и коммуникаций военно-морского флота» [26:1]. Согласно «Тихоокеанской инициативе» будут разработаны новые способы ведения боевых действий как на случай непредвиденных обстоятельств, так и будущей войны. Ставка делается на изматывающую стратегию, чтобы принудить «к непропорциональным издержкам ... врагов, которые должны будут расширять свою оборону». В документе идёт речь о новых средствах десантирования и быстрого маневрирования на море и суше, что «обеспечивает плавный переход боевой мощи с моря на сушу» [26:6].

В американских документах «Национальная оборонная стратегия» и «Стратегия национальной безопасности» угрозы со стороны КНР и России располагаются на первом месте, за ними следуют угрозы от глобального терроризма, Северной Кореи и Ирана. В подготовленном Исследовательской службой Конгресса докладе подход к КНР сформулирован как «мир через силу», где под силой понимается летальность сдерживающего потенциала объединённых сил. В отличие от периода холодной войны с СССР (1946–1990 гг. – Д.Г.) объединённые силы должны действовать в спорных областях, не считаясь с объявленными Пекином зонами «ограничения доступа и манёвра» [27]. Подчёркиваются и другие отличия текущей ситуации от времён холодной войны. Это, в частности, недостаток финансирования военных программ и распространение технологий, которые позволяют бросить вызов США опасными инновационными способами. Ситуация называется «кризисом национальной безопасности», так как военное превосходство США больше не гарантировано, поскольку «преимущество Америки уменьшается или исчезло» в отношении многих ключевых технологий, которые лежат в основе военного превосходства. В качестве примера приводится китайская технология связи пятого поколения (5G), которая «может принести большие экономические, геополитические и военные выгоды Пекину — и столь же большие опасности для США» [27].

Авторы доклада характеризуют состояние американских вооружённых сил, как «стратегическое самодовольство», сложившееся в результате неоспоримого превосходства США после операций на Балканах, в Афганистане и Ираке, в которых противники не бросали вызов возможностям США, хотя Китай и Россия демонстрируют технологическое превосходство над некоторыми военными возможностями США. Отмечается усложнение задачи, если противник намеренно стирает границы между «обычным» и «нерегулярным» конфликтом, или между «гражданской» сферой и «военной», а в КНР власти целенаправленно ведут во-

енно-гражданскую интеграцию. Как следует из доклада, у военного руководства США нет ясного плана сдерживания КНР, нет планов кампаний на уровне театра военных действий, которые требуют установки стратегических целей на политическом уровне и увязки их с возможностями бюджета. Пока в Вашингтоне ориентируются на «сдерживание противника, тем самым, снижая вероятность конфликта» [27]. США будут продолжать патрулирование в зонах запрета доступа (острова Спратли и Парасельские), не уклоняясь от столкновения. Что делать после такого столкновения, ясности нет. Вопрос целеполагания – купировать угрозу или устранять – остаётся без ответа на политическом уровне. Пока лишь говорится о выстраивании отношений с позиции силы.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗНИКОВ

«Тихоокеанская инициатива сдерживания» исходит из необходимости балансирования действий Китая через его противников и союзников США в Индо-Тихоокеанском регионе. Программы сотрудничества должны укрепить отношения, повысить слаженность вооружённых сил в совместных операциях с США [28:2]. В сентябре 2021 г. произошло политическое оформление Вашингтоном нового военно-политического альянса АУКУС (*AUKUS*) с Лондоном и Канберрой. Создание альянса поддержала Япония. В рамках совместной военной инфраструктуры Австралия отказалась от заказа дизельных подводных лодок во Франции в пользу американских атомных субмарин. Началась реконструкция австралийских баз ВВС в Ричмонде и Эмберли для приёма американских стратегических бомбардировщиков.

Индия – другой ключевой противник КНР – ещё в 2007 г. включена в так называемый стратегический четырёхсторонний диалог по безопасности (*QUAD - Quadrilateral Security Dialogue*) между Австралией, Индией, США и Японией. Долгое время он оставался формальным образованием, но в октябре 2017 г. тогдашний госсекретарь США М. Помпео назвал одну из целей этого блока – сдерживание Китая [29]. В 2018 г. Тихоокеанское командование ВС США было переименовано в Индо-Тихоокеанское, сфера ответственности стала включать Тихий и Индийский океаны. Вашингтону не составит труда подключить к одному из блоков Южную Корею. В числе прочих потенциальных и реальных союзников Вьетнам, Бруней, Малайзия, оспаривающие китайские претензии на острова Спратли вместе с Тайванем и Филиппинами.

Со своей стороны, Пекин может рассчитывать на Москву. По словам президента РФ В.В. Путина, создаваемая при помощи России система предупреждения о ракетном нападении кардинальным образом повысит обороноспособность КНР [30]. Появилось понятие «отложенный военный союз» (с РФ) [Клименко А.Ф., 2021]. Вторым существенным союзником КНР является Пакистан. Его официальные лица уже осудили создание блока АУКУС, назвав его проявлением мышления времён холодной войны [31]. Пакистан слабый союзник, его экономика меньше китайской почти в 40 раз, но он полезен для давления на

Индию. Россия может сыграть критическую роль в противостоянии КНР и США. Создание АУКУС уже поставило под вопрос поставки в Китай австралийского угля, доля которого в энергоснабжении КНР в 2020 г. составляла 57–59%, и подавляющая его часть идёт из Австралии [32]. Напряжённые торговые отношения у Китая также с Канадой. В этой ситуации Россия для КНР является единственным поставщиком энергоресурсов, на который США с трудом могут повлиять. Важным является и то, что и Евросоюз не видит в Китае военной угрозы непосредственно для себя [Труш С.М., 2020]. В конце 2020 г. Пекин мог записать в свой актив предварительное инвестиционное соглашение с ЕС, а также «Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство», подписанное с 14-ю азиатскими странами [33].

Эффективным рычагом сдерживания КНР может стать конфликт с одним из ближайших противников, поддержанный США. Более вероятен конфликт с Тайванем, менее вероятен – с Индией. Тайвань станет ещё одной точкой давления на Пекин.

КАК ВИДЯТ В США ВОЗМОЖНОСТИ И АМБИЦИИ КНР

Комиссия по контролю американо-китайских отношений в области экономики и безопасности рекомендует американским властям искать уязвимость в экономической системе КНР и создать Координационный центр экономических данных Китая (CEDCC) при Бюро экономического анализа Министерства торговли США для сбора и обобщения информации об экономическом состоянии Китая и поиска уязвимостей прежде всего в финансовой системе. США интересуют данные о составе теневого банковского активов и валютные резервы Китая. Очевидно, что главная уязвимость КНР находится именно в области экономики, особенно в поставках сырья и выходе на мировые рынки. Доступ к современным технологиям китайские компании могут получить в других странах. Даже без самых последних технологий военно-экономический потенциал КНР будет определяться низкой ценой и количеством, а не качеством.

Комитет по разведке Палаты представителей выпустил доклад, в котором признал неспособность спецслужб США в достаточной степени обеспечить Белый дом и Госдепартамент разведывательной информацией относительно угроз, исходящих от Китая [34]. Сбор информации на территории КНР осложняют технологии, используемые китайскими властями для контроля за гражданами: биометрические проверки на границе, геолокация сотовых телефонов, видеонаблюдение в общественных местах с технологией распознавания лиц. Указывается на утрату некоторых компетенций разведслужбами, так как в последние 20 лет они занимались в основном работой против террористов и угроз из стран Ближнего Востока. Американские спецслужбы испытывают затруднения с пониманием намерений, действий и вероятных планов Китая, в том числе из-за проблем с обработкой массивов данных. Но при этом они скептически оценивают возможность коллапса из-за экономических проблем по советскому сценарию. Высказываются опасения, что соперничество может привести к про-

счётам с обеих сторон и, в частности, дать Пекину ещё больше оснований пойти на «катастрофическое» упреждение, чтобы избежать поражения.

В американском экспертном сообществе относительно дальнейшего противостояния Вашингтона и Пекина обсуждается сценарий «ловушки Фукидида». Его сформулировал Г. Аллисон по аналогии с Пелопоннесской войной 431–404 гг. до н. э. в Древней Греции, описанной Фукидидом; в ней восходящая сила (Афины) бросает вызов доминирующей силе (Спарта). В мировой истории вызов реваншистской силы приводил к войне в 12 случаях из 16, в их числе вызов Германии британскому могуществу в Первой и Второй мировых войнах, а также в войне Японии против Российской империи в 1904–1905 гг. Аллисон утверждает, что Китай и США в настоящее время идут навстречу друг другу курсом войны [Allison G., 2017]. Но среди экспертов есть и другие точки зрения. Например, Р. Ханания из Колумбийского университета утверждает, что проблема «ловушки Фукидида» надумана. Амбиции Китая ограничиваются, прежде всего, борьбой с внутренними проблемами, и Китай не представляет значительной угрозы интересам США [35].

Внутренние проблемы Пекина прежде всего связаны с обоснованием легитимности власти КПК. Согласно решениям последних съездов КПК, её руководящая роль вытекает из концепции «Великой китайской мечты», частью которой является «Цель двух столетий», и эти цели в основном считаются в КПК достигнутыми [36].

Некоторые американские специалисты убеждены, что соперничество с США не является жизненно необходимым выбором для Пекина, а продиктовано внутренними идеологическими соображениями. Так, Р. Патнем считает, что руководство любой страны испытывает давление внутренних интересов, оглядывается на внутренние группы, в чьей поддержке правительство нуждается для обеспечения управления [Putnam R.D., 1988]. Однако после столкновения интересов и эскалации противостояния с внешним противником возникает известная в теории международных отношений «дилемма безопасности», когда одна сторона воспринимает наращивание мощи другой не как желание гарантированной безопасности, а как приготовление к нападению, что вызывает раскручивание спирали взаимной угрозы [Schweller R.L., 1996]. Чем большей безопасности добивается для себя одно государство, тем меньше её остаётся у другого, тем сильнее сторона, ощущающая угрозу, готова на превентивные действия. В реальной политике игроки ищут оптимум в сохранении баланса сил с соседними государствами (также за их счёт), предпочитая баланс между нападением и обороной [Snyder J.L., 1991].

Действительно, Китай мало заинтересован в войне с США, так как большая часть его мощи основана на симбиозе с американской экономикой и экономикой Запада вообще. Этот симбиоз будет ещё долго нужен Пекину для экономического и технологического паразитирования. Скептические оценки «ловушки Фукидида» многие специалисты основывают именно на экономической уязвимости Китая [Peters M.A. et al, 2020]. Достаточно сказать, что для КНР критиче-

ское значение имеют не только поставки энергоресурсов, но и продуктов питания и даже процессоров, поскольку более половины мирового объёма производства чипсетов (56%) приходится на долю «Тайвань семикондактор мэнюфэчуринг Ко.» (*Taiwan Semiconductor Manufacturing Co.*), второе место в мире (9,4%) у американской «Глобл фаундрис» (*Global Foundries*), третье (8,5%) – опять у тайваньской корпорации «Юнайтед микроэлектроникс» (*United Microelectronics Corporation*) [37]. В 2020 г. тайваньская TSMC также лидировала (55,6%), а на второе место вышла «Самсунг» (*Samsung*) – 16,4% [38].

Но даже с усечёнными внешними рынками Пекин не утратит способности к сопротивлению США. Например, на экспорте товаров и услуг китайская экономика в 2020 г. заработала 2,7 трлн долл., а весь ВВП КНР составил 14,7 трлн долл. [39]. Как полагают в американских экспертных кругах, китайское руководство выберет комбинацию жёстких и мягких инструментов. С одной стороны, будут символические знаки готовности к компромиссу, с другой – Пекин, возможно, будет шантажировать Вашингтон нападением на Тайвань, стараясь убедить, что экономическая война против Китая развязывает ему руки против Тайваня [Hass R., 2021].

Американские аналитики в поисках сценариев противостояния обращаются к холодной войне США с СССР. Совокупная экономическая мощь советского блока была несравнимо меньше той, которой располагает Пекин. На пике своего развития советский ВВП составлял около 40% ВВП США. КНР же может обогнать США по ВВП после 2028 г. Хотя США сохраняют преимущество в технологиях, однако и Китай в отличие от СССР сам является центром технологической мощи. В разгар холодной войны США и СССР имели паритет по ядерным вооружениям, который гарантировал взаимное уничтожение. С Пекином ситуация иная. КНР имеет доступ к технологиям помимо США, но серьёзно уступает в ядерном потенциале, а значит, сдерживание КНР с помощью конвенциональных средств имеет смысл. У СССР был Варшавский блок, но союзники не отличались надёжностью и требовали больших расходов. Если вынести за скобки Россию, у Пекина сегодня нет ни слабых, ни верных союзников, а его соседи также ищут защиты США. Они почти также близко расположены к КНР, как страны Западной Европы к границам России, что делает их удобным форпостом США (например, для размещения ракет средней дальности). Теоретически возможен сценарий «разделяй и властвуй» – не допустить стратегического сближения Пекина и Москвы, но за 15 лет продвинуться в этом направлении Вашингтону не удалось.

У Вашингтона остаются надежды на изменение внешнеполитического курса со сменой китайского руководства [Friedberg A.L., 2020: 14]. Но конфронтация с США не приведёт к дестабилизации китайского режима, который ещё больше зацементируется в «осаждённую крепость». К дестабилизации вряд ли приведут и события, аналогичные восстанию на площади Тяньаньмэнь, или гипотетическая китайская «перестройка». Тем не менее, Вашингтон не бросает китайских диссидентов, в Конгрессе США рассматривается законопроект «О предоставле-

нии политического убежища жителям Гонконга». Те, кто пытается покинуть Гонконг из-за страха политических преследований, не встретит проблем с получением визы США. Комиссия Конгресса по контролю американско-китайских отношений в области экономики и безопасности предлагает влиять на китайский режим изнутри: способствовать свободе журналистов, онлайн-СМИ, НПО, свободному доступу к информации, социальным сетям и мобильным приложениям от американских компаний, а также добиваться свободы контактов и передвижения дипломатов, возможности обмена мнениями с общественностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Критические уязвимости Китая, по сути, коренятся в причинах его возвышения: доступ к современным технологиям, западным инвестициям, международному рынку. В Вашингтоне нет готового ответа на вопрос, насколько далеко следует идти в гипотетическом военном конфликте с КНР. Даже освобождение архипелага Спратли или Парасельских островов от китайского присутствия не восстановит декларируемую «свободу судоходства в международных водах». Пекин сможет противодействовать американскому флоту с материковой части, имея меньшее логистическое плечо и большие оперативные возможности. Ближайшие базы США значительно удалены (на островах Гуам и Окинава). Нет ответа на вопросы ближайшего будущего: готовы или нет США воевать с КНР в случае оккупации Тайваня; готовы ли разместить на Тайване серьёзные силы, чтобы предупредить нападение. Пока Пекин демонстрирует своими агрессивными действиями в отношении Тайваня, что готов быть принципиально «жестким». За этим может стоять расчёт вынудить Вашингтон на определённые договорённости, новые «красные линии», расчёт «достигнуть мира путём борьбы».

Какие-либо меры по сдерживанию военно-технологического, сырьевого или рыночного свойства не смогут серьёзно ослабить КНР, в том числе из-за готовности России помочь её экономике и ВПК. Эффективно балансировать Китай можно только, затрудняя его связи с внешними рынками. Такую возможность могут дать экономические санкции, для введения которых нужен серьёзный повод, например, обвинение в агрессии. Вашингтону пришлось бы решать вопрос о собственных издержках – насколько цена соответствует результату сдерживания. Идеологический ярлык «реваншистской коммунистической силы» будет снят, если Китай удовлетворится прежней ролью мировой «сборочной фабрики» и откажется от амбиций завоевать контрольные высоты в мировой экономике. Интеграция Китая в глобальное разделение труда пошло не по американскому плану. Не к пользе США, а за их счёт. Это и есть китайский ревизионизм американского мирового порядка.

ИСТОЧНИКИ

1. Sevastopulo D. U.S. vs China: Biden bets on alliances to push back against Beijing. *Financial Times*. March 4 2021. Available at: <https://www.ft.com/content/cf71feb2-297f-4e3a-8627-b89931cc6a80> (accessed 20.04.2021).

2. U.S. Department of State. Secretary Antony J. Blinken, Secretary of Defense Lloyd Austin, Japanese Foreign Minister Toshimitsu Motegi, and Japanese Defense Minister Nobuo Kishi at a Joint Press Availability. IIKURA GUEST HOUSE, TOKYO, Japan, March 16, 2021. Available at: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-secretary-of-defense-lloyd-austin-japanese-foreign-minister-toshimitsu-motegi-and-japanese-defense-minister-nobuo-kishi-at-a-joint-press-availability> (accessed 20.04.2021).
3. Churchill, Owen. U.S. officials now call Xi Jinping 'general secretary' instead of China's 'president' – but why? *South China Morning Post*. 25 July 2020. Available at: <https://www.scmp.com/news/world/united-states-canada/article/3094669/us-officials-switch-calling-chinas-xi-jinping> (20.10.2020).
4. 习近平在周边外交工作座谈会上发表重要讲话强调 (Xi delivered an important speech at a symposium on diplomatic work around the world; Си Цзиньпин выступил на форуме с важной речью о дипломатической работе в соседних странах. 26 октября 2013) *People's Daily Online*. Available at: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1026/c64094-23333683.html> (accessed 20.10.2020).
5. H. R. 116-565 - Intelligence authorization act for fiscal year 2021. 116th Congress (2019-2020). Committee Views Regarding China. Available at: <https://www.congress.gov/congressional-report/116th-congress/house-report/565/1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22rising+China%22%5D%7D&s=3&r=1> (accessed 20.04.2021).
6. The White House. Renewing America's Advantages. Interim National Security Strategic Guidance. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed 20.04.2021).
7. USC U/S-China Institute, Talking Points, December 16-30, 2009. Available at: <https://china.usc.edu/talking-points-december-16-30-2009> (accessed 15.10.2021)
8. Office of the United States Trade Representative, April 2018, Under Section 301 Action, USTR Releases Proposed Tariff List on Chinese Products. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/april/under-section-301-action-ustr> (accessed 10.10.2021).
9. U.S., China Strike Trade Deal, Ending Threat of Protective Tariffs. *Caixin*. August 9, 2018. Available at: <https://www.caixinglobal.com/2018-05-20/us-china-strike-trade-deal-ending-threat-of-protective-tariffs-101253055.html> (accessed 11.10.2021).
10. Wei, Han; Qi, Zhang. Trade War Back on Stage With New U.S. Tariffs. *Caixin*. June 15, 2018. Available at: <https://www.caixinglobal.com/2018-06-15/us-imposes-tariffs-on-50-billion-of-chinese-imports-101271958.html> (accessed 11.10.2021).
11. Chen Yawen, Lawder David. China says Trump forces its hand, will retaliate against new U.S. tariffs. Reuters. September 18, 2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-tariffs/trump-slaps-tariffs-on-200-billion-in-chinese-goods-threatens-267-billion-more-idUSKCN1LX2M3> (accessed 15.10.2021).
12. Hunter L. Clark, Wong Anna. Did the U.S. Bilateral Goods Deficit With China Increase or Decrease During the US-China Trade Conflict? Federal Reserve Board. June 21, 2021. Available at: <https://www.federalreserve.gov/econres/notes/feds-notes/did-the-us-bilateral-goods-deficit-with-china-increase-or-decrease-during-the-us-china-trade-conflict-20210621.htm> accessed 16.10.2021).

13. Trade Agreements. U.S.-China Phase 1 Agreement. American Farm Bureau Federation. Available at: <https://www.fb.org/issues/trade/trade-agreements> (accessed 25.10.2021).
14. Instant View: China's economic growth slows to 6.1% in 2019, near 30-year low. *Reuters*. January 17, 2020. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-china-economy-gdp-instantview-idUSKBN1ZG092> (accessed 21.10.2021).
15. Top counterintelligence official Mike Orlando on foreign espionage threats facing U.S. - "Intelligence Matters". *CBS News*. May 12, 2021. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/foreign-espionage-threats-u-s-intelligence-matters-podcast/> (accessed 12.12.2021)
16. Boustany Charles W. and Friedberg Aaron L. Partial Disengagement: A New U.S. Strategy for Economic Competition with China. The National Bureau of Asian Research. Special Report. No. 82. November 4, 2019. Available at: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr82_china-task-force-report-final.pdf (accessed 21.10.2021).
17. Desiderio Andrew. Senate advances a rare bipartisan deal on countering China. *Politico*. 2021-06-10. Available at: <https://www.politico.com/news/2021/05/17/senate-bipartisan-deal-countering-china-489152> (accessed 22.10.2021).
18. U.S. expands blacklist to include China's top AI startups ahead of trade talks. *Reuters*, Oct 7, 2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-exclusive/u-s-expands-blacklist-to-include-chinas-top-ai-startups-ahead-of-trade-talks-idUSKBN1WM25M> (accessed 26.11.2021).
19. F.B.I. Bars Some China Scholars From Visiting U.S. Over Spying Fears. *The New York Times*. 14 April 2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/04/14/world/asia/china-academics-fbi-visa-bans.html> (accessed 26.11.2021).
20. U.S.-China Economic and Security Review Commission. Comprehensive List of the Commission's Recommendations. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-12/2020_Comprehensive_List_of_Recommendations.pdf (accessed 26.11.2021).
21. 112th Congress Public Law 10. Department of Defense and Full-Year Continuing Appropriations Act, 2011. Stat. 38. P. 125. Available at: <https://www.congress.gov/112/plaws/publ10/PLAW-112publ10.htm> (accessed 06.11.2021).
22. U.S. Department of Justice, China Initiative, 2018. *Fact Sheet*. Available at: <https://china.usc.edu/sites/default/files/article/attachments/doj-2018-china-initiative-fact-sheet.pdf> (accessed 16.11.2021).
23. China's newest weapons of war. *CBS News*. April 13, 2017. Available at: <https://www.cbsnews.com/pictures/chinas-newest-weapons-of-war/27> (accessed 29.11.2021).
24. How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World. White House Office of Trade and Manufacturing Policy. June 2018. Available at: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=812268> (accessed 20.11.2021).
25. 习近平提战略构想：“一带一路”打开“筑梦空间” (Xi Jinping on strategic conception: "belt and road" opens "dreamspace"; Си Цзиньпин: «Один пояс и один путь» открывает новые горизонты мечты) *People.CN*, 08.11.2014. Available at: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028>. (accessed 16.11.2021).

26. Pacific Deterrence Initiative. Available at: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2022/fy2022_Pacific_Deterrence_Initiative.pdf (accessed 27.11.2021).
27. Kathleen J. McInnis. Evaluating DOD Strategy: Key Findings of the National Defense Strategy Commission. CRS. March 19, 2019. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/IF11139.pdf> (accessed 26.11.2021).
28. U.S. Department of State. U.S. Relations with China. Bureau of East Asian and Pacific Affairs. May 12, 2021. Available at: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-china> (accessed 15.10.2021).
29. Ankit Panda. U.S., India, Australia, Japan 'Quad' Holds Senior Officials Meeting in Bangkok. *The Diplomat*. November 05, 2019. Available at: <https://thediplomat.com/2019/11/us-india-australia-japan-quad-holds-senior-officials-meeting-in-bangkok> (accessed 28.11.2021).
30. Россия помогает Китаю создать систему предупреждения о ракетном нападении. ТАСС, 3.10.2019. Available at: <https://tass.ru/armiya-i-opk/696139> (accessed 28.11.2021).
31. Interview: AUKUS security partnership reflects Cold War mentality, zero-sum mindset, says Pakistani senator. *Xinhua*. 2021-10-01. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/asiapacific/2021-10/01/c_1310221954.htm (accessed 11.11.2021).
32. Coal may account for 44% of China's energy mix by 2030. Eenerdata. 25 Jun 2021. Available at: <https://www.enerdata.net/publications/daily-energy-news/coal-may-account-44-chinas-energy-mix-2030.htm> (accessed 08.11.2021).
33. China's Economy: Current Trends and Issues. C RS January 12, 2021. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF11667.pdf> (accessed 29.11.2021).
34. U.S. intel agencies failing to counter threat from China, says House Intelligence Committee report. *NBCNews*, September 30, 2020. Available at: <https://www.nbcnews.com/politics/national-security/u-s-intel-agencies-failing-counter-threat-china-says-house-n1241417> (accessed 09.11.2021).
35. Hanania Richard. There Is No Thucydides Trap Between the U.S. and China, Real Clear Defense. 8 June 2020. Available at: https://www.realcleardefense.com/articles/2020/06/08/there_is_no_thucydides_trap_between_the_us_and_china_115359.html?mc_cid=c2be98be31&mc_eid=d3ed9e75dc (accessed 09.11.2021).
36. 习近平：實現了首個百年奮鬥目標 全面建成小康社會. RTHK. news.rthk.hk (Xi Jinping: the first 100-year goal of comprehensively building a prosperous society has been achieved; Си Цзиньпин: первая цель 100-летнего плана всестороннего построения благополучного общества достигнута). 02.07.2021. Available at: <https://news.rthk.hk/rthk/ch/component/k2/1598607-20210701.htm> (accessed 19.11.2021).
37. Trend Force Reports Top 10 Ranking of Global Semiconductor Foundries of 2017, TSMC Ranks First with Market Share of 55.9%. press.trendforce.com. 29 November 2017. Available at: <https://www.trendforce.com/presscenter/news/20171129-9922.html> (accessed 09.11.2021).
38. TSMC dominance as the world's largest chipmaker explained. Tech Wire Asia. 4 February 37, 2021. Available at: <https://techwireasia.com/2021/02/the-dominance-of-the-worlds-largest-chipmaker-tsmc> (accessed 08.11.2021).

39. China GDP. Trading Economics. 2021. Available at: <https://tradingeconomics.com/china/gdp> (accessed 06.11.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочарова А., Козлов В. О. Пути развития отношений США и Китая в контексте дискурса американских элит // *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2021. № 10. С. 91-107. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300016900-0-1/> (accessed 14.10.2021). DOI: 10.31857/S268667300016900-0

Клименко А. Ф. Факторы стратегического партнёрства России и Китая: сдерживание США или провокация? // *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2021. № 8. С. 92-96. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300016029-1-1-ru/> (accessed 11.10.2021). DOI: 10.31857/S268667300016029-1

Труш С.М. КНР – США: некоторые особенности и аспекты нарастающего конфликта // *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2020. № 12. С. 45-61. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300012647-1-1/> (accessed 11.10.2021). DOI: 10.31857/S268667300012647-1

Юй Чжочао. Размышления об отношениях Китая и США // *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2021. № 9. С. 106-113. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300016436-9-1/> (accessed: 14.10.2021). DOI: 10.31857/S268667300016436-9

REFERENCES

Allison, G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* – New York, Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

Bocharova, A., Kozlov, V. "Tracks of US-China Relations' Development in the Context of the discourse of the American elites." *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. 10 (2021):91-107. DOI: 10.31857/S268667300016900-0

Chollet, D., Edelman E., Flournoy, M., Hadley, S., Indyk, M., Jones, B., Kagan, R., Silverberg, K., Sullivan, J., and Wright, T. *Building "situations of strength". A national security strategy for the United States*. The Brookings Institution. February 2017. <https://www.brookings.edu/research/building-situations-of-strength/>

Chong, T., Li, Xiaoyang. Understanding the China-US trade war: causes, economic impact, and the worst-case scenario. *Economic and Political Studies*. Volume 7, 2019 - Issue 2: A Special Issue on Sino-US Trade War, P. 185-202.

Foot, R.; King, A. Assessing the deterioration in China-U.S. relations: U.S. governmental perspectives on the economic security nexus. *China International Strategy Review*. March 2019.

Friedberg, A. An Answer to Aggression: How to Push Back Against Beijing. *Foreign Affairs*. Sept-Oct 2020, Vol. 99 Issue 5, p150, 14 p.

Hanania, R. There Is No Thucydides Trap Between the U.S. and China, *Real Clear Defense*. 8 June 2020. Available at:

https://www.realcleardefense.com/articles/2020/06/08/there_is_no_thucydides_trap_between_the_us_and_china_115359.html?mc_cid=c2be98be31&mc_eid=d3ed9e75dc

Hass, R. China Is Not Ten Feet Tall. *Foreign Affairs*. March 3, 2021. Available at:

<https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-03-03/china-not-ten-feet-tall>

Klimenko, A. Factors of Strategic Partnership Between Russia and China: Deterrence of the U.S. or Provocation? *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. 8 (2021):92-96. DOI: 10.31857/S268667300016029-1

Peters, M., Green, B., Chunxiao Mou, Hollings S., Ogunniran M., Rizvi F. (Open Review). U.S.–China Rivalry and ‘Thucydides’ Trap’: Why this is a misleading account. *Educational Philosophy and Theory*. 10 Aug 2020. DOI:

doi.org/10.1080/00131857.2020.1799739. Available at:

<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00131857.2020.1799739>

Putnam, R.D. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games, International Organization. 1988, 42(3). Pp. 427-460.

Schweller, R.L. Neorealism's Status-Quo Bias: What Security Dilemma? *Security Studies*. 1996. 5. No. 3. Pp. 90-121.

Snyder, J.L. Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition. Ithaca. New York. Cornell University Press. 1991.

Trush, S. "China – U.S.: Characteristics and Aspects of the Escalating Conflict."

USA & Canada: Economics – Politics – Culture. 12 (2020):45-61. DOI:

10.31857/S268667300012647-1

Umetsu, H. (1 June 1996). "Communist China's entry into the Korean hostilities and a U.S. proposal for a collective security arrangement in the Pacific offshore island chain". *Journal of Northeast Asian Studies*. 15 (2): 98–118.

Walt, S. "Yesterday's Cold War Shows How to Beat China Today". *Foreign Policy*. 29 July 2019. Available at: <https://foreignpolicy.com/2019/07/29/yesterdays-cold-war-shows-how-to-beat-china-today/>

Wilson, V. "China's Reach Has Grown; So Should the Island Chains". ASIA MARITIME TRANSPARENCY INITIATIVE. Center for Strategic and International Studies. 12 November 2020. Available at: <https://amti.csis.org/chinas-reach-grown-island-chains/>

Yu, Zhuochao. Reflections on China-US Relations. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. 9 (2021):106-113. DOI: 10.31857/S268667300016436-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГРАФОВ Дмитрий Борисович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

Dmitry B. GRAFOV, Cand. Sci. (Political), Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences.

12 Rozdestveka, Moscow 107031 Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 25.10.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 15.11.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 20.11.2021.

УДК 327.5

DOI: 10.31857/S268667302203004X, EDN: JJVTYA

Политический диалог ФРГ и США в 2021 г.: переход к новой нормальности

Ф.О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Российская Федерация 117997 Москва, Нахимовский проспект 51/21

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864> e-mail: 1trunov@mail.ru

---

Резюме. Статья представляет попытку проследить динамику, особенности и «узкие места» отношений США и ФРГ в первые 9 месяцев после вступления Дж. Байдена в должность президента. Стартовый уровень диалога был исключительно низким как результат политики Белого дома в отношении Германии при Д. Трампе. Во второй половине 2010-х годов ФРГ, будучи длительное время «ученицей» и ведомой англосаксонских держав в сфере идеологии, стала временно играть роль защитницы от них самих западных демократических ценностей в условиях трампизма и брексита.

Германская тактика «пережидания» кризисного состояния отношений с США завершилась с приходом администрации Дж. Байдена. С одной стороны, наблюдался исключительный взаимный интерес к восстановлению отношений. Для ФРГ ключевым идентификатором стали скорость и полнота возвращения США к принципу мультилатерализма во внешней политике. С другой стороны, проявились сдерживающие факторы. Помимо осознания, что трампизм в широком смысле не исчез, это сохранение непредсказуемости во внешней политике при Дж. Байдене, хотя в иных формах и масштабах. Таковыми были итоговое решение о стратегическом уходе из Афганистана (2021 г., апрель) и создание АУКУС (2021 г., сентябрь). Фактором усложнения отношений выступало стремление ФРГ утвердиться в роли полновесного глобального игрока.

В статье выделяются три фазы развития диалога в 2021 г. Это стремительный подъём на старте, кризис ожиданий в условиях неблагоприятного для Германии решения «афганского вопроса» и последующий переход сторон к новой нормальности. Делается вывод о значимости США во внешней политике ФРГ в реалиях 2021 г., и возможной перспективе на 2022 год.

Ключевые слова: Байден, Меркель, Афганистан, НАТО, Украина, АУКУС

Для цитирования: Трунов Ф.О. Политический диалог ФРГ и США в 2021 г.: переход к новой нормальности. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2022; 53 (3) 61-78. DOI: 10.31857/S268667302203004X

German – U.S. Political Dialogue in 2021: Transition to the New Normality

Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information on Social Sciences,

Russian Academy of Sciences (INION RAS).

Russian Federation 117997, Moscow, Nakhimovskiy pr., 51/21

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864> e-mail: ltrunov@mail.ru

Abstract. The article attempts to explore the dynamics, features and «narrow places» of German-US relations in the first nine months after Joe Biden`s inauguration. The basic level was too low as a result of the US policy towards Germany during Donald Trump`s presidency. Historically FRG for a long time had been being a "student" and led by the Anglo-Saxon powers in the ideological sphere. But in the second half of 2010-s Germany was forced to become a protector of Western democratic values from the Anglo-Saxon powers because of Trumpism and Brexit.

The German tactics of "waiting out" the crisis state of relations with the USA has finished after Biden`s administration coming in power. From one side, there had been an exceptional mutual interest in the restoration of the relations. The key identifier for FRG was the speed and the scale of the US return to the principle of multilateralism in their foreign policy. From another side, there have been constraints to the dialogue. They are awareness of the fact that Trumpism in a broad sense has not disappeared and also the preservation of unpredictability in U.S. foreign policy under Biden (although in different forms than under Trump). The key examples were the final decision to withdraw all the troops from Afghanistan (2021, April) and the establishment of AUKUS (2021, September). The constraint for the dialogue with the USA was also German consistent striving to become full-fare world power. The article identifies three stages of German-US dialogue in 2021. They were rapid rise at the start, the expectations crisis in the situation of unfavorable solution to the "Afghan question" for Germany and then return to the new normality in bilateral relations. The scientific paper concludes about the importance of the USA in German foreign policy in 2021-2022.

Keywords: Biden, Merkel, Afghanistan, NATO, Ukraine, AUKUS

For citation: Trunov F.O. German – U.S. Political Dialogue in 2021: Transition to a New Normality. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. 2022; 52 (3) 61-78.

DOI: 10.31857/S268667302203004X

ВВЕДЕНИЕ

Объявление победителем Дж. Байдена на выборах президента США в ноябре 2020 г. одну из самых положительных реакций среди стран Запада вызвало в ФРГ [Daniels von L. et al., 2020]. Ключевая причина – нахождение Германии в положении основного объекта критики и реализации «чувствительных» мер Белым домом при Д. Трампе. Это привело к спаду в отношениях стран, прецедентному по глубине, числу треков (в полной мере охватившему политико-дипломатическую, экономическую, военную и ценностно-информационную сферы) и продолжительности. Руководство ФРГ стремилось «переждать» кризисный период, ожидая смены администрации в США. Надежды официального Берлина оказались отнюдь не иллюзорными: после вступления Дж. Байдена в должность Белый дом стал демонстрировать стремление не просто к восстановлению утраченного уровня доверия [1], но увеличению направлений практического сотрудничества [2].

Вместе с тем, восприятие диалога с США со стороны ФРГ не вернулось механически к состоянию до президентства Д. Трампа. Здесь следует учитывать группу стратегических факторов. Они если не ограничивают потенциал развития отношений в полной мере, то как минимум влияют на определение ряда его рамок и отчасти направленности.

Во-первых, трампизм представляет собой продолжительное явление как выражение национал-суверенистского видения внешней (и внутренней) политики США. Потому оно, хотя и названо персонально в честь 45-го президента США, существенно более масштабно и хронологически длиннее, нежели деятельность лишь самого Д. Трампа и его команды. Означает ли это возможность повторения данного феномена, пусть и в иных формах, даже не связанных с фигурой предшественника Дж. Байдена? Ответ положительный, и это осознаётся руководством ФРГ, заставляя искать различные способы «подстраховки» – как в рамках самого диалога с Соединёнными Штатами, так и вовне его. Данное положение не может не накладывать отпечаток на характер отношений, обуславливая определённую (пусть даже и недекларируемую) настороженность со стороны ФРГ в настоящем и будущем, что, однако, является отнюдь не единственной стратегической проблемой для развития диалога [Rudolf P., 2018, S. 4-7].

Во-вторых, смена администрации не привела к исчезновению фактора непредсказуемости во внешней политике США. Для руководства ФРГ шоковым стало итоговое решение администрации Дж. Байдена 13-14 апреля 2021 г. окончательно, притом весьма срочно, вывести войска из Афганистана, что автоматически означало «обнуление» многолетнего масштабного присутствия там самой Германии [3]; [4]. Ровно через полгода, 15 сентября 2021 г., таковым стала декларация создания АУКУС (AUKUS) – военно-политического объединения трёх англосаксонских держав – Австралии, Великобритании и США [5], причём именно в тот момент, когда впервые в своей истории ФРГ развернула присутствие войск (ВМС) в акватории Тихого океана [6]. Хронологически, содержательно, а главное – концептуально оба данных решения являлись продолжением линии США при администрации Д. Трампа, хотя и осуществляемых в совершенно иных формах в смысле подачи их партнёрам, особенно Германии.

В-третьих, магистральной целью внешней политики официального Берлина выступает утверждение в положении полновесного глобального игрока, то есть мировой державы. Сколь бы ни были важны отношения с любым партнёром и союзником, они могут повлиять лишь на формы достижения данного положения, но отнюдь не отказ от него. Для ФРГ безусловно выгоднее мягкое лидерство США, к которому Белый дом вернулся при администрации Дж. Байдена, чем стремление к жёсткой гегемонии, характерное для Д. Трампа. Однако и последнее, как ни парадоксально на первый взгляд, создавало определённое «окно возможностей» для реализации державных амбиций официального Берлина; первое же приводило и к возникновению некоторых препон на данном пути. Они отнюдь не сводились только к вынужденному свёртыванию присутствия в Аф-

ганистане, которое больно ударило по имиджу Германии как «восходящей» державы и поставило вопрос о целесообразности колоссальных разноплановых вложений в решение «афганского вопроса» в принципе. Показательно отсутствие оптимизма руководства ФРГ к предложениям администрации Дж. Байдена содействовать усилению вовлечённости США в решение проблем безопасности в Сахеле [2] и вхождению их в состав «Нормандской четвёрки» [7] – в обоих случаях со стороны Запада ведущую роль играл здесь германо-французский тандем. На практике ФРГ стремилась затянуть реализацию мер по практической поддержке США на тех направлениях, где это могло быть осуществлено за счёт сокращения влияния самой Германии. Иными словами, последняя компонента в дихотомии «кооперация – конкуренция» применительно к отношениям двух стран при Дж. Байдене резко уменьшилась и сменила формы на достаточно мягкие, но отнюдь не исчезла вовсе.

Задача данной статьи – исследовать направленность и динамику диалога США и ФРГ в первые 9 месяцев президентства Дж. Байдена применительно к общеполитической сфере. С учётом важности для международного развития отношений двух данных государств ему традиционно уделялось повышенное внимание как отечественными, так и зарубежными исследователями. Особенно резкий взлёт интереса к диалогу наблюдался в президентство Д. Трампа [Russell B., 2017]; [Rudolf P., 2018]. Предпринимались попытки дать промежуточную оценку взаимоотношений при Дж. Байдене [Daniels von L. et al., 2020], однако по естественным причинам этот вопрос исследован ещё недостаточно подробно, особенно в контексте решений США по «афганскому вопросу» и созданию АУКУС.

Автор выстроил исследование с опорой на использование методов сравнительного и ивент-анализа. Статья представляет собой попытку изучить последовательно сменявшие друг друга этапы развития общеполитического диалога, следуя проблемно-географическому принципу.

СТАРТ ДИАЛОГА БЕРЛИНА С АДМИНИСТРАЦИЕЙ ДЖ. БАЙДЕНА: ОПРАВДАНИЕ НАДЕЖД

Для ФРГ важнейшим катализатором характера внешней политики администрации Дж. Байдена выступала степень её приверженности принципу мультилатерализма (многосторонности) – ключевому во взаимодействии стран Евро-Атлантического сообщества, под которым понимаются все страны, входящие как в Евросоюз, так и в блок НАТО.

Здесь следует отметить выигрышное положение Германии в ценностно-информационном плане. На этапе становления института государства в Федеративной Республике Германия она являлась «ученицей» западных держав (США, Великобритании и Франции), перенимая опыт привития демократических ценностей. Увеличивая в дальнейшем свои мощь и влияние, идеологически

ФРГ вплоть до середины 2010-х годов оставалась в положении ведомого со стороны старших партнёров, особенно официальных США и Великобритании. Факторы трампизма и брексита изменили данное положение в выгодную для Германии сторону: из «ученицы», притом усвоившей уроки на отлично, она превратилась в защитницу демократических принципов и ценностей Евро-Атлантического сообщества от бывших «учителей» в лице англосаксонских держав. Активной обороной официальный Берлин надеялся выиграть время, дождавшись благоприятного перелома, прежде всего, со стороны Вашингтона. Вместе с тем, власти ФРГ не могли не понимать, что одной из фундаментальных причин проявления обособленности Великобритании и Соединённых Штатов выступало недовольство перераспределением влияния внутри Евро-Атлантического сообщества в пользу самой Германии. Соответственно, в стремлении вновь достичь сонаправленности ценностных установок внешней политики с США, что действительно наблюдалось с приходом в Белый дом Дж. Байдена, ФРГ преследовала две основные задачи. Одна из них – переход к более равноправным отношениям с Соединёнными Штатами в сферах идеологии и политики: ситуация второй половины 2010-х годов вела к сокращению их преимущества как старшего партнёра. Другая – снизить масштаб негативного восприятия со стороны США увеличивавшейся роли Германии в Евро-Атлантическом сообществе и на мировой арене в целом. Фактором, облегчающим деятельность ФРГ, являлась демонстрируемая администрацией Дж. Байдена стратегическая заинтересованность в Германии как партнёре. Вместе с тем, две представленные задачи вступали в противоречие друг с другом даже в условиях отхода США от попыток жёсткой гегемонии. Представляется, что данными положениями во многом определялся де-факто зигзагообразный характер взаимодействия (далеко не всегда переходившего в полноценное сотрудничество) двух стран в политической сфере при «раннем» 46-м президенте США.

На исследуемом временном отрезке уместно выделить три основные фазы развития отношений, точками их разделения стали: инаугурация 46-го президента США, итоговое решение о свёртывании присутствия в Афганистане и декларация о создании АУКУС.

В ходе *первой* фазы (20 января – 12 апреля 2021 г.) скорость и промежуточные результаты оживления политического диалога ФРГ и США определялись предшествующим состоянием их отношений, а также фактором пандемии COVID-19 (массовая вакцинация в странах Евро-Атлантического сообщества началась только весной 2021 г.). Наблюдалось обоюдное стремление «оттолкнуться от дна», достигнутого при администрации Д. Трампа. С одной стороны, темпы восстановления доверия оказались весьма высокими, с другой – вернуться к состоянию диалога середины 2010-х годов в целом оказалось на практике непросто.

Каковы были конкретные ожидания ФРГ от Белого дома в вопросе демонстрации приверженности принципу мультилатерализма? В *общем* плане это возвращение США в международные структуры и системы многосторонних договорён-

ностей с ведущим/активным участием государств – членов Евросоюза, из которых официальный Вашингтон вышел при Д. Трампе. В узком (двустороннем) отношении – отказ от риторики нажима, рестриктивных, демонстративно идущих вразрез с интересами ФРГ (в понимании самого 45-го президента США) действий, которые характеризовали германский курс его администрации. Так, применительно к военной сфере речь шла об отказе от выдвигания вопроса о «задолженности» Германии из-за недостижения 2% расходов на военные нужды, установленных как цель к 2024 г. на Уэльском саммите НАТО 2014 г., «жонглирования» возможностью существенного сокращения присутствия американских войск в ФРГ и пересмотром «сделки» с афганским «Талибаном» от 29 февраля 2020 года.

Первые телефонные консультации между А. Меркель и Дж. Байденом состоялись уже 25 января 2021 г., сразу же продемонстрировавших наличие взаимной приязни лидеров [1]. Канцлер ФРГ приветствовала восстановление членства США в ВОЗ и решение вернуться в состав государств – гарантов Соглашения о всеобъемлющем плане действий (СВПД) по иранской «ядерной проблеме» [1]. Симптоматично, что особое внимание А. Меркель было уделено афганскому направлению – германская сторона сразу же стала зондировать почву на предмет пересмотра договорённостей с «Талибаном». В завершение первой же телефонной беседы с Дж. Байденом А. Меркель пригласила его посетить ФРГ с визитом, как только позволит эпидемиологическая обстановка [1]. Чем была вызвана эта поспешность? Одним из инструментов давления на Германию, притом довольно эффективным в имиджевом плане, стал демонстративный отказ Д. Трампа от официальных поездок в страну (посещение саммита Группы двадцати (G20) в Гамбурге в 2017 г. таковым не являлось), то есть её частичный бойкот в смысле переговоров на высшем уровне. Отсюда очевидно стремление руководства ФРГ отойти от данной практики.

Администрация Дж. Байдена нашла интересное решение: с одной стороны, 46-й президент США принял участие в работе Мюнхенской конференции по безопасности 19 февраля 2021 г., которая проходила в виртуальном формате и была дебютом нового главы страны на крупных международных форумах, подчёркивавшим уважение к Германии. С другой – в очном режиме первым состоялся визит не президента США в ФРГ, возможность которого к концу 2021 г. так и не была на практике согласована, а напротив, официальная поездка канцлера А. Меркель в Вашингтон [8]. К числу причин такого «переворота» следует отнести желание Белого дома продемонстрировать, хотя и в весьма мягкой форме, своё положение как старшего партнёра.

В выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности 19 февраля 2021 г. А. Меркель подчеркнула удовлетворение состоявшимся возвращением США в Парижское соглашение по климату, Совет ООН по правам человека, систему СВПД, продление договорённостей об ограничении стратегических вооружений с РФ [9]. На большинстве данных направлений, особенно по сохране-

нию иранской «ядерной сделки», германская дипломатия, координируя свои усилия не только с Францией и Великобританией (в рамках формата Е3), последовательно стремилась противодействовать линии администрации Д. Трампа на разрушение многосторонних договорённостей. В течение одного месяца с момента вступления в должность Дж. Байден ожидаемо [Daniels L. et al., 2020, S. 4-7] аннулировал значительную часть решений по отходу от мультилатерализма, что воспринималось официальным Берлином в качестве общего выигрыша.

В полной мере это положение касалось признания ценности НАТО при 46-м президенте США. В свою очередь, А. Меркель подчеркнула не просто готовность выйти на отметку в 2% военных расходов ВВП к 2024 г., но сугубо добровольный характер данного движения, то есть непринятие диктата Д. Трампа. Отказ аппарата Дж. Байдена от этого положения, равно как и принципиальный пересмотр итогового решения предшественника от июля 2020 г. по сокращению (на одну треть) группировки войск США на германской территории [3], во многом стимулировали надежды официального Берлина на благожелательную позицию и другом ключевом направлении сотрудничества в военно-политической области – афганском.

29 февраля 2020 г. администрация Д. Трампа заключила «сделку» с движением «Талибан», основным положением которой являлось обязательство полностью вывести войска США в течение 14 месяцев (к 1 мая 2021 г.). А 19 февраля 2020 г., то есть на завершающей стадии переговоров, Бундестаг одобрил запрос федерального правительства на пролонгацию мандата бундесвера (вооружённых сил) в операции «Решительная поддержка» (*Resolute Support*), притом без изменения «потолка» численности континента (1,3 тыс. военнослужащих [10: P. 2-4]). Это свидетельствовало о том, что представленная линия ФРГ выступала органичной частью контрстратегии против трампизма в целом. В случае Афганистана, как ни в каком другом случае, Германия находилась в зависимости от США в военном плане. Традицией внешней политики ФРГ являлся отказ от сколько-нибудь масштабного собственно *боевого* использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО как демонстрация исторической ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны. К тому же это обусловлено неготовностью Бундестага поддержать силовое использование войск, особенно с учётом риска летальных потерь. Осуществляя широкий комплекс мер по небоевому применению вооружённых сил вне зоны ответственности НАТО, германская сторона в зонах конфликтов средней (и тем более высокой) интенсивности остро нуждалась в партнёрах, готовых и способных непосредственно вести боевые действия. Обычно таковыми выступали другие западные державы – прежде всего, США и Франция. С 2002 г. ФРГ вкладывала значительные финансовые и военно-людские ресурсы в стабилизацию обстановки в Афганистане. Так, контингент бундесвера здесь являлся крупнейшим из заграничных военных группировок Германии с 2001 до 2021 гг. Это присутствие вооружённых частей ФРГ выступало одной из ключевых составляющих её утверждения в по-

ложении полновесного глобального игрока. Поэтому германское руководство всячески противилось демонтажу своего военного присутствия в Афганистане, особенно с учётом необходимости в этом вопросе продемонстрировать вынужденное следование в фарватере курса Д. Трампа (то есть в имиджевом плане признать результативность его давления на Берлин). Не менее значим и ещё один аспект: уход из Афганистана воспринимался особенно болезненно, поскольку хронологически непосредственно предшествовал окончанию эпохи А. Меркель и тем больно ударял по восприятию эффективности её и руководства ХДС/ХСС в целом внешней политики.

Соответственно, до последнего сохранялась надежда на возможность пересмотра «сделки» США с «Талибаном». Помимо фактора пандемии COVID-19, приведшей к частичному замиранию мирополитических процессов, власти ФРГ рассчитывали на реализацию благожелательного для себя сценария в случае смены администрации в Соединённых Штатах. Начиная с первых же консультаций с Дж. Байденом, А. Меркель неизменно педалировала «афганский вопрос» [1]; [9]. Неопределённость окончательного подхода к нему в Вашингтоне, проявившаяся во взятии Белым домом дополнительного времени на изучение «сделки» (что было декларировано в начале февраля 2021 г.), породили исключительный оптимизм у руководства ФРГ. Притом германское экспертное сообщество считало более чем вероятным, что США в любом случае пойдут на полный вывод войск из Афганистана – тем более что из страны в 2020 г. были выведены практически все собственно боевые подразделения и части (в том числе сил специальных операций, суммарно свыше 5,4 тыс. солдат и офицеров) и осуществлялась эвакуация военных инструкторов и советников (более 8,5 тыс. человек), прикрепленных к афганским войскам [Glatz R., Kaim V., 2020, S. 2-4]. Иными словами, уже открывалась широкая возможность для наступления отрядов «Талибана» с юга, где они сдерживались теперь весьма слабо, в центральные и северные провинции (в части последних и был сосредоточен германский контингент [10: S. 5-7]). Однако официальный Берлин упорно стремился сохранить военное присутствие в Афганистане: 24 февраля 2021 г. Бундестаг вновь продлил на год мандат контингента, опять не уменьшив «потолка» его численности [11: S. 2-4], что сопровождалось подчёркиванием особой важности афганского направления для внешней политики, в целом, и для отношений с США, в частности [9]. Однако, как показало окончательное решение Дж. Байдена («вброшенное» 12-13 апреля через «утечки» в СМИ и лишь затем официально), руководство ФРГ питало иллюзии: президент США реализовывал «сделку» с «Талибаном», заключённую его предшественником, лишь с некоторым смещением сроков вывода американских войск.

ФАЗА КРИЗИСА ВЗАИМНЫХ ОЖИДАНИЙ

Вторая фаза диалога охватила временной отрезок с 13 апреля по 14 сентября 2021 г. Какие шаги предпринял Белый дом для смягчения негативного воздействия решения о стратегическом уходе из Афганистана для отношений с официальным Берлином? Насколько эффективными оказались данные меры и почему?

13 апреля 2021 г. в ФРГ провёл переговоры с коллегой А. Крамп-Карренбауэр глава военного ведомства США Л. Остин, обозначив решение увеличить численность американской группировки в Германии на 500 человек [3]. Будучи небольшим (всего 1,3%), данный рост, равно как и тональность переговоров в целом, глубоко символичны своей антитрампиристской направленностью. Тем самым США стремились реализацией дружественного шага на одном направлении сотрудничества вооружённых сил двух стран (в самой Германии) частично сгладить возникавший диссонанс на другом (в Афганистане). Однако в первом случае рост присутствия отвечал прежде всего интересам самих США, а во втором его аннулирование наносило большой ущерб интересам ФРГ.

Уже на следующий день, 14 апреля 2021 г., состоялись телефонные консультации Дж. Байдена и А. Меркель, в фокусе внимания оказалась афганская проблематика [12]. Одновременно впервые с января 2021 г. в диалоге на высшем уровне была обсуждена ситуация с выполнением Минских соглашений по Донбассу («Минск-2») [12], что свидетельствовало о стремлении Белого дома увеличить своё влияние на ход «подмороженного» вооружённого конфликта на востоке Украины.

США удалось не допустить сколько-нибудь существенного спада отношений с ФРГ: германская сторона приняла даже смещение (с 11 сентября на 4 июля 2021 г.) срока вывода войск США из Афганистана, перейдя к сверхускоренному варианту эвакуации контингента. Более того, А. Крамп-Карренбауэр совершила ответный визит в Вашингтон 30 июня 2021 г. – в момент, когда последние военнослужащие бундсвера убывали из района Мазари-Шарифа на родину [13]. Ценность Белого дома как партнёра подчёркивалась германской дипломатией в ходе саммитов Группы семи (G7) 11–13 июня 2021 г. и НАТО 14 июня 2021 г. [14].

Почему США сумели этого достичь? Прежде всего, потому что, сколь ни было значимым афганское направление, официальный Берлин не стал жертвовать частным во имя главного – сохранением высокого уровня диалога с США. Значимую роль здесь сыграло нежелание руководства ФРГ пережить ещё один спад в отношениях после лишь недавно завершившейся деградациии при Д. Трампе.

Выбрав данную схему поведения, германская сторона постаралась извлечь максимум из готовности администрации Дж. Байдена найти способы компенсации. Так, афганская проблематика осталась связующим звеном в рамках переговорного процесса США и ФРГ (как двух- так и многосторонних контактов) на перспективу [15]. Разумеется, это было «остаточным» явлением: стороны обсудили резкое изменение положения дел в Афганистане (стремительный приход к власти

движения «Талибан»), не будучи готовы и способны реально сколько-нибудь существенным образом влиять на ситуацию. Принципиально важным стало иное: ФРГ стремилась заручиться поддержкой Белого дома в желании обеспечить стратегическое проникновение в Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) [13].

Знаковым для диалога стал визит А. Меркель в США 15 июля 2021 г., состоявшийся несмотря на сильнейшее наводнение в самой Германии, которое началось за сутки до этого [8]. Поездка была символична в международном контексте: она состоялась месяц спустя после переговоров президента РФ В.В. Путина и Дж. Байдена в Женеве, и за месяц до вступления «Талибана» в Кабул, что показало, сколь недолговечными оказались масштабные усилия Запада по реформированию государственной системы Афганистана.

15 июля канцлер и президент опубликовали совместное Вашингтонское заявление, в котором подчёркивалась взаимная приверженность принципам западной демократии [16]. Документ представлял собой «страховку», притом на концептуальном уровне, которую аппарат 46-го президента США стремился предоставить ФРГ как свидетельство невозврата к состоянию отношений при Д. Трампе. Эту же направленность имел и запуск в ходе визита А. Меркель Германо-Американского форума будущего [8].

Ход переговоров показал, что ФРГ смогла принять совместный уход из Афганистана как результат обеспечения США их интересов, однако не была готова поступиться частью своих позиций ради усиления влияния партнёра – можно констатировать, что в отношениях доминировал прагматизм. Конкретно речь шла об активной вовлечённости США в урегулирование вооружённого конфликта на востоке Украины и борьбу с террористической угрозой в Сахеле [8]. Так, в первом случае администрация Дж. Байдена ставила вопрос о поддержке Германией вхождения США в «Нормандский формат», а также о сохранении транзита российского газа по территории Украины в случае запуска «Северного потока-2» (СП-2), то есть имела место политизация сугубо экономического сюжета. Интересно, что А. Меркель летом 2021 г. дважды провела продолжительные переговоры с президентом Украины В. Зеленским – 12 июля [17] и 22 августа 2021 г. [7]. Чем это обусловлено? Представляется, что ФРГ пыталась не только и даже не столько обеспечить координацию усилий с США при администрации Дж. Байдена, сколько максимально отстоять собственные стратегические позиции. Ещё с президентства Б. Обамы германо-французский тандем в целом принял на себя ключевую роль со стороны Запада в урегулировании вооружённого конфликта на востоке Украины – прежде всего, используя «Нормандский формат» и выступая гарантом договорённостей «Минск-2» от Евросоюза. Предпринятые при Д. Трампе попытки США, создать параллельный переговорный механизм (миссия специального представителя государственного секретаря К. Волкера) воспринимались официальным Берлином (и Парижем) весьма болезненно. Аналогичной, хотя и приобретшей закономерно более мягкие формы,

стала линия ФРГ и при администрации Дж. Байдена. Не возражая де-юре против вхождения США в состав «Нормандского формата» в неопределённой перспективе (отрицательный ответ был невозможен в принципе), официальный Берлин не стремился форсировать данный процесс. Германская сторона была готова гарантировать сохранение транзита российского газа по территории Украины после запуска СП-2 в рамках достигнутой «сделки» с США [7]; [17], но отнюдь не передавать им свою роль как внешнего гаранта стабильности официального Киева со стороны Запада. В этой связи обе встречи А. Меркель и В. Зеленского представляли демонстративную «сверку часов» с украинскими властями по выполнению «Минска-2»; при этом после вторых переговоров наблюдалась интенсификация работы «Нормандского формата» на высшем уровне. Переговоры 12 июля 2021 г., состоявшиеся накануне официальной поездки А. Меркель в США, должны были продемонстрировать прочность двусторонних связей Германии с Украиной [17], информирование Берлином Вашингтона (а не наоборот) об украинской ситуации. Визит канцлера в Киев 22 августа 2021 г. - накануне дня независимости Украины (годом ранее аналогичный шаг предпринял глава МИД ФРГ) иллюстрировал стремление Берлина сохранить свои позиции как внешнего гаранта суверенитета данной страны постсоветского пространства [7].

Подъём диалога США и ФРГ в 2021 г. не сопровождался даже небольшим снижением интереса официального Берлина к углублению сотрудничества в рамках ЕС, в частности, германо-французского тандема по проблеме Сахеля [18]. Почему? Представляется, что развитие его потенциала выступало де-факто одной из важнейших «страховок» на случай спада – точечного или тем более масштабного (как в 2017–2020 гг.) отношений с Соединёнными Штатами. По числу векторов тесной двусторонней координации дипломатических усилий с участием ФРГ Париж опережал Вашингтон. Франция была ключевым союзником Германии в реализации различных программ укрепления общего потенциала стран-участниц ЕС в области безопасности и обороны. Символами продвинутого военно-технического сотрудничества сторон являлась разработка перспективных истребителя VI поколения (с использованием стелс-технологий (FCAS), перспективного боевого танка (MGCS), причём в первом случае координация усилий осуществляется Францией, во втором – Германией [18]. Данные примеры показывают первоочередную заинтересованность ФРГ в разработке совместных систем вооружений и военной техники (ВВТ), особенно тяжёлых, с узкой группой стран – участниц ЕС. Экономически это во многом детерминировано реиндустриализацией Соединённых Штатов, что стартовала при Д. Трампе (и сопровождалась лоббированием им роста экспорта ВВТ в европейские страны-участницы НАТО) и продолжалась при Дж. Байдене. Показательны и различия самого общеполитического диалога: отношения с Францией имеют существенно более высокий уровень институционализации (механизм встреч профильных министров с участием лидеров стран каждые полгода; двусторонний

совет по вопросам обороны и безопасности), чем с США [19]. Первым главой иностранного государства, принятым *очно* в Ведомстве федерального канцлера, стал президент Э. Макрон. А сами данные переговоры 18 июня 2021 г. представляли собой согласование позиций перед грядущим визитом А. Меркель в Вашингтон [20] – так же, как это имело место перед её поездкой туда в 2018 г., ещё при Д. Трампе.

Проведение же визита германского канцлера в США 15 июля 2021 г. было окончательно согласовано на её встрече с госсекретарём Э. Блинкеном 23 июня 2021 г. по завершении Берлинской конференции по Ливии [19]. В рамках данного формата ключевым визави германской стороны также была именно Франция [Lacher, 2020, S. 20-24].

ЭТАП НОВОГО ПОНИМАНИЯ ДРУГ ДРУГА

Однако при всей важности тандема с Францией во внешней политике ФРГ существовали исключения отхода от общего правила тесной координации усилий с партнёром – особенно в условиях возникновения военно-политического объединения АУКУС 15 сентября 2021 г. [5]. И если в случае стратегического ухода из Афганистана пострадали прежде всего интересы Германии (Франция в принципе не принимала участия в операции «Решительная поддержка»), то при запуске АУКУС, наоборот, официально Парижу, как минимум, был нанесён прямой вред. Австралия предпочла закупке французских дизельных подводных лодок (конструируемых на французской базе атомных ПЛ) приобретение американских АПЛ в неядерном варианте [Васильев В.С., 2021]. Показательна позиция МИД ФРГ: он весьма осторожно отреагировал на образование АУКУС, ограничившись приветствием возможных переговоров Белого дома и Парижа, но не оказывая последнему сколько-нибудь заметную поддержку. Почему? Ключевая причина – острая потребность в поддержке Вашингтона в вопросе развёртывания военно-политического присутствия ФРГ на Дальнем Востоке, что в Берлине рассматривали в качестве компенсации свёртывания этого присутствия в Афганистане. Соответствующие переговоры Германия начала ещё летом – осенью 2020 г. с Японией, Сингапуром, Южной Кореей и Австралией, однако они были невозможны с Белым домом: администрация Д. Трампа восприняла бы это как «капитуляцию», лишь усиливая нажим на ФРГ, что в принципе не позволяло последней оказаться в положении просящего. Вместе с тем, фактор поддержки США был исключительно важен: до прихода администрации Дж. Байдена официально Берлину не удавалось добиться многостороннего согласования, заставляя пересматривать сроки появления своего первого военного корабля на Тихом океане. Лишь к весне 2021 г. было достигнуто окончательное решение, и в конце июля 2021 г. фрегат «Бавария» убыл на семь месяцев в акватории Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) [6].

Однако здесь возникла новая проблема: формулирование чёткой позиции ФРГ и главное – определение её вклада в осуществляемое США и группой их партнёров «сдерживание» КНР на Дальнем Востоке. Являясь частью Евро-Атлантического сообщества и «коллективного Запада», официальный Берлин априори ориентировался на США. Отсюда обозначение А. Меркель необходимости поиска совместных (многосторонних) стратегий «сдерживания» не только РФ, но и КНР [9], постановка данного вопроса в повестку дня саммита Группы семи (имевшего ярко выраженную антикитайскую направленность) [Dieter H., 2021] и последующей встречи лидеров стран НАТО в июне 2021 г. [15]. Однако ФРГ продемонстрировала стремление к строго *градуированному* участию в «сдерживании» Китая, притом существенно менее ограниченному, чем в случае РФ с 2014 г. Официальный Берлин в принципе не был готов сворачивать не только масштабную и разветвлённую торгово-хозяйственную кооперацию с КНР (то есть соучаствовать в масштабных таможенных конфликтах с ним, инициированных США при Д. Трампе), но также «замораживать» формат двусторонних межправительственных консультаций (очередные из них состоялись в виртуальном формате 28 апреля 2021 г.). Использование военного инструментария показательным своим масштабом (первоначально был направлен лишь один фрегат с экипажем в 230 моряков и офицеров) [6].

Создание АУКУС, особенно с перспективой превращения в полноценный блок [Васильев В.С., 2021] как возможное начало нового блокового строительства в ИТР и мире в целом, вновь поставило ряд вопросов перед ФРГ, особенно в контексте их диалога с США. Как относиться к АУКУС, учитывая, что его структура представляла собой новое, хотя и в иной форме, проявление обособленности англосаксонских держав (после брексита и трампизма), притом уже при администрации Дж. Байдена? Как ФРГ воспринимала перспективу возможного наделения Австралии ядерным оружием? И главное: почему позиция ФРГ именно такова, а не иная? К числу основных причин дистанцирования и более тесного сплочения группы англосаксонских держав относилось и недовольство увеличением влияния Германии в мире в целом и Евро-Атлантическом сообществе в частности. Соответственно, официальный Берлин стремился не допустить, чтобы процесс функционирования нового блока оказался бы вредоносным для внешней политики ФРГ. Это было вдвойне опасно в условиях резко возросшего в начале 2020-х годов интереса Германии к стратегическому проникновению в ИТР, где этот блок и был учреждён. В данной связи следует понимать осторожное восприятие ФРГ факта создания объединения. Официальный Берлин рассчитывал обеспечить не просто нейтральное, но дружественное восприятие усиления своих позиций на Дальнем Востоке администрацией Дж. Байдена, а также Австралией (с учётом резко возросшего объёма политического и военно-технического сотрудничества с ней к началу 2020-х годов).

Особо для официального Берлина стоял вопрос о наделении Канберры доступом к ядерному оружию (ЯО) в перспективе. Если в случае Австралии такая

возможность была пока теоретический, то для Германии – осуществлялась на практике. В конце октября 2020 г. на территории ФРГ были проведены военные учения, в ходе которых самолёты люфтваффе отрабатывали приём на борт B-61 и учебное бомбометание снарядов, складированных на американской военной базе в г. Бюхель. Иллюстративна дата данных манёвров: они были проведены в преддверии выборов президента Соединённых Штатов, идя вразрез с магистральной линией администрации Д. Трампа в отношении Германии и свидетельствуя не просто о силе антитрамповской оппозиции [Гарбузов В.Н., 2017], но о её стремлении резко улучшить отношения с ФРГ.

Допуск к владению и использованию ЯО ещё со времени «классической» холодной войны выступал для Белого дома одним из ключевых идентификаторов практической ценности союзника – тогда Великобритании, а также ФРГ (хотя попытка была де-юре не реализована). Стремится ли официальный Берлин сохраниться в круге избранных партнёров – даже вопреки своему добровольному бессрочному обязательству отказаться от разработки, владения и распоряжения ОМУ согласно Договору «Об окончательном урегулировании в отношении Германии» (1990 г.)? По сути, можно дать положительный ответ. Подтверждением тому стало не только отсутствие в принципе критики возможного оснащения будущих АПЛ Австралии ядерным оружием, но и заявление министра обороны ФРГ о возможности применения ОМУ против РФ в конце октября уже 2021 г. [22]. Ужесточение риторики в отношении России, равно как и активное участие в развёртывании и функционировании группировок НАТО для «сдерживания» якобы существующей «российской угрозы», выступало фактором укрепления трансатлантических отношений как ранее, так и при администрации Дж. Байдена [9]; [14].

Эти частные, но значимые примеры показывают восприятие США как весьма ценного партнёра для реализации державных амбиций ФРГ, несмотря на наличие определённых разногласий. Очевидно, что укрепление трансатлантических связей будет приоритетом для ФРГ уже в эпоху «пост-Меркель».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первые 9 месяцев президентства Дж. Байдена политический диалог ФРГ и США прошёл путь от состояния глубокой деградации (на момент ухода Д. Трампа) до возвращения к нормальности, но уже новой. И хотя наблюдалось взаимное стремление к скорейшему восстановлению качества и объёмов отношений (что в ряде пунктов было достигнуто уже в первый месяц), в целом этот процесс имел скорее скачкообразный характер. Негативное влияние на него оказывали: «тень» трампизма (в том числе на перспективу), решение Дж. Байдена о стратегическом уходе из Афганистана, а также создание АУКУС. В общем состоянии новой нормальности было достигнуто между 15 июля и 15 сентября 2021 г. Оно означало увеличение в абсолютном и удельном измерениях веса отношений с США во внешней политике ФРГ. Однако формула связей с партнё-

рами по Евро-Атлантическому сообществу для ФРГ в реалиях 2021 г. осталась неизменной: это $E + A$, но не $A + E$, где «Е» – европейские государства – члены НАТО и ЕС, а «А» – США (и Канада). Иллюстрацией тому стало развитие потенциала германо-французского тандема в сопоставлении с отношениями ФРГ – США. В свою очередь, администрация Дж. Байдена усилила первоочередное ориентирование на круг англосаксонских стран, особенно на Великобританию и Канаду. Одна из причин этого – сохранение настороженности элит США в отношении державных амбиций ФРГ. В условиях нагнетания со стороны Запада напряжённости вокруг Украины (с ноября 2021 г.) заметно стремление США обеспечить главенствующее положение на этом направлении: в плане усиления «сдерживания» РФ, так и поддержания с ней политических контактов, тем де-факто ослабляя позиции Германии. В самой ФРГ произошла «смена вех»: уход «супертяжеловеса» А. Меркель и резкий рост влияния на внешнюю политику «зелёных», идеологически близких к Демократической партии США. Солидаризируясь с ними, официальный Берлин в целом всё же стремится удержать свои позиции, используя для этого возможности евро-атлантической «четвёрки» (США, Великобритания, Германия, Франция) и вновь активизировав использование «Нормандского формата».

ИСТОЧНИКИ

1. Telefonat zwischen Bundeskanzlerin Merkel und dem amerikanischen Präsidenten Biden. 25.01.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/telefonat-zwischen-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-amerikanischen-praesidenten-biden-1843056> (accessed 28.10.2021).

2. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Biden. 15.07.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-biden-am-15-juli-2021-1942814> (accessed 28.10.2021).

3. U.S.-Amtskollege Austin zu erstem offiziellen Besuch bei Kramp-Karrenbauer. 13.04.2021. Available at: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/us-amtskollege-austin-besuch-kramp-karrenbauer-5054716> (accessed 28.10.2021).

4. Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem Präsidenten der Vereinigten Staaten von Amerika, Biden. 14.04.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-praesidenten-der-vereinigten-staaten-von-amerika-biden-1889508> (accessed 28.10.2021).

5. Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS. 15.09.2021. 15.09. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aucus/> (accessed 28.10.2021).

6. Indo-Pazifik: Die „Bayern“ auf diplomatischer Mission. 29.07.2021. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pazifik-fregatte-bayern-diplomatische-mission-5204746> (accessed 28.10.2021).

7. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Selensky anlässlich des Besuchs der Bundeskanzlerin in Kiew. 22.08.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-selensky-anlaesslich-des-besuchs-der-bundeskanzlerin-in-kiew-am-22-august-2021-1953130> (accessed 28.10.2021).

8. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Biden. 15.07.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-biden-am-15-juli-2021-1942814> (accessed 28.10.2021).

9. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich des virtuellen Forums der Münchner Sicherheitskonferenz am 19. Februar 2021 (Videokonferenz). 19.02.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-anlaesslich-des-virtuellen-forums-der-muenchner-sicherheitskonferenz-am-19-februar-2021-videokonferenz--1860126> (accessed 28.10.2021).

10. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan. – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/17287, 19.02.2020. – 8 S.

11. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan (2021). – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/26916, 24.02.2021. – 8 S.

12. Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem Präsidenten der Vereinigten Staaten von Amerika, Biden. 14.04.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-praesidenten-der-vereinigten-staaten-von-amerika-biden-1889508> (accessed 28.10.2021).

13. U.S.-Minister Austin: „Deutschland ist einer unserer strategischen Verbündeten“. 01.07.2021. Available at: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/deutschland-ist-einer-unserer-strategischen-verbuedeten-5102678> (accessed 28.10.2021).

14. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel nach der G7-Videokonferenz zur Lage in Afghanistan am 24. August 2021. 24.08.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-nach-der-g7-videokonferenz-zur-lage-in-afghanistan-am-24-august-2021-1953680> (accessed 28.10.2021).

15. Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel zum NATO-Gipfel in Brüssel. 14.06.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundeskanzlerin-merkel-zum-nato-gipfel-in-bruessel-am-14-juni-2021-1928838> (accessed 28.10.2021).

16. Erklärung von Washington. 15.07.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/erklaerung-von-washington-1942704> (accessed 28.10.2021).

17. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Selensky. 12.07.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-selensky-1941604> (accessed 28.10.2021).

18. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Macron anlässlich des Deutsch-Französischen Verteidigungs- und Sicherheitsrates. 5.02.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-macron-anlaesslich-des-deutsch-franzoesischen-verteidigungs-und-sicherheitsrates-am-5-februar-2021-1851512> (accessed 28.10.2021).

19. Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und Außenminister Blinken am 23. Juni 2021 in Berlin. 23.06.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-aussenminister-blinken-am-23-juni-2021-1935448> (accessed 28.10.2021).

20. Erklärungen des Auswärtigen Amtes in der Regierungspressekonferenz. 20.09.2021. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/regierungspressekonferenz/2483334> (accessed 28.10.2021).

21. Минобороны России вызвало военного атташе Германии. 23.10.2020. Available at: <https://tass.ru/armiya-i-opk/9801899> (accessed 28.10.2021).

22. В сети призвали министра обороны ФРГ уйти в отставку из-за заявления о России. 26.10.2021. Available at: <https://lenta.ru/news/2021/10/26/spiegel/> (accessed 28.10.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.С. 2021. AUKUS ещё себя покажет. *Военно-промышленный курьер*. № 7 (900). С. 1, 3.

Гарбузов В.Н. 2017. Трамп: заблокированное президентство. *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*. № 11. С. 5-28.

Рассел Б. 2017. Трамп или Меркель: кто во главе Запада? *Россия в глобальной политике*. № 5. С. 98-108.

REFERENCES

Daniels von L., Kaim M., Kempin R., Lang K.-O., Overhaus M., Thimm J. 2020. Neustart mit Präsident Biden. *SWP-Aktuell*. November. No. 92. 8 S.

Dieter, H. 2021 First Summit of the Anti-China Coalition. *SWP Comment*. June. No 36. 5 S.

Garbuzov, V.N. 2017. Trump: presidency blocked USA ❖ Canada: Economics-Politics – Culture. 2017. No.11. P. 5-28. (In Russ.)

Glatz, R. L., Kaim, M. 2020. Mandat verlängern – Abzug vorbereiten. Die Folgen des Abkommens der USA mit den Taliban vom Februar *SWP-Aktuell*. März.No.18. 4 S.

Lacher, W. 2021. Unser schwieriger Partner. Deutschlands und Frankreichs erfolgsgeloses Engagement in Libyen und Mali. Berlin: Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit Stiftung Wissenschaft und Politik, 42 S.

Rudolf, P. 2018. Nicht allein Trump ist das Problem – Zum Umgang Deutschlands mit den USA. *SWP-Aktuell*. Oktober. No.57. 8 S.

Russel, B. 2017. Trump or Merkel: who is in the head of the West? *Russia in Global Affairs*. 2017. No.5. P. 98-108.

Vasilyev, V.S. 2021. AUKUS will show itself. *Military-industrial courier*. No 37 (900). P. 1, 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

ТРУНОВ Филипп Олегович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект 51/21.

Philipp O. TRUNOV, Candidate of Sciences (Political), Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences Russian Academy of Sciences (INION RAS).

51/21 Nakhimovskiy prosp., Moscow 117997, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 1.11.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 20.11.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 23. 11.2021.

УДК 330.11, 330.43

DOI: 10.31857/S2686673022030051, EDN: LVGEDP

Экономические банальности, возведённые в N(-обелевскую) степень (о Нобелевской премии по экономике за 2021 г.)

В.С. Васильев

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

ORCID: 0000-0003-3131-9500

e-mail: vsvasiliev@mail.ru

Резюме. Анализируются результаты ряда научных изысканий профессора Калифорнийского университета Дэвида Карда в области механизма функционирования рынка труда в США, полученные в первой половине 1990-х годов, за которые он был удостоен Нобелевской премии по экономике за 2021 г. Работы Д. Карда, а также труды специалистов по математическим составляющим статистических моделей профессора Массачусетского технологического института Джошуа Ангриста и профессора Стэнфордского университета Гвидо Имбенса, за которые им также была присуждена Нобелевская премия за 2021 г. Они рассматриваются в более широкой исторической ретроспективе присуждения нобелевских премий по экономике на протяжении последних 50 лет. Констатируется, что политико-идеологический фактор с самого начала существования нобелевских премий по экономике носит ярко выраженный характер, отражая борьбу двух основных научных школ современной экономической науки – поборников свободных рыночных отношений и сторонников сильного государственного регулирования экономики. После мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. присуждаемые нобелевские премии по экономике стали всё в большей степени испытывать влияние экономической политики, проводимой прежде всего демократическими и республиканскими администрациями США, выступая в роли научно-аналитического оправдания и обоснования проводимого США экономического курса.

Работы Д. Карда о взаимосвязи образовательного уровня студентов и школьников, влиянии повышения почасовой ставки минимальной оплаты труда и иммиграционных потоков на занятость в откровенной форме призваны оправдать и подкрепить политику демократической администрации Дж. Байдена, которую она стала проводить в сфере образования, двукратного повышения почасовой ставки заработной платы и резкого увеличения притока иммигрантов в США. Научная фундированность работ Д. Карда периода первой половины 1990-х годов вызывает обоснованные сомнения в их репрезентативности. По всей видимости, именно для того, чтобы нивелировать методологические изъяны работ Д. Карда, Нобелевский комитет решил придать им больший научный вес, трактуя их позиций теории «естественных экспериментов», разработанной Дж. Ангристом и Г. Имбенсом также в первой половине 1990-х годов, с тем, чтобы усилить идеологическую составляющую работ Д. Карда, имея в виду фактор острейшей политической борьбы, идущей в США вокруг экономической политики администрации Дж. Байдена.

Ключевые слова: Нобелевская премия по экономике за 2021 г., Д. Кард, Дж. Ангрис, Г. Имбенс, популяризация экономических знаний, экономика труда, естественные эксперименты, образование и доходы, минимальная оплата труда, иммиграционная политика, стохастические модели, причинно-следственные связи

Для цитирования: Васильев В.С. Экономические банальности, возведенные в N(-обелевскую) степень (о Нобелевской премии по экономике за 2021 г.) *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2022, 52(3):79-97. DOI: 10.31857/S2686673022030051

Economic Platitudes Raised to the N(-obel) Power (on the 2021 Nobel Prize in Economics)

Vladimir S. Vasiliev

Institute for the U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

2/3 Khleby per., Moscow 121069, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3131-9500 e-mail: vsvasiliev@mail.ru

Abstract. *The results of a number of scientific research of California University Professor D. Card in the field of the mechanism of functioning of the labor market in the United States, obtained in the first half of the 1990s, for which he was awarded the Nobel Prize in economic sciences for 2021, are analyzed. Works by D. Card, as well as the work of specialists in the mathematical properties of statistical models of Massachusetts Institute of Technology Professor J. Angrist and Stanford University Professor G. Imbens, for which they were also awarded the Nobel Prize for 2021, are considered in a wider historical retrospective of the awarding of Nobel Prizes in economic sciences over the past 50 years. It is stated that the political and ideological factors from the very beginning of the existence of the Nobel Prizes in economic sciences is a pronounced ideological character, reflecting the struggle of two main scientific schools of modern economics — proponents of the free-market relations and supporters of strong state regulation of the economy. After the global financial and economic crisis of 2007-2009 awarded Nobel Prizes in economic sciences are increasingly experiencing the impact of the economic policy factor, conducted primarily by the Democratic and the Republican administrations of the United States, acting as a scientific and analytical justification of the US official economic policy of the Federal government.*

Professor D. Card' works in the sphere of the relationship of the educational level of students and schoolchildren, the influence of the raise in the hourly rate of minimum wage and immigration flows on employment in a frank form are designed to justify and reinforce the policy of the Biden Democratic Administration, which it began to conduct in the fields of education, in a two-time increase in hourly wage rates, and sharp increase in the influx of immigrants in the United States. Scientific value of Professor D. Card related to the period of the first half of the 1990s causes substantial doubts about their representativeness. Apparently, precisely for the purpose of leveling methodological flaws of D. Card works, the Nobel Committee decided to give them a greater scientific weight, treating them with the methodological positions of the theory of "natural experiments", also developed by Professor J. Angrist and Professor G. Imbens in the first half of the 1990s, in order to strengthen the political component of the Professor D. Card works, taken into account the fact of the most acute political

struggle, which goes on in the United States around the economic policy of the J. Biden Administration.

Keywords: Nobel Prize in economic sciences for 2021, D. Card, J. Angrist, G. Imbest, popularization of economic knowledge, labor economics, natural experiments, education and income, minimum wages, immigration policy, stochastic models, causality

For citation: Vasiliev V.S. Economic Patitudes Raised to the N(-obel) Degree (about the 2021 Nobel Prize in Economics). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2021, 51 (3): 79-97 (In Russ.) DOI: 10.31857/S2686673022030051

ВВЕДЕНИЕ. ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНГАЖИРОВАННОСТЬ НОБЕЛЕВСКИХ ПРЕМИЙ ПО ЭКОНОМИКЕ

После мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. нобелевские премии по экономике всё в большей степени стали отражать воздействие политико-идеологических факторов, следуя за изменениями в государственной экономической политике ведущих стран мира, прежде всего США. Поскольку подавляющее большинство нобелевских премий, присуждённых в этот период, пришлось на долю американских экономистов или экономистов, постоянно работающих в американско-канадских и британских университетах, то смена направленности господствующей «экономической философии» англосаксонских стран, находящей своё проявление прежде всего в политике различных американских администраций – консервативно республиканских с их прорыночной идеологией или либерально-демократической с их приверженностью неокейнсианским методам государственного регулирования макроэкономических процессов, — обернулась и «чересполосицей» тематик исследований, удостоенных высшей награды в области экономики. Не будет преувеличением сказать, что присуждаемые нобелевские премии по экономике нередко были просто призваны подкрепить «на научном уровне» проводимую экономическую политику демократической или республиканской администраций или предвосхитить хорошо прогнозируемую «смену вех» в её господствующих основах.

Появление в 2005 г. публицистической книги молодого талантливого экономиста С. Левитта и его соавтора С. Дубнара «Фрикономика» [Levitt S. and Dubnar S., 2005], и её последующий успех у широкой американской аудитории убедили многих американских и западных экономистов в том, что в настоящее время всё более востребованными становятся экономические исследования, адресованные и понятные широкой аудитории, которые могут считаться своего рода идеологическими манифестами. Как известно, в середине XIX века, например, таким исследованием стала работа К. Маркса «Капитал».

Нобелевские премии по экономике, присуждённые в течение последних десяти лет, стали отражать общественный запрос на популярное изложение экономических теорий «высокого уровня». Как отметил американский экономист

С. Карсон, «мы живем в "золотой век" экономической литературы. Сорок лет назад было только два известных лауреата Нобелевской премии, написавших для широкой публики: Пол Самуэльсон и Милтон Фридман. Сегодня экономисты регулярно пишут для более широкой аудитории, внедряя в её сознание "экономическое мышление". При этом они также пишут и для себя, и для других представителей социальных наук, объясняя им и отстаивая свою методологию научных исследований» [Carson S. Offer A. & Söderberg G. 2016: 317]. Такого рода трудами стали исследования профессора Калифорнийского университета (г. Беркли) Д. Карда, выполненные ещё в 1990-е годы, удостоенные Нобелевской премии за 2021 г., которые были целенаправленно использованы Нобелевским комитетом для обоснования и защиты ряда ключевых положений экономической программы демократической администрации Дж. Байдена, пришедшей к власти в США в январе 2021 года.

КРАЕУГОЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА

В конце марта 2021 г. администрация Дж. Байдена опубликовала свою программу действий в сфере экономики с претенциозным названием «Американский план создания рабочих мест». В перечне приоритетов этого плана по формированию в США «новой экономики» значились цели создания миллионов новых рабочих мест, модернизации инфраструктуры и усиления конкурентоспособности экономики для достижения превосходства над экономикой Китая. Для их реализации план предусматривал создание миллионов высокооплачиваемых рабочих мест, предполагающих *увеличение занятости для высококвалифицированной рабочей силы*.

Другим важнейшим составным элементом плана создания рабочих мест стал указ о повышении в 2022 г. размера минимальной почасовой заработной платы для работников фирм частного сектора, имеющих или заключающих контракты с федеральным правительством, с нынешнего уровня в размере 10,65 долл. до 15,0 долл. [3], который распространится примерно на 390 тыс. человек [Zipperer B. and Shierholz H., 2021]. Этим указом администрация Дж. Байдена приступила к практической реализации обещания Демократической партии, данного в ходе президентской кампании 2020 г., поднять минимальную почасовую заработную плату, устанавливаемую федеральным законодательством, с нынешнего уровня в 7,25 долл., который не повышался с 2009 г., до 15,0 долл. в 2025 году [2].

И, наконец, одной из самых первых инициатив администрации Дж. Байдена, о которой было объявлено буквально 20 января 2021 г., то есть в первый день его официального вступления в должность президента США, стал законопроект о модернизации американской иммиграционной системы. Основная направленность иммиграционной реформы состояла в том, чтобы ускоренными темпами

дать возможность миллионам незаконных иммигрантов стать полноправными гражданами США. При этом в официальной публикации Белого дома особо подчёркивалось, что «исходя из того, что Америка является нацией иммигрантов, в американских иммиграционных законах следует заменить слово "иностранец" на термин "негражданин"» [3].

ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ПО ЭКОНОМИКЕ 2021 г.

Нобелевская премия по экономике за 2021 г., пожалуй, является одной из немногих, если не единственной, «сложносочинённых» премий за всю их полувековую историю, «смонтированной» по достаточно искусственному, если не сказать надуманному методологическому принципу. Формально премия была присуждена американско-канадскому экономисту Дэвиду Карду из Калифорнийского университета (Беркли), родившемуся в 1960 г. в Канаде. В 1978 г. он получил степень бакалавра наук по экономике, учась в канадском университете Куинс (г. Кингстон, Онтарио), однако тут же переехал в США и продолжил обучение в Принстонском университете, последовательно защитив магистерскую диссертацию по экономике, а по окончании аспирантуры в 1983 г. — докторскую диссертацию, называвшуюся «Индексация долгосрочных трудовых соглашений» [4].

На основе докторской диссертации Д. Кард написал несколько статей в ведущих американских журналах, из которых следует выделить работу «Эмпирическая модель положений об индексации заработных плат в трудовых договорах», опубликованную в 1986 г. в одном из ведущих американских экономических изданий — «Журнале политической экономии» [Card D., 1986]. С тех пор он стал целенаправленно специализироваться на проблемах экономики рынка труда, занимал различные академические позиции в Чикагском университете в 1982–1983 гг., в Принстонском университете в 1983–1997 гг., а впоследствии стал бессменным профессором экономики Калифорнийского университета в Беркли. В 1997 г. при экономическом факультете университета был создан Центр экономики труда, директором которого с течением времени и стал Д. Кард.

Попутно следует отметить, что выбор Д. Кардом Калифорнийского университета в качестве основного места своей научной и преподавательской деятельности был далеко не случайным. С 1983 по 2009 г. нобелевские премии по экономике были присуждены экономистам этого университета 6 раз, начиная с Ж. Дебре в 1983 г., Дж. Харсаньи в 1994 г., Д. Макфаддена в 2000 г., Дж. Акерлофа в 2001 г. и кончая О. Вильямсоном в 2009 году.

Нобелевский комитет в своём обосновании присуждения премии Д. Карду подчеркнул, что она присуждается за его работы, опубликованные в первой половине 1990-х годов, в которых ряд острых проблем «экономики труда анализируется с позиций методологии "естественных экспериментов", то есть методологии, в которой объекты анализа рассматриваются в качестве случайных величин,

порождённых изменениями в природе, институтах или экономической политике». Однако буквально в следующем абзаце методология «естественных экспериментов» оказалась отброшенной в сторону, и в нём говорилось о том, что первоначальные исследования Д. Карда – о минимальной заработной плате, о влиянии иммиграции и об образовательной политике – «бросили вызов общепринятым представлениям, а также стали отправной точкой для итеративного процесса репликации, новых эмпирических исследований и теоретических изысканий; с тех пор во всех этих направлениях научных исследований Д. Кард оставался признанным авторитетом. Благодаря его работам мы получили гораздо более глубокое понимание того, как функционируют рынки труда» [5:1].

Оценивая научный вклад профессора Массачусетского технологического института Дж. Ангриста, являющегося также гражданином Израиля, и профессора Стенфордского университета Г. Имбенса, уроженца Голландии, в суммарный актив Нобелевской премии по экономике за 2021 г., составители обоснования указали, что «их работы носят самостоятельный характер, но одновременно дополняют друг друга» [5:1]. Внимательное знакомство с обоснованием Нобелевского комитета присуждённой в 2021 г. премии заставляет задаться вполне уместным вопросом: собственно говоря, за какие научные достижения и каким конкретно лауреатам она была присуждена? С формально-смысловой точки зрения – по формулировке Нобелевского комитета – премия была присуждена за «ответы на вопрос о причинно-следственных связях, опираясь на данные эмпирических наблюдений».

В такой постановке проблематики получается, что премия была присуждена за методологическую разработку теории «естественных экспериментов», при этом в качестве «иллюстрации» были использованы работы Д. Карда, хотя могли быть использованы научные публикации любого другого экономиста или группы экономистов. Таким образом с самого начала знакомства с обоснованием Нобелевского комитета складывается впечатление о попытке, притом достаточно сомнительной, учитывая престиж Нобелевской премии в академическом мире, «подогнать» научные исследования Д. Карда под результаты работ Дж. Ангриста и Г. Имбенса, либо наоборот – адаптировать к методологии моделирования «естественных экспериментов», разработанной Дж. Ангристом и Г. Имбенсом, исследования Д. Карда в области минимальной заработной платы, иммиграционной политики и образовательной политики, как наиболее отвечающим целям доказательства научной обоснованности разработанной ими модели «естественных экспериментов».

Анализируя последующий обширный текст обоснования Нобелевского комитета, можно прийти к достаточно твёрдому выводу о том, что правильным следует считать второй подход, в рамках которого работы Д. Карда, особенно в установлении взаимосвязей между количеством лет образования школьников и студентов вузов и получаемыми ими впоследствии доходами, оказались наибо-

лее «оптимальными» с точки зрения обоснования правомерности методологических разработок Дж. Ангреста и Г. Имбенса [5: 5-7; 10-12].

Таким образом, Нобелевская премия по экономике за 2021 г. слагается из двух совершенно разнородных, мало связанных между собой научных работ. Основная цель подобного рода «сложносочинённой конструкции» состояла, по всей видимости, в том, чтобы придать достаточно тривиальным, а в ряде случаев и весьма сомнительным результатам исследований Д. Карда, которые с самого начала носили политически ангажированный характер, наукообразность, облечённую в математическую, но достаточно бессодержательную, форму.

ТРИ ОСНОВНЫХ РЕЗУЛЬТАТА НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ МОЛОДОГО ЭКОНОМИСТА Д. КАРДА

Нобелевский комитет, объявляя о присуждении очередных премий, и не только по экономике, представляет результаты и заслуги новоиспечённых лауреатов в двух редакциях; во-первых, в форме специализированного обоснования, рассчитанного на более или менее профессиональную аудиторию, и, во-вторых, в форме научно-популярного изложения их достижений, доступного широкой аудитории. В большинстве случаев изложение для широкой публики даёт достаточно условное и приблизительное представление о фундаментальном вкладе мировой научной элиты в прогресс научных знаний, обогащающих человеческую цивилизацию в целом. Однако в случае с Д. Кардом научно-популярное изложение результатов его изысканий является адекватным представлением «фундаментальности» раскрытых им социально-экономических закономерностей.

На первое место Нобелевский комитет поставил выявленную Д. Кардом связь между годами среднего и высшего образования и последующими доходами учеников средних школ и студентов вузов. Общая прослеженная взаимосвязь свелась к тому, что школьники с 12-ю годами образования, то есть с законченным средним образованием, имели на 12% более высокие доходы по сравнению с теми, кто получил неполное среднее образование, а те, кто проучился 16 лет, то есть окончили бакалавриат, имели на 65% большие доходы, чем лица с неполным средним образованием. В итоге «вклад» Д. Карда в теорию фундаментальной взаимосвязи количества лет образования и величиной получаемых впоследствии трудовых доходов суммирован Нобелевским комитетом в виде графика 1.

Строго говоря, соответствующий вывод был сделан Д. Кардом ещё в 1994 г. Тогда он рассматривался в качестве достаточно самоочевидного факта, вытекавшего из предыдущих 50 с лишним лет развития американской экономики и американской системы образования после окончания Второй мировой войны. Согласно тривиальному выводу, сделанному Д. Кардом, «проведённый обзор литературы обнаруживает замечательную степень одинаковости всех изысканий, в которых анализируется влияние качества образования на величину по-

следующих размеров трудовых доходов учащихся. Согласно результатам подавляющего большинства исследований, увеличение на 10% размера ассигнований на систему образования предопределяет увеличение трудовых доходов учащихся на 1–2% в последующие годы. Увеличение финансирования также напрямую связано с более высоким уровнем образования, хотя таких исследований пока сравнительно немного, а оценки спектра их величин заметно отличаются друг от друга» [Card D. and Krueger A., 1994a: 20-21].

График 1

Корреляционная взаимосвязь между уровнем образования и размерами получаемых трудовых доходов

[6:2].

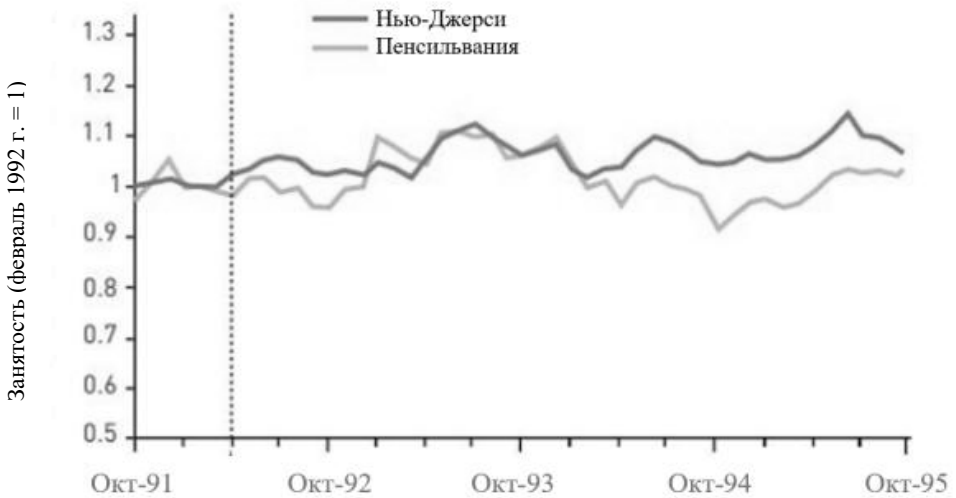
Вторым исследованием, проведённым Д. Кардом в тот период, стало определение того, как влияет повышение минимума почасовой заработной платы в штате Нью-Джерси, которая была повышена 1 апреля 1994 г. с 4,25 долл./час до 5,05 долл./час, то есть почти на 19%, на занятость в восточной части штата Пенсильвания в системе общественного питания. Несмотря на это повышение, на протяжении последующих 3,5 лет занятость в системе общественного питания в прилегающей восточной части штата Пенсильвания, по экспертной оценке Нобелевского комитета, не уменьшилась. Итоговые результаты исследования Д. Карда, опубликованные в сентябре 1994 г., приводятся на графике 2.

Позиция, занятая Д. Кардом в середине 1990-х годов по поводу влияния повышения минимальной ставки заработной платы на занятость и/или безработицу, шла в разрез с господствующими представлениями экономистов-рыночников, которые стали доминировать в теоретических моделях механизмов функционирования рынка труда в США с начала 1980-х годов, то есть с прихо-

дом к власти республиканской администрации Р. Рейгана. Как отмечалось в программной статье Д. Карда в наиболее авторитетном американском издании «Америкэн экономик ревью», на вопрос о возможном влиянии повышения ставки минимальной почасовой заработной платы на занятость в низкооплачиваемом сегменте рабочей силы США «традиционная экономическая теория безапелляционно утверждает, по крайней мере с 1946 г., что повышение ставки минимальной почасовой оплаты труда вынуждает конкурирующих между собой работодателей снижать занятость» [Card D. and Krueger A., 1994a: 772].

График 2

Влияние повышения ставки минимального почасового размера оплаты труда на занятость в системе быстрого питания в штатах Нью-Джерси и Пенсильвания (в первой половине 1990-х годов)

Повышение минимальной почасовой ставки заработной платы
1 апреля 1992 г. с 4,25 долл./час до 5,0 долл./час.

[6:4]

Именно против этой рыночной ортодоксии и выступил Д. Кард, который чётко и недвусмысленно подвёл итог своим изысканиям, подчеркнув, что «в противовес главному предсказанию хрестоматийной модели эффектов минимальной заработной платы, но в полном соответствии с результатами немало числа исследований, в основе которых лежало детальное изучение временных рядов, характеризующих занятость на различных сегментах рынка труда и поведение работодателей, мы не нашли доказательств того, что повышение ставки почасовой минимальной платы в штате Нью-Джерси привело к уменьшению занятости в ресторанах быстрого питания в штате» [Card D. and Krueger A., 1994b:792]. Следует при этом иметь в виду, что уже в начале 1990-х годов исследование Д. Карда носило заведомо политически ангажированный характер, по-

скольку с 1 января 1981 г. по 1 апреля 1990 г., то есть на протяжении десяти лет («при Р. Рейгане!»), устанавливаемая федеральным правительством ставка минимальной заработной платы в США ни разу не повышалась, оставаясь на уровне 3,35 долл./час! [7].

Впрочем, если внимательно посмотреть на кривые графика 2, то можно увидеть, что после января 1994 г. занятость в восточной части штата Пенсильвания стала статистически заметно отставать от занятости в штате Нью-Джерси.

Впоследствии критики исследования Д. Карда отмечали, что повышение размера минимальной почасовой ставки заработной платы на 0,8 долл. не является достаточно большим. Современные официальные аналитические оценки плана администрации Дж. Байдена, предусматривающие увеличение минимальной ставки заработной платы в 2 раза к 2025 г., однозначно говорят о «возвращении рыночной ортодоксии». Так, согласно прогностической оценке Бюджетного управления Конгресса США, появившейся в феврале 2021 г. (о которой, по всей видимости, было хорошо известно экспертам Нобелевского комитета, принимавшим решение о присуждении премии по экономике за 2021 г.), в 2025 г. в среднем, в том случае, если в США будет установлена минимальная федеральная почасовая ставка заработной платы в размере 15 долл./час, она затронет положение 17 млн рабочих, имеющих заработную плату ниже этого уровня, и 10 млн рабочих, которые предположительно будут получать немного выше федерального минимума почасовой заработной платы, в результате чего занятость в масштабах всей американской экономики *уменьшится на 1,4 млн человек, или на 0,9%*! [8:2]. При этом величина этого сокращения является средним показателем, и существует 33%-ная вероятность того, что занятость может уменьшиться от 1,0 млн до 2,7 млн низкооплачиваемых рабочих и служащих [8:10].

И, наконец, *третьим направлением работ* Д. Карда, возможно, самым острым и злободневным, стало изучение влияния иммиграционных потоков на такие параметры рынка труда низкооплачиваемой рабочей силы, как занятость и заработная плата. Даже в изложении экспертов Нобелевского комитета результаты изысканий Д. Карда выглядят фрагментарными и не очень убедительными. Причина состоит в том, что в начале 1990-х годов он подверг сомнению одну из базовых хрестоматийных закономерностей рынка труда, согласно которой приток сравнительно большого числа иммигрантов на американский рынок труда практически «гарантированно» повлечёт за собой и рост безработицы, и падение заработков в сегменте низкооплачиваемой рабочей силы.

В качестве объекта исследования он избрал ситуацию, сложившуюся на рынке труда в г. Майами (штат Флорида) в первой половине 1980-х годов, обусловленную декларацией кубинского лидера Ф. Кастро от 20 апреля 1980 г., согласно которой любые кубинские граждане и/или семьи, желавшие покинуть «остров Свободы», могли беспрепятственно перебраться во Флориду, которая с

начала 1960-х годов стала основным местом проживания кубинских иммигрантов. Как следствие этого решения кубинских властей, с мая по сентябрь 1980 г. Кубу покинуло 125 тыс. человек, половина из которых прочно обосновалась в Майами, в результате чего численность рабочей силы в этом крупнейшем городе штата Флорида увеличилась на 7%, а численность рабочей силы кубинского происхождения – на 20% [Card D., 1990:245-246].

Оценка последствий притока кубинских иммигрантов на рынок труда г. Майами производилась Д. Кардом в расчёте на семилетний период с 1979 г. по 1985 г. Общим итогом его анализа стало заключение о том, что несмотря на рост численности кубинской рабочей силы в 1985 г. по сравнению с 1979 г. безработица среди кубинского сегмента выросла всего на 0,2%, с 5,3% до 5,5% [Card D., 1990: 251], а средняя реальная заработная плата кубинских рабочих за этот период уменьшилась на 9 процентных пунктов (п.п.), которая сложилась из падения на 6 п.п. производительности труда кубинской рабочей силы и 3 п.п. снижения их профессионально-квалификационного уровня [Card D., 1990: 253-254].

При этом Д.Кард установил, что приток кубинской рабочей силы никак не сказался ни на показателях занятости, ни на показателях заработной платы других сегментов рынка труда низкооплачиваемой рабочей силы (белых, афроамериканцев и латиноамериканцев); заработная плата кубинской рабочей силы за пределами Майами также не была затронута падением ставок заработной платы кубинских рабочих непосредственно в Майами [Card D., 1990:255].

Итоговый вывод исследования Д. Карда свёлся к тому, что «приток кубинских иммигрантов не оказал практически никакого заметного влияния на ставки заработной платы менее квалифицированной рабочей силы некубинского происхождения. Аналогичным образом он не привёл к росту безработицы среди менее квалифицированной афроамериканской рабочей силы или других расово-этнических групп. Скорее можно говорить о том, что имела место быстрая адаптация кубинских иммигрантов к условиям рынка труда Майами с крайне незначительными последствиями для социально-экономического положения других групп. И даже применительно к кубинскому населению штата Флорида нет свидетельств того, что приток кубинских иммигрантов с мая по сентябрь 1980 г. серьёзно повлиял на его заработные платы или уровни безработицы», хотя при этом Д. Кард ради научной объективности «вскользь» упомянул о том, что «рынок труда Майами является совершенно нетипичным рынком труда в США» [Card D., 1990:256].

Собственного говоря, вот за такой «вывод» Д. Кард и был удостоен Нобелевской премии по экономике за 2021 г. [5:20]. В интерпретации Нобелевского комитета работы и изыскания Д. Карда в сфере иммиграционной политики, по сути, стали «мощным» идеологическим оправданием и обоснованием необходимости максимально возможно расширять приток иммигрантов в американскую экономику. Модель функционирования рынка труда низкооплачиваемой рабочей силы в условиях притока иммигрантов, предложенная Д. Кардом, была

проста: увеличение числа иммигрантов практически не влияет на социально-экономическое положение коренного населения и даже предыдущих поколений иммигрантов различных расово-этнических групп. Ассимиляция новых когорт иммигрантов происходит в рамках уже существующих диаспор, при этом на локальном уровне, на который и падают все потенциальные экономические издержки прихода новых иммигрантов, главным образом в виде снижения ставок заработной платы данного рыночного сегмента соответствующей диаспоры, будь то кубинской, мексиканской, китайской и т.п. [Altonji J. and Card D., 1991:201-234].

За последние 30 лет в США «розовые» представления начала 1990-х годов о положительном влиянии иммиграции на американское общество в широком смысле этого слова претерпели радикальные изменения. И прежде всего это коснулось проблемы нелегальных иммигрантов, численность которых по состоянию на начало 1990-х годов не превышала 3,5 млн человек [9]. Однако уже к 2007 г. их численность достигла рекордных 12,2 млн человек и с тех пор остаётся примерно на этом же уровне, составляя немногим больше **11 млн человек** [10]. При этом 78% нелегальных иммигрантов рождены или происходят из Мексики, стран Центральной и Латинской Америки; только 30% нелегальных иммигрантов имеют незаконченное высшее и высшее образование (не выше бакалавра).

Согласно данным демографов Йельского университета, количество нелегальных иммигрантов в настоящее время в 2 раза выше и составляет по меньшей мере **22,1 млн человек** [Fazel-Zarandi M., Feinstein J., Kaplan Ed., 2018:7]. В США также стремительно растёт абсолютное и относительное число граждан, родившихся за пределами США. Сейчас их численность достигает 45 млн человек, или около 14% населения страны, хотя в 1990 г. она не превышала 8% населения, или 20 млн человек [11].

«Переселение народов» в таких масштабах в состоянии изменить не только механизмы функционирования рынка труда на местном и региональном уровнях, но и в масштабах всей американской экономики, затронув сегменты сравнительно хорошо оплачиваемой рабочей силы. Именно этот фактор на протяжении последних десятилетий, но особенно после финансово-экономического кризиса 2007–2009 г., предопределял растущую оппозицию в США «цветной иммиграции». Ряд исследований американских экономистов, проведённых в последнее время, показал, что в общенациональном масштабе 10%-ное увеличение численности рабочих-иммигрантов снижает ставки заработной платы и должностных окладов в среднем на 2% [De Brauw A., 2017: 475].

Достаточно легковесные, если не сказать банальные или «бросающиеся в глаза» политически ангажированные выводы Д. Карда, сделанные им на основе эмпирических изысканий, потребовали подвести «солидную» научно-теоретическую базу. Именно эту роль и сыграли математические формулировки

статистических моделей «естественных экспериментов», которые разрабатывали Дж. Ангрис и Г. Имбенс в середине 1990-х годов.

«ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ»: ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ В ВЫБОРКЕ СЛУЧАЙНЫХ ПАРАМЕТРОВ

С методологической точки зрения, эмпирические исследования, проведенные Д. Кардом в сферах образования, влияния роста минимальной оплаты труда и притока иммигрантов на занятость и ставки заработной платы и должностных окладов, в качестве естественной логической формы их продолжения потребовали «мегатеоретических» обобщений, поскольку речь шла о ведущих научных американских центрах, регулярно «поставляющих» на мировой интеллектуальный рынок лауреатов Нобелевской премии. Подобного рода «глобальные» обобщения в свою очередь могли быть использованы для обоснования различных подходов и направлений макроэкономической политики, в том числе и международных экономических организаций.

Строго говоря, какие «глобальные выводы» можно было сделать на основе изучения изменений на рынке труда кубинской рабочей силы в Майами с 1979 по 1985 г. или исследования динамики занятости в 410 ресторанах быстрого питания, или, проще говоря, в закусочных или кафе типа «Макдональдс», «Бургер кинг», «Ведис» или «КФС» с апреля 1992 г. по октябрь 1995 г.? И в том, и в другом случае эти изменения, например, можно было либо связать с историческими особенностями функционирования рынка в данных местностях, к чему в конечном счёте и прибег Д. Кард, либо объяснить их особенностями циклического развития американской экономики в начале 1980-х и в начале 1990-х годов.

В частности, согласно официальной хронологии Национального бюро экономических исследований США, в первой половине 1980-х годов фаза подъёма началась в ноябре 1982 г. и продолжалась на протяжении последующих 92 месяцев, а в первой половине 1990-х годов фаза подъёма началась в марте 1991 г. и продолжалась 120 месяцев [12]. Фазы подъёма, как правило, сопровождаются ростом занятости, чем особенно отличались 1980-е годы, и именно этот фактор был главной причиной роста занятости в различных сегментах рынка труда США, в том числе и низкооплачиваемой рабочей силы. В частности, с 1982 г. по 1990 г. численность рабочей силы в экономике США увеличилась *на 19,4 млн человек*, а с 1991 г. по 2000 г. – *на 16,3 млн человек* [рассчитано по: 13: 484-485].

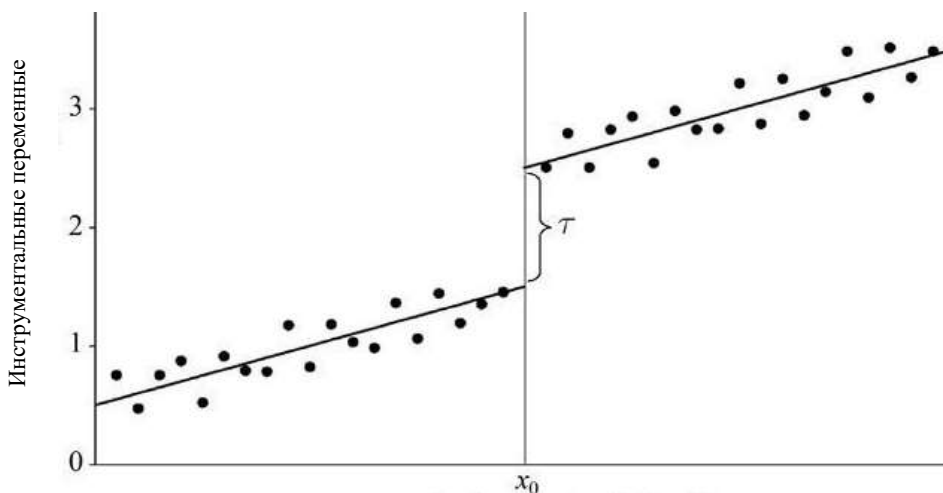
Роль инструмента выведения банально обыденных выводов и заключений исследований Д. Карда и сыграли абстрактные статистические модели «естественных экспериментов», которые получили большую популярность в гуманитарных науках на Западе с начала XXI века. Они и придали должный уровень академического «наукообразия» даже самым заурядным исследованиям. В основу инструмента «выведения» экономических взаимосвязей бытового уровня на орбиту «глобально-космических» умозаключений была положена методология

так называемого «локального среднего эффекта обработки данных», известная как «техника ЛАТЕ» (*the local average treatment effect*). В эконометрической литературе она впервые была представлена Дж.Ангристом и Г.Имбестом в начале 1990-х годов [14].

В самом общем виде «техника ЛАТЕ» представлена на графике 3.

График 3

Методология обработки эмпирических данных по «технике ЛАТЕ»

[Stevens K., 2016]

Общий смысл обработки данных за определённый период времени практически любых эмпирических исследований сводится к тому, что данные исходной выборки, представленных на графике в виде точек в левой части, экстраполируются в некий период в будущем, представленный на графике в его правой части. В дальнейшем данные левой и правой части графика сопоставляются и делается вывод о том, в какой степени исходные послылки левой части графика проведенного исследования являются правомерными и «научно обоснованными» для правой части графика.

Однако реальный смысл использования «техники ЛАТЕ» состоит совершенно в другом. В рамках статистических моделей исходные данные и параметры komponуются *на основе случайной выборки*, в то время как в эконометрических исследованиях эмпирические данные используются для составления моделей *причинно-следственных связей*, то есть для объяснения и интерпретации полученных результатов исследований. В этом плане сразу возникает проблема фундаментального свойства, сводящаяся к тому, каким образом следует интерпретировать выборку случайных данных и параметров и можно ли её «считать» таким образом, чтобы априори выявить характер причинно-следственных связей в

исследуемом эмпирическом феномене, не выдвигая при этом никаких исходных гипотез и предположений?

Следует иметь в виду, что усложнение феноменов и явлений современной общественной жизни, особенно в сфере социально-экономических отношений, порождает сильную идейную поляризацию и расхождения даже в оценке общеизвестных данных и фактов, не говоря уже о тех фактах и данных, которые нередко остаются на периферии научных изысканий и/или внимания профессионального сообщества. Таким образом, возникает соблазн введения института «методологической цензуры» научных исследований, основанного именно на абстрактно-математическом понятийном аппарате.

Парадоксально, но по сути именно эта идея была достаточно открыто сформулирована в обосновании Нобелевским комитетом «научного вклада» Дж. Ангриста и Г. Имбеста. По заключению экспертов Нобелевского комитета, эти исследователи сумели показать, что «можно провести обработку исходных данных и параметров, то есть выявить их средний локальный эффект, даже при их минимальном наборе и выглядящих на первый взгляд правдоподобно. Тем самым им удалось перебросить связующее звено от инструментальных переменных, подбираемых в экономической науке по принципу причинно-следственных связей, к выборкам случайных данных, имеющих потенциал выявления причинно-следственных связей, распространенных в формальных статистических моделях. На основе разработанной ими методологии они очертили базовые принципы формирования причинно-следственных связей в исследуемых эмпирических явлениях и создали эффективную методологию определения отклонений от исходных посылок и допущений» [5:1].

Необходимо подчеркнуть, что исследовательская методология «ЛАТЕ», разработанная Дж. Ангристом и Г. Имбестом, практически с самого её появления вызывала серьёзную критику и нарекания со стороны ведущих американских экономистов, которые подчёркивали её и теоретическую, и практическую бессодержательность.

Согласно оценке видных американских экономистов Дж. Хекмана и С. Урзуа, работы Дж. Ангриста и Г. Имбеста появились в развитие идей экономистов-рыночников, то есть интеллектуальной традиции, заложенной после Второй мировой войны Чикагской школой экономики. В первое послевоенное десятилетие экономисты этой школы сформировали представление о механизмах функционирования экономики США и экономических систем в целом, основанных на совокупности структурных уравнений. По авторитетному мнению Дж. Хекмана и С. Урзуа, ахиллесова пята «систем структурных уравнений сводится к тому, что ответы на поставленные исследовательские задачи обычно определяются как вероятностные пределы отклонений от полученных результатов, а не в качестве ответов на чётко сформулированные экономические проблемы. В результате неконкретные "эффекты" выступают заместителями чётко определённых экономических параметров как объекты эмпирических исследо-

ваний» [Heckman J. and Urzúa S.m 2009:2-3]. Кроме того, «механическое» использование инструментальных параметров в статистических моделях может также обернуться тем, что причины нередко оказываются перепутанными со следствиями.

По мнению известного американско-британского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике за 2015 г. А. Дитона, «результаты, полученные на основе структурных уравнений, используемых в естественных экспериментах, не имеют приоритетной составляющей» [15:4] и в этом плане малопригодны для изучения таких важнейших проблем современности, как влияние экономического роста на искоренение бедности, особенно в слаборазвитых странах, или для оценки эффективности международных программ экономической помощи, равно как и государственных социально-экономических программ в целом, поскольку «они неизменно сосредоточиваются на проблеме, работают ли эти программы, вместо того, чтобы искать ответ на вопрос, почему они работают» [15: 4].

По мнению известного политолога, профессора Йельского университета Т. Даннинга, подход к явлениям общественной жизни в любой сфере – экономике, социальных отношениях, в политике – с позиций «естественных экспериментов» в противовес традиционному рассмотрению общественных феноменов как проявлений фундаментальных закономерностей, определяющих ход и направленность общественных процессов, создаёт ощущение их «эфемерности», в свете которой закономерности общественного развития подменяются игрой и/или объявляются проявлениями действия случайных факторов. В этих условиях не может не происходить деградация общественных наук, которые перестают получать и накапливать фундаментальные знания, поскольку «рассмотрение явлений общественной жизни с позиций и методологии естественных экспериментов резко сужает спектр научных изысканий, которые начинают фокусироваться в значительной степени на неинтересной или теоретически мало значимой тематике» [Dunning Th., 2012: 3]. Нобелевская премия по экономике, присуждённая в 2021 г. профессору Д. Карду, в полной мере подтвердила этот вывод видного британского политолога, сделанного ещё десять лет назад.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ КАК ЧАСТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭВОЛЮЦИОНИРУЮЩЕМ ФЕНОМЕНЕ *НОВОСАРИЕНЦИЯ*

Нобелевская премия по экономике, присуждённая профессору Калифорнийского университета Д. Карду за исследования в области экономики трудовых отношений, свидетельствует о том, что социальная значимость фундаментальных экономических исследований, взятых как таковые, получает всё большее распространение и признание в западной экономической науке. Проблемы

получения высококачественного образования всё более широкими слоями населения, положение социальных групп с низкими доходами и социально уязвимых групп, к которым всегда, по крайней мере в США, принадлежали иммигранты, становятся главным приоритетом государственной политики в условиях экономических потрясений, усугублённых коронавирусной пандемией.

Однако дальнейшая судьба этих исследований оказывается в настоящее время на своеобразном перепутье. Одно направление оценки результатов важности исследований в области экономики труда ведёт к их дальнейшей формализации и математизации, которые в свою очередь оборачиваются, по выражению видного французского экономиста левых взглядов Т. Пикетти, «автономизацией экономической науки». Прямым следствием процесса «узковедомственного обособления» экономических знаний является то, что «историки, социологи, политологи и философы нередко оставляют изучение экономических проблем исключительно экономистам» [Piketty Th., 2020:1040]. Как следствие, значительная часть полученных экономистами результатов научных изысканий лишается исторических норм – рамок и не даёт возможности составить адекватные представления о ходе и направленности процессов экономической эволюции.

ИСТОЧНИКИ

1. The White House. FACT SHEET: Biden-Harris Administration Issues an Executive Order to Raise the Minimum Wage to \$15 for Federal Contractors. April 27, 2021. // Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/27/fact-sheet-biden-harris-administration-issues-an-executive-order-to-raise-the-minimum-wage-to-15-for-federal-contractors/> (accessed 20.12.2021).

2. Maria Cantwell. United States Senator for Washington. FACT SHEET Raise the Wage Act of 2021. Raising the Federal Minimum Wage to \$15 an Hour by 2025 Will Give Nearly 32 Million Workers a Raise. 2 pp. Available at: <https://www.cantwell.senate.gov/imo/media/doc>. (accessed 20.12.2021)

3. The White House. Fact Sheet: President Biden Sends Immigration Bill to Congress as Part of His Commitment to Modernize our Immigration System. January 20, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/01/20/fact-sheet-president-biden-sends-immigration-bill-to-congress-as-part-of-his-commitment-to-modernize-our-immigration-system/> (accessed 20.12.2021).

4. Card D. Indexation in Long Term Labor Contracts (Ph.D. thesis). Princeton University, 1983, OCLC 82114591. ProQuest 303177959.

5. The Royal Swedish Academy of Science. Scientific Background on the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2021. Answering Causal Questions Using Observational Data. The Committee for the Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel. 11 October, 2021. 46 pp. Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2021/summary/> (accessed 20.12.2021).

6. The Royal Swedish Academy of Sciences. The Prize in Economic Sciences 2021. Popular Science Background. Natural experiments help answer important questions. 11 October, 2021. 8 pp. Available at: https://www.pop_ek_en_21_pdf (accessed 20.12.2021).

7. U.S. department of Labor. History of Federal Minimum Wage Rates under the Fair Labor Standards Act, 1938 - 2009. Available at: <https://www.dol.gov/agencies/whd/minimum-wage/history/chart> (accessed 20.12.2021).

8. CBO. The Budgetary Effects of the Rise the Wage Act of 2021. February 2021. 17 pp. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/56975.pdf> (accessed 20.12.20-21).

9. Pew Research Center. U.S. Unauthorized Immigrant Total Dips to Lowest Level in a Decade. November 2018. Available at: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2018/11/27/u-s-unauthorized-immigrant-total-dips-to-lowest-level-in-a-decade/> (accessed 20.12.2021).

10. MPI. Profile of the Unauthorized Population: United States. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/data/unauthorized-immigrant-population/state/us>. (accessed 20.12.2021).

11. QuickFacts: United States. U.S. Census Bureau. October 8, 2021. Available at: <https://www.census.gov/quickfacts/fact/table/US/PST045219> (accessed 20.12.2021).

12. NBER. US Business Cycle Expansions and Contractions. Available at: <https://www.nber.org/research/data/us-business-cycle-expansions-and-contractions> (accessed 20.12.2021).

13. Economic Report of the President, January 2021. Wash.: US GPO, 2021, iii + 527 pp.

14. NBER Technical Working Papers Series. Angrist J., Imbens G. Identification and Estimation of Local Average Treatment Effects. Technical Working Paper No 118. December 1991. i + 26 pp.

15. NBER Working Paper Series. Deaton A. Instruments of development: Randomization in the tropics, and the search for the elusive keys to economic development. NBER Working Paper No. 14690. March 2009, II + 54 pp.

REFERENCES

Altonji J. and Card D. The Effects of Immigration on the Labor Market Outcomes of Less-Skilled Natives. In Abowd J. and Freeman R. (eds.) *Immigration, Trade, and the Labor Market*. Chicago, University of Chicago Press, 1991, pp. 201-234.

Card D. An Empirical Model of Wage Indexation Provisions in Union Contracts. *The Journal of Political Economy*, June 1986, vol. 94, No. 3, Part 2, pp. S144-S175.

Card D. and Krueger A. Minimum Wages and Employment: A Case Study of the Fast-Food Industry in New Jersey and Pennsylvania. *The American Economic Review*, September 1994b, pp. 772-793.

Card D. and Krueger A. The Economic Return to School Quality: A Partial Survey. Working Paper # 334. Industrial Relations Sector. Princeton University. October 1994a, i + 35 pp. Available at: <https://dataspace.princeton.edu/jspui/bitstream/88435/dsp01r781wg02t/1/334.pdf> (accessed 20.12.2021).

Card D. The Impact of Mariel Boatlift on the Miami Labor Market. *Industrial and Labor Relations Review*, January 1990, pp. 245-257.

Carson S. Offer A. & Söderberg G. The Nobel Factor: The Prize in Economics, Social Democracy, and The Market Turn. Princeton University Press, 2016, 308 pp. *Journal of Economics and Political Economy*, September 2017, pp.315-317.

De Brauw A. Does Immigration Reduce Wages? *Cato Journal*, Fall 2017 57(3):473-480.

Dunning Th. Natural Experiments in the Social Sciences. A Design-Based Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, XIX + 358 pp.

Fazel-Zarandi M., Feinstein J., Kaplan Ed. The number of undocumented immigrants in the United States: Estimates based on demographic modeling with data from 1990 to 2016. *PLOS ONE*, 21 September 2018, 11 pp. doi.org/10.1371/journal.pone.0201193

Heckman J. and Urzúa S. Comparing IV with structural models: What simple IV can and cannot identify. *Journal of Econometrics*, January 2009, 156(1):27-37.

Levitt S. and Dubnar S. Freakonomics. A Rogue Economist Explores the Hidden Side of Everything. N.Y.: HarperCollins Publishers Inc., 2005, xviii + 320 pp.

Piketty Th. Capital and Ideology. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2020, IX + 1065 pp.

Stevens K. Regression Discontinuity Designs: An Introduction. *The Australian Economic Review*, June 2016, pp .224-233.

Zipperer B. and Shierholz H. Up to 390,000 federal contractors will see a raise under the Biden-Harris executive order. *Working Economics Blog/Economic Policy Institute*, April 27, 2021. Available at: <https://www.epi.org/blog/up-to-390000-federal-contractors-will-see-a-raise-under-the-biden-harris-executive-order/> (accessed 20.12.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады Российской Академии наук (ИСКРАН), Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2.3

Vladimir S. VASILIEV, Doc. Sci. (Economics), Chief Researcher. Institute for the US and Canada, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 19.12.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 30.12.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 2.01.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022030063, EDN: XHDQVZ

Дипломатия США в эпоху больших данных: новые цели, новые возможности

Н.М. Кузнецов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3
ORCID: 0000-0001-9196-9578 e-mail: nmkuznetsov@list.ru*

Резюме: Автор констатирует развитие нового феномена международных отношений, который напрямую связан с внешнеполитической деятельностью государств на всех уровнях: от консульской службы до публичной дипломатии. Этот феномен, не имеющий единого понятийного аппарата, является коллаборацией науки о данных (*data science*) и международных отношений. Дипломатия данных (*data diplomacy*) включает в себя использование искусственного интеллекта (ИИ), аналитики больших данных (*big data*) и иных технологических новинок для проектирования влияния на зарубежную аудиторию, блокировки неугодной информации в интернет-сети и решения иных внешнеполитических задач. В данной статье представлен комплексный анализ современной дипломатии данных США. Выявляются политический и научный дискурсы о ее целях и возможностях, дается краткая характеристика «дата-дипломатов», которых уже готовят ведущие американские университеты, а также выявляются методы, проекты и перспективы развития дипломатии данных на примере её российского направления. Рассматривается дальнейшее развитие дипломатии данных как аналитического трека внешней политики, способного контролировать эффективность цифровой дипломатии США и сдерживать информационное влияние стран-оппонентов.

Ключевые слова. США, дипломатия данных, большие данные, цифровая дипломатия, публичная дипломатия, каналы иновещания, пропаганда

Для цитирования: Кузнецов Н.М. Дипломатия США в эпоху больших данных: новые цели, новые возможности. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2022; 52(3):98-111. DOI: 10.31857/S2686673022030063

U.S. Diplomacy in the Era of Big Data: New Goals and Opportunities

Nikita M. Kuznetsov

*Saint Petersburg State University,
Russian Federation 191060, St. Petersburg, st. Smolny, 1/3
ORCID: 0000-0001-9196-9578 e-mail: nmkuznetsov@list.ru*

Abstract. The new phenomenon of International Relations which is directly related to the foreign policy of the state at all levels, from the consular service to public diplomacy, was called by western experts as Data Diplomacy or Data-Driven Diplomacy. Experts emphasized that the collaboration between Data Science and Foreign Policy will soon become the basis of Global Politics. Data diplomacy includes the development and integration of Artificial Intelli-

gence (AI), Big Data analytics and other technological innovations to design its influence on foreign audiences, block objectionable information on the Internet and solve other foreign policy problems. This article provides a comprehensive analysis of U.S. Data Diplomacy. We reveal political and scientific discourses about goals and opportunities of Data Diplomacy, give a brief description of the Data-diplomats who are already being educated by leading American universities, and identify methods, projects and prospects for the development of Data Diplomacy using the example of its Russian direction. The further development of Data Diplomacy has stated as a constantly evolving analytical track of foreign policy, capable of controlling the effectiveness of U.S. Digital Diplomacy and restraining the information influence of opponent countries.

Keywords. USA, data diplomacy, big data, digital diplomacy, public diplomacy, international broadcasting channels, propaganda

For citation: Kuznetsov N.M. U.S. Diplomacy in the Big Data Era: New Goals and Opportunities. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (3):98-111.

DOI: 10.31857/S2686673022030063

ВВЕДЕНИЕ

Воздействие искусственного интеллекта (ИИ) на экономику, национальную безопасность и внешнеполитическую мощь государств изменило образ цифровой дипломатии как «дипломатии социальных сетей». Интеграция новых технологий в международные отношения эксперты называют стратегическим активом, который увеличивает эффективность внешней политики и приводит к реформированию дипломатии в глобальном масштабе [Collins N., Bekenova K. 2019:3; Bargaonu A., Cheregi B.F. 2021:122].

Важный этап цифровизации международных отношений произошёл в 2020 г., когда мир охватила пандемия COVID-19, и интернет-платформы стали единственной возможностью для внешнеполитического влияния государств [Sharma A., Sisodia V. 2021]. Именно «онлайн» проходили двусторонние встречи мировых лидеров, саммиты Группа семи (G7) и Группа двадцати (G20), климатический форум и многие другие международные события. Новые реалии доказали влияние цифровизации не только на деятельность, направленную на публичную дипломатию, но и на глобальную дипломатическую деятельность, которая все больше приобретает количественное измерение и может быть подвергнута статистической обработке. Вопросы кибербезопасности и киберсдерживания, цифровые информационные кампании и использование искусственного интеллекта стали неотъемлемой частью мировой политики [Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. 2020: 40].

Предпринимаемые Соединёнными Штатами Америки попытки использовать ИИ в практике дипломатической службы, прогнозировать эффективность своего влияния в киберпространстве, использовать методы обработки непрерывно увеличивающихся объемов информации об интернет-активности пользователей социальных сетей (*big data*), а также проводить мониторинг информационной деятельности стран-оппонентов (в первую очередь – России, Китая и

Ирана) дало начало дискурса о новом направлении американской внешней политики – дипломатии данных (*data diplomacy*). На протяжении последнего десятилетия происходило поэтапное формирование данного механизма. Реализация дипломатии данных начиналась с аналитической деятельности сотрудников контртеррористического отдела Госдепартамента США и эволюционировала до межведомственной работы всего американского правительства [1].

Цель статьи – выявить основные направления политического и академического дискурсов о дипломатии данных США. Эмпирическую часть исследования составит анализ направлений дипломатии данных в информационном влиянии США на постсоветском пространстве. В качестве методов исследования были использованы документальный и дискурсивный анализы, а также количественные и качественный методы обработки интернет-ресурсов.

ОТ ДИПЛОМАТИИ К ДИПЛОМАТИИ ДАННЫХ?

Академический дискурс о дипломатии данных как самостоятельном направлении внешней политики государства зародился в США в 2014–2015 гг. «Большие данные» характеризовались как неопределимый ресурс современной публичной дипломатии, а концепт дипломатии данных – коллаборацией науки о данных, социологии и межгосударственных отношений [Dye T. 2015:19].

Одной из проблем международных дискуссий о дипломатии данных является отсутствие единого понятийного аппарата. Так, некоторые авторы пишут о «диджитализации» публичной дипломатии и применении машинных методов для её изучения, не разделяя цифровую дипломатию и дипломатию данных на самостоятельные сферы [Sytnik A. 2019:190]. Другие эксперты уверены, что цифровая дипломатия и дипломатия данных – это эволюционные этапы в развитии публичной дипломатии, связанные с ней, но имеющие ряд характеристик, позволяющих рассматривать их с точки зрения самостоятельных феноменов [Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. 2020:29]. Аналитика данных используется в исследованиях о концепции «острой силы» (*sharp power*), в которых авторы пытаются выявить информационную активность интернет-троллей и ботов зарубежных стран [Hanouna S., Neu O., Pardo S., Tsur O., Zahavi H. 2019: 99]. В иных работах авторы пишут о дипломатии данных в рамках таких терминов, как «научная дипломатия», «кибер-дипломатия», «публичная цифровая дипломатия», «дипломатия искусственного интеллекта» и т.д. [Spry D. 2018:63; Wernli D., Chopard B., Levrat N. 2021:42]. Это подчёркивает наличие разных подходов к осмыслению феномена дипломатии данных на современном этапе. Похожие аналогии можно найти в академическом дискурсе 2008–2018 гг., когда некоторые авторы ставили знак равенства между понятиями «мягкая сила» и публичная дипломатия. Однако появление новых концепций и стратегий внешнеполитического влияния («умной силы» и «острой силы», стратегической коммуникации и т.д.) сделали дальнейшее приравнивание данных понятий невозможными.

Наше исследование показывает, что дипломатия данных США на практике демонстрирует обособленное направление внешней политики, связанное с анализом цифровых данных о зарубежных интернет-пользователях ради повышения эффективности проектов внешнеполитической пропаганды, борьбы с информационным доминированием стран-оппонентов и реализации иных задач дипломатической и консульской службы. Дата-дипломатия играет важную аналитическую функцию, позволяющую США выявлять наиболее сильные и слабые места своей публичной / цифровой дипломатии, а также осознавать все масштабы информационного воздействия оппонентов. В связи с этим дипломатия данных США не может быть приравнена к публичной дипломатии ввиду разных целей, задач и методологии. Публичная дипломатия (или, согласно официальным документам США, стратегическая коммуникация) является эвфемизмом для обозначения пропаганды [Cull N. 2008:150], в то время как дипломатия данных – это деятельность государства – адресата пропаганды по работе с её реализацией и оценкой эффективности.

Развитие официально именуемой в США дипломатии, основанной на данных (*data-informed diplomacy*), началось после того, как американский политический истеблишмент осознал исчезновение единоличной монополии своей страны над информационным доминированием в мире [2]. Причиной этому стала масштабная информационная деятельность американских стратегических оппонентов, в частности Ирана, Китая и России. В 2021 г. США выпустили «Ведомственную стратегию по данным» (*Enterprise Data Strategy*), закрепляющую дипломатию данных как самостоятельное направление внешней политики [3]. Документ характеризует аналитику данных новым инструментом американской дипломатической практики. Акцент на развитие компетенций предполагает, что работа с данными будет внедрена в деятельность самых разных подразделений внешнеполитического механизма США. Понимание культуры данных (*data culture*), задачи по повышению грамотности в области использования больших данных, наём ИТ-специалистов, стратегическое сдерживание информационно-аналитической деятельности оппонентов, снабжение американских дата-дипломатов новейшими технологиями по обработке цифровой информации – все это новые тенденции американской внешней политики.

Межведомственная работа в области дипломатии данных реализуется в рамках системы координации и регулирования. К 2021 г. Центр стратегических антитеррористических коммуникаций, небольшой отдел, созданный ещё президентом Бараком Обамой для продвижения антитеррористического пропагандистского нарратива в социальных сетях, стал основным институтом американской дата-дипломатии под названием Центр глобального взаимодействия (*Global Engagement Center*). Функции центра включают в себя внедрение новых технологий во внешнеполитическую деятельность США, исследование цифровых данных интернет-пользователей из числа зарубежных стран, а также работу с исходящей из Китая, России и других стран информацией. Благодаря сторонникам развития публичной дипломатии в американском Конгрессе, центр стал полу-

чать по-настоящему щедрое финансирование – 130 млн долл. ежегодно. Специалисты межведомственной Комиссии США по публичной дипломатии даже рекомендуют реформировать Центр глобального взаимодействия в самостоятельное бюро [4]. Другим важным отделом Госдепартамента по развитию дипломатии данных стал созданный в 2020 г. Центр аналитики (*Center for Analytics*), специалисты которого разрабатывают программы по обучению более 75 тыс. американских дипломатов навыкам обработки больших данных для решения государственных задач [5]. Институты «мягкой силы» и общественные организации – Фонд открытых технологий (*Open Technology Fund*) и Независимый фонд общественных СМИ (*International Fund for Public Interest Media*) в последние годы сфокусированы на исследованиях цифровых данных в зарубежных странах [McFaul M. 2021]. Кроме того, каналы зарубежного вещания (*international broadcasting channels*), образовательные и культурные проекты должны использовать аналитику больших данных для наибольшего воздействия на зарубежную аудиторию.

Таким образом, несмотря на различия в дискурсах о дипломатии данных в современном научном сообществе, наблюдается единая позиция экспертов по вопросу новых методологических и теоретических форм внешнеполитического влияния государства в связи с ролью ИИ и новых технологий. На практике, США уже активно используют данные тенденции для реализации своих внешнеполитических целей.

ДИПЛОМАТИЯ ДАННЫХ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В США

В настоящее время изучение науки о данных стало неотъемлемой частью подготовки студентов-гуманитариев в США. Нами были изучены программы высшего образования пяти наиболее престижных университетов Соединённых Штатов по версии Центра мирового рейтинга университетов (*The Center for World University Rankings*, а именно: Гарвардского университета, Массачусетского технологического института, Стэнфордского, Колумбийского и Принстонского университетов [6]. Анализ демонстрирует, что в 2018–2019 гг. наука о данных и специализированные дисциплины в области методологии изучения больших данных студентами-гуманитариями стали важной частью высшего образования в Соединённых Штатах.

В этой области лидирует Гарвардский университет. Обучение политической науке, государственному управлению, международному праву и регионоведению (африканистике, востоковедению, европейским и славянским исследованиям) ведётся на трёх факультетах университета: факультета искусств и наук, Школы права и Школы управления им. Дж. Кеннеди. Специализированные курсы по работе с большими данными и новыми медиа в сфере политики предлагаются именно специалистами Школы управления.

Факультет предоставляет сразу 14 курсов, напрямую связанных с изучением больших данных во внутренней и внешней политике. Среди программ, пред-

ставленных бакалаврам, магистрантам и аспирантам факультета, есть «Наука о данных в политике», «Программирование и данные в процессе принятия политических решений», «Кибербезопасность» и т.д. Ещё ряд курсов – «Технические проблемы публичной политики», «Политический анализ и коммуникации» и т.д. затрагивают проблемы цифровизации, концепции «сил» и политической коммуникации в интернет-сети. Дебора Халлетт, автор курса «Политика: о чём нам говорят данные?» утверждает, что большие данные и ИИ уже изменили современную политику и даже базовые знания в области математического анализа помогают принимать государственные решения на основе данных. Доктор Халлетт утверждает, что анализ данных позволяет «вести таргетинг избирателей, делать прогнозы результатов выборов и понять важные политические решения, принимаемые государственными чиновниками», как раз то, что необходимо знать молодому дипломату и политологу [Hallett D., 2020]. Интересно обратить внимание на исследовательский проект Школы им. Дж. Кеннеди «Будущее дипломатии» (*Future of Diplomacy*), который направлен на интеграцию факультета в реальный процесс принятия политических решений в стране и подготовку специалистов для американской внешнеполитической деятельности [7]. В 2020 г. руководитель центра Кэтрин Эшбрук опубликовала статью «От цифровой дипломатии к дипломатии данных», в которой обозначила цели и задачи американской дипломатии данных. Так, в качестве главных вызовов безопасности США и Европейского Союза, политолог выделяет «растущую кибермощь» Москвы и «цифровой колониализм» Пекина. Для того чтобы справиться с данными угрозами, она предлагает всему западному сообществу совместные шаги по развитию дипломатии данных. В первую очередь, речь идёт о создании общегосударственной архитектуры коллекционирования больших данных и межведомственного обмена ими. Во-вторых, говорится о сотрудничестве высших учебных заведений Европы и США для подготовки дата-специалистов, а также о проведении активной политики привлечения лучших умов в области ИИ на «свою» сторону для противодействия цифровой дипломатии оппонентов. «В эпоху цифровых технологий необходима новая культура техноталантливых людей для государственной службы», – констатирует автор [Ashbrock C., 2020].

Интерес академического сообщества к изучению больших данных в гуманитарном образовании обоснован реалиями современной глобальной политики США, закреплённой в американской стратегии по данным. Центр карьеры Госдепартамента находится в постоянном поиске новых сотрудников из числа молодых политологов и IT-специалистов, владеющих навыками работы с цифровыми данными, а это указано в перечне необходимых компетенций будущих американских дипломатов [8].

«РУССКИЙ МИР» И ДИПЛОМАТИЯ ДАННЫХ США

Как полагают эксперты, президент Джозеф Байден остановит стагнацию в развитии стратегических коммуникаций США, наступившую при его предше-

ственнике Дональде Трампе [Rugh, Shapiro, 2020]. Об этом говорят такие факторы, как подготовка «Ведомственной стратегии по данным», обозначение внешнеполитических приоритетов США в одном из своих первых официальных выступлений, отсутствие кадровых проблем в системе управления публичной дипломатией, привлечение известных специалистов по коммуникациям на распределение 1,5 млрд долл. для финансирования программ внешнеполитического влияния и обсуждение проблем киберпространства в повестку дня российско-американских отношений. Внесение Россией и США совместной резолюции об ответственном поведении государств в киберпространстве на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН и вовсе может считаться прорывным шагом, о котором мечтают «ангикитайски» настроенные американские политологи, заявляющие о необходимости совместного противостояния Вашингтона и Москвы против Пекина [Kurchan 2021]. Несмотря на тот факт, что именно Китай является приоритетным направлением американской дипломатии данных, Россия продолжает занимать особое место во внешней политике США [Yujun 2019: 423]. Активное участие Москвы в мировых процессах, ее эффективная публичная дипломатия, лидерство по контролю и распространению русскоязычной информации в мире и цифровые кампании в интернет-сети заставляют США предпринимать всевозможные меры для ответного противостояния [9].

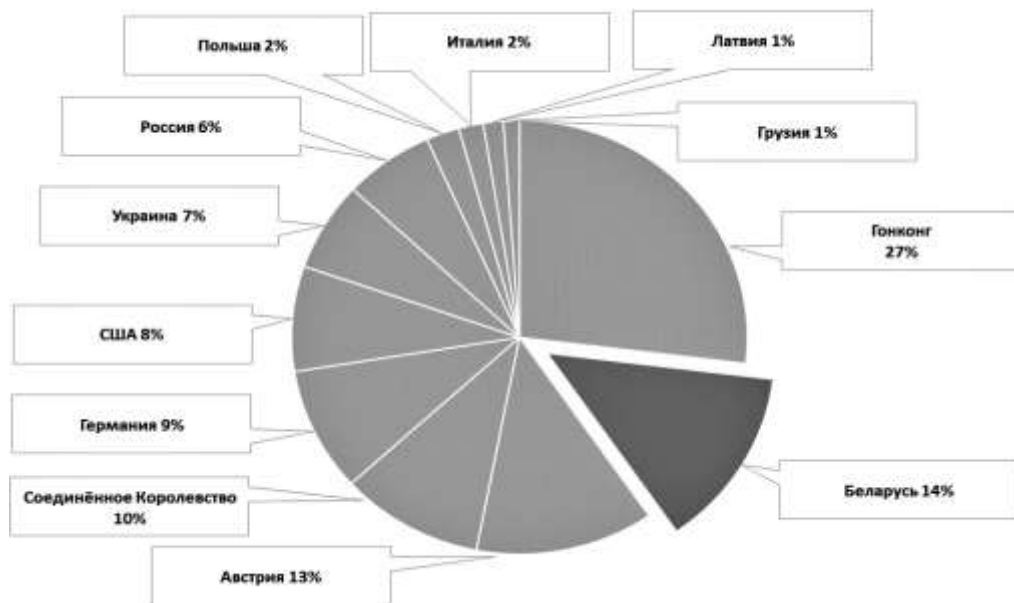
Мониторинг социальных сетей, взаимодействие с ключевыми блогерами и журналистами, формирование стратегий цифровой дипломатии и проектирование информационных кампаний в социальных медиа стали главным треком политики США в отношении аудитории Восточной Европы, Балканских стран и постсоветского региона и обозначены в качестве основных инструментов сдерживания России [10]. Развитие методов обработки больших данных является императивом дипломатии данных. Аналитика позволяет выявить расстановку политических сил в социальных сетях, целевую аудиторию информационного месседжа, лидеров мнений и т.д. [Jacobson, Hone, Kurbalija, 2018: 20]. Например, аналитика позволяет установить влияние цифровой дипломатии США на развитие политического кризиса в Республике Беларусь. Дж. Байден поддержал массовые протесты белорусов, требующих уйти в отставку победившего на президентских выборах Александра Лукашенко, и даже провёл встречу с лидером оппозиции Светланой Тихановской. Однако массовая информационная кампания США и стран Евросоюза против белорусского режима не достигла значительных результатов. Проведённый нами количественный анализ постов с хэштегом *#StandwithBelarus* на платформе *Twitter* (110 148 уникальных твитов с 21 января (день инаугурации Дж. Байдена) по 27 марта 2021 г. (день массовых акций протеста) демонстрирует, что 86% публикаций было сделано пользователями, находящимися не на территории Белоруссии (всего 14%), а в США (8%), на Украине (7%), в Евросоюзе (38%) и других странах. Ещё одним интересным фактом стала феноменальная активность интернет-аккаунтов, территориально находящихся в Гонконге (целых 27% публикаций), что, несомненно, требует дополнительного анализа в контексте популяризации западной концепции

«острой силы» [Nye 2018]. При этом активность стран Прибалтики, которых обвиняли в прямом вмешательстве в кризис, насчитывала лишь 1% (около 1 тыс.) публикаций со стороны латвийских интернет-пользователей (см. рис. 1).

Рисунок 1

Территориальное распределение публикаций (в процентном эквиваленте) с хэштегом #StandwithBelarus, январь-март 2021 г.

Составлено автором на основе проведённого анализа

Стоит подчеркнуть, что продвигаемый оппозицией и западными странами хэштег #StandwithBelarus стал негласным лозунгом белорусского протеста в интернет-сети. Общий охват информационной кампании только за анализируемый период достиг 800 млн пользователей. Данные результаты ещё раз доказывают тот факт, что анализ данных способен дать чёткое представление о цифровой дипломатии и информационном влиянии государств в интернет-сети.

При этом борьба США с российским влиянием невозможна без двух важных компонентов: эффективной пропаганды и чёткого понимания каналов и методов информационного воздействия Москвы. Анализ публичной дипломатии России выполняет специальная команда Центра глобального взаимодействия (GEC Russia Team), в 2020 г. выпустившая аналитический отчёт о стратегических коммуникациях и «пагубном влиянии» (*malign influence*) России [11]. Распространением пропаганды, по большей части, занимается Агентство США по глобальным медиа (*U.S. Agency for Global Media*) – ведомство, отвечающее за каналы международного вещания США. Барак Обама реформировал агентство и упразднил двухпартийный совет его управления, передав возможность выбирать главу ве-

ние проамериканской информации может стать задачей поисковых алгоритмов крупнейших мировых поисковых систем, к чему активно призывают американские эксперты, наиболее приближенные к Белому дому. Так, экс-посол США в России (а ныне неофициальный советник Дж. Байдена) Майкл Макфол считает, что поисковые алгоритмы должны буквально «заглушать» информацию, исходящую из российских СМИ, заменяя её на аналогичные новости от западных изданий [13].

Наконец, по рекомендациям экспертов новые технологии вводятся в деятельность институтов «мягкой силы» США [Dobriansky 2021]. Американские культурные центры, функционирующие при посольствах США в 150 странах мира, стали задействовать новые медиа для создания и продвижения уникального для каждой площадки контента (короткометражные фильмы, онлайн-курсы, трансляции, вебинары и т.д.). Например, Американский центр в Москве, помимо официального сайта, имеет собственные аккаунты в социальных сетях «Фейсбук» (*Facebook*), «ВКонтакте», «Инстаграм» (*Instagram*) и видеохостинге «Ютуб» (*YouTube*). Американские уголки в казахских городах (в Нур-Султане, Алматы, Актобе, Караганде, Костанайе, Павлодаре, Петропавловске, Уральске, Усть-Каменогорске, Шымкенте) имеют индивидуальные страницы в социальной сети «Фейсбук» для анонсов предстоящих мероприятий, публикации видеозаписей и фотоотчётов. Кроме того, американские центры в Казахстане создали собственную онлайн-библиотеку с хранилищами аудио- и видеоматериалов о культуре и государственном устройстве США. В августе 2020 г. стало известно, что Госдепартамент США планирует выделить 30 грантов размером до 50 тыс. долл. на дальнейшее развитие своих «уголков» в Казахстане [14]. Стоит отметить, что американские культурные центры работают на всём евразийском пространстве: в Киргизии функционируют семь «уголков», в Армении – пять, в Узбекистане – Американский культурный центр в Ташкенте и «Окно в Америку» при Национальной Библиотеке Узбекистана им. А. Навои и т.д. Создание облачных хранилищ для обмена данными между гостями американских центров, подготовка онлайн-курсов по политологии и многие другие технологические новшества могут стать новыми направлениями американских институтов «мягкой силы».

Несмотря на то, что основной упор публичной и дата-дипломатии США последних лет сфокусирован на противостоянии информационному влиянию Китая, постсоветское пространство остаётся важным направлением американской внешней политики. Наблюдается небывалый прирост потребителей американского информационного контента на просторах Евразии. В 2021 г. суммарное число подписчиков всех русскоязычных проектов международного вещания США в социальных сетях впервые достигло 10 млн. При этом российская аудитория международного вещания США стала оцениваться американскими экспертами в 8 млн человек (около 6% населения страны), что в разы превышает показатели 2013–2014 гг., когда только 0,1–0,3% россиян были подвержены американскому информационному влиянию [15]. Следствием таких показателей

стала цифровизация американской информации, аналитика «больших данных» для создания эффективного контента и задействование новых технологий для её распространения.

При этом эксперты призывают Дж. Байдена провести не просто реформы, а «радикальную революцию» в области стратегических коммуникаций США. «Культурный сдвиг» в работе Госдепартамента, суть которого заключается в том, чтобы уделять основное внимание общению с зарубежной аудиторией, а не «писать дежурные телеграммы», создавать чёткий идеологический месседж, увеличивать финансирование американских каналов инновационного вещания и отделять их от Агентства по глобальным медиа, обеспечивать грантовую поддержку и развивать Фонд открытых технологий, журналистские профсоюзы и другие институты «мягкой силы». Все эти изменения призваны создать фундамент внешней политики США. Фактически, эксперты призывают администрацию Дж. Байдена не просто усилить публичную дипломатию США, а изменить постулаты реализации традиционной американской дипломатии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровая революция коренным образом изменила внешнюю политику мировых государств. Новаторство США в этой сфере подвергается сомнениям экспертного сообщества, призывающего Белый дом вести ещё более активную политику по данному направлению. Речь идёт о полноценной интеграции больших данных во внешнеполитический механизм, о развитии фондов изучения интернет-пользователей мировых государств и акценте на «цифровом общении» с зарубежной аудиторией как на главной задаче американского дипломата.

Внедрение технологий в дипломатию США стало основой для создания нового механизма регулирования и воспроизведения внешнеполитического влияния – дипломатии данных. Аналитика больших данных о зарубежной аудитории, развитие искусственного интеллекта, задействование интернет-троллей и чат-ботов, подготовка «дата-дипломатов» и коалиционные программы кибербезопасности со всем западным сообществом – новая тенденция американской внешней политики. Уже сейчас подобные нововведения помогают США достигать значительных результатов. Американские специалисты успешно работают в сфере развития искусственного интеллекта как для анализа зарубежной аудитории ради собственных проектов публичной дипломатии, так и для информационного противоборства с публичной дипломатией Китая, России и других конкурирующих стран.

Наш анализ демонстрирует, что дипломатия данных может считаться не просто новым направлением внешней политики, а сложным процессом «дата-фикации» всей американской дипломатии. Коллаборация новых технологий, аналитики цифровых данных, киберстратегий и дипломатической службы является главными доказательствами данного явления. Поэтому стоит отметить

необходимость дальнейшего изучения дипломатии данных, её методов, проектов и роли во внешней политике США.

ИСТОЧНИКИ

1. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 2019 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. Available at: <https://www.state.gov/2019-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting/> (accessed: 18.10.2021).
2. U.S. Department of State. Can Public Diplomacy Survive the Internet? Available at: <https://www.state.gov/documents/organization/271028.pdf> (accessed: 18.10.2021).
3. U.S. Strategy on Data Informed Diplomacy. Enterprise Data Strategy Empowering Data Informed Diplomacy. 2021. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/09/Reference-EDS-Accessible.pdf> (accessed: 18.10.2021).
4. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 2020 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/02/ACPD_2020Report_FINAL_DIGITAL_508.pdf (accessed: 18.10.2021).
5. U.S. Department of State. Office of Management Strategy and Solutions. Available at: <https://www.state.gov/about-us-office-of-management-strategy-and-solutions/> (accessed: 18.10.2021).
6. List by the Center for World University Rankings. Available at: <https://cwur.org/2021-22.php> (accessed: 18.10.2021).
7. Future of Diplomacy Project. Available at: <https://www.belfercenter.org/project/future-diplomacy-project> (accessed: 18.10.2021).
8. U.S. Department of State. Careers Representing America. Global Engagement Center. Available at: <https://careers.state.gov/dosoffice/global-engagement-center-gec/> (accessed: 18.10.2021).
9. U.S. Congress Inspection of U.S. International Broadcasting to Russia. Available at: <https://oig.state.gov/system/files/217908.pdf> (accessed: 18.10.2021).
10. U.S. Law Countering America's Adversaries through Sanctions Act. 2017. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-115hr3364enr/html/BILLS-115hr3364enr.htm> (accessed: 18.10.2021).
11. U.S. Global Engagement Center Special Report. 2020. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/08/Pillars-of-Russia's-Disinformation-and-Propaganda-Ecosystem_08-04-20.pdf (accessed: 18.10.2021).
12. USAGM Head Resigns Following Biden Request. Available at: https://www.voanews.com/a/usa_usagm-head-resigns-following-biden-request/6201004.html (accessed: 18.10.2021).
13. McFaul M. Opinion: The Biden administration needs to up its game on public diplomacy. Available at:

<https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/10/11/biden-administration-needs-up-its-game-public-diplomacy> (accessed: 18.10.2021).

14. U.S. Embassy in Kazakhstan. Finding opportunities of American corners. 2020. Available at: <https://kz.usembassy.gov/ru/notice-of-funding-opportunity-strategic-programming-at-american-corners-in-kazakhstan-ru/> (accessed: 18.10.2021).

15. U.S. House Committee on Appropriations. Statement by the Director of the U.S. Agency for Global Media. 2019. Available at: <https://appropriations.house.gov/events/hearings/united-states-efforts-to-counter-russian-disinformation-and-malign-influence> (accessed: 18.10.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2020. № 4. С. 27-44. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44

REFERENCES

Ashbrock C.K. From Digital Diplomacy to Data Diplomacy. Harvard Kennedy School. Belfer Center. Available at: <https://www.belfercenter.org/publication/digital-diplomacy-data-diplomacy> (accessed: 18.10.2021).

Bargaoanu A., Cheregi B.F. Artificial Intelligence: The New Tool for Cyber Diplomacy. Artificial Intelligence and Digital Diplomacy. Roumate F. (eds). Springer. 2021. P. 115-130. DOI: 10.1007/978-3-030-68647-5_9

Collins N., Bekenova K. Digital diplomacy: success in your fingers. *Place branding and public diplomacy*. 2019. No. 15. P.1-11. DOI: 10.1057/s41254-017-0087-1

Cull N. 2008. Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Snow N., Taylor P.M., eds. New York: Routledge. 404 p.

Dobriansky P. J. The soft but unmatched power of US foreign exchange programs. *The Hill*. 2021. Available at: <https://thehill.com/opinion/international/540262-the-soft-but-unmatched-power-of-us-foreign-exchange-programs> (accessed: 18.10.2021).

Dye T. Data Diplomacy. American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference. Wash., D.C.: AAAS. 2015. P. 19-20.

Hanouna S., Neu O., Pardo S., Tsur O., Zahavi H. Sharp power in social media: Patterns from datasets across electoral campaigns. *Australian and New Zealand Journal of European Studies*. 2019. No. 3. P.97-113.

Hallett, D.H. Politics and Policies: What Can Data Tell Us? Harvard University. 2020. Available at: <https://www.hks.harvard.edu/courses/politics-and-policies-what-can-data-tell-us> (accessed: 18.10.2021).

Jacobson B., Hone C., Kurbalija J. Data Diplomacy. Updating Diplomacy to the Big Data Era. Geneva: Diplo Foundation. 2018. 70 p.

Kupchan Ch. A. The Right Way to Split China and Russia. *Foreign Affairs*. 2021. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-04/right-way-split-china-and-russia> (accessed: 18.10.2021).

McFaul M. How to Contain Putin's Russia? *Foreign Affairs*. 2021. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2021-01-19/how-contain-putins-russia> (accessed: 18.10.2021).

Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power. *Foreign Affairs*. 2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed: 18.10.2021).

Rugh W., Shapiro Z. Restoring U.S. Public Diplomacy. USC Center on Public Diplomacy. 2020. Available at: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/restoring-us-public-diplomacy> (accessed: 18.10.2021).

Sharma A., Sisodia V. Digital diplomacy and the global pandemic. *Media Asia*. 2021. DOI: 10.1080/01296612.2021.1973324.

Spry D. Facebook diplomacy: a data-driven, user-focused approach to Facebook use by diplomatic missions. *Media International Australia*. 2018. No. 1. P.62-80. DOI: 10.1177%2F1329878X18783029.

Sytnik A. Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the Example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis. *Communications in Computer and Information Science*. 2019. Vol. 1038. P. 187-196. DOI: 10.1007/978-3-030-37858-5_15.

Tsvetkova N.A. Dealing with a resurgent Russia: Engagement and deterrence in US international broadcasting, 2013–2019. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2020. No. 4. P.435-449. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2019.403.

Tsvetkova N.A., Kuznetsov N.M. Phenomenon of Data Diplomacy in World Politics // *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*. 2020. No. 4. P. 27–44. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44.

Wernli D., Chopard B., Levrat N. When Computational Power Meets Diplomacy: Training a New Generation of Scientists in Diplomacy and Diplomats in Science. *VSH-Bulletin*. 2021. No. 2. P.42-45.

Yujun F. The US – Russia relations since Trump took office and China's policy choices. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2019. No. 4. P.422–434. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2019.402

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КУЗНЕЦОВ Никита Максимович, аспирант кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3
Nikita M. KUZNETSOV, Ph.D. Student, Department of American Studies, St. Petersburg State University. Russian Federation 191060, St. Petersburg, st. Smolny, 1/3.

Статья поступила в редакцию / Received 8.12.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 22.12.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 23 12.2021.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022030075, EDN: WTJZCZ

Идеологизация внешнеполитического дискурса Конгресса США по Китаю при Д. Трампе

В.О. Козлов

Институт США и Канады РАН (ИСКРАН)

121069, Москва, Хлебный переулок, 2/3.

НИУ «Высшая школа экономики»

115035, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

ORCID: 0000-0002-6874-3965 e-mail: kozlov-vadm@yandex.ru

А. Баяк

НИУ «Высшая школа экономики»

115035, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

ORCID: 0000-0003-4043-253X e-mail: abajak@hse.ru

Резюме: Политический дискурс является неотъемлемой частью общественно-политических отношений, формирует и определяет сложную языковую единицу, знаний и действий. Яростная антикитайская риторика Трампа явно сместила границы репрезентации Китая во внешнеполитическом дискурсе США. Тем не менее, причинно-следственная связь между влиянием Трампа и репрезентацией Китая находится за рамками данного исследования, поскольку существует множество других факторов. В статье основное внимание уделяется тому, как произошли те изменения в дискурсе Конгресса, вслед за которыми было принято множество законов и как была институционализована особая антагонистическая политическая позиция в отношении Китая. Свидетельством этого является то, что, вопреки многим прогнозам, внешнеполитическая повестка Байдена на 2021–2022 гг. находится в этих рамках. Количественный контент-анализ выявил основные координационные центры и ключевые ценностные концепции изменений в представлениях о Китае в Конгрессе. Анализ указал, что ключевая тенденция заключается в идеологизации дискурса Конгресса в отношении Китая. Несмотря на то что Пекин уже подвергался критике Конгресса как нецивилизованный актер международных отношений, эта критика теперь основана на бинарном антагонизме, как во время холодной войны. Китай выступает главной угрозой «свободного мира». Делается вывод о том, что формирующаяся идеологическая структура реконструирует смысл соперничества между США и Китаем в манихейских терминах противоположных ценностей и игры с нулевой суммой. Это противостояние имеет беспрецедентный характер.

Ключевые слова: США, Китай, права человека, дискурс-анализ, внешняя политика США

Для цитирования: Козлов В.О., Баяк А. Идеологизация внешнеполитического дискурса Конгресса США по Китаю при Д. Трампе. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2022; 52 (3):112-126. DOI: 10.31857/S2686673022030075

Ideologization of US Congress Foreign Policy Discourse on China under Trump

V.O. Kozlov

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation;

National Research University "Higher School of Economics" (HSE University),

17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 115035, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-6874-3965 e-mail: kozlov-vadm@yandex.ru

A. Bajak

National Research University "Higher School of Economics" (HSE University),

17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 115035, Russian Federation. ORCID:

ORCID: 0000-0003-4043-253X e-mail: abajak@hse.ru

Abstract: Political discourse is an integral part of socio-political relations, forms and defines a complex linguistic unit, knowledge and actions. Trump's vehement anti-China rhetoric manifestly shifted the limits of China's representation in US foreign policy discourse in general. However, the causal relationship between Trump's agency and China's representations is not investigated since there are a multitude of factors at play. Rather, in present study the focus is on how those changes in the Congressional discourse occurred that bred multiple legislations and, as it is argued later, institutionalized a particular antagonistic policy stance towards China. A testimony of this is that, contrary to many projections, Biden's 2021-22 foreign policy agenda follows this discursive framework. The quantitative content analysis identified the main focal points and the pivotal value-laden concepts of the discursive change in Congressional representations of China. The analysis further pointed out that the key tendency is the ideologization of Congressional discourse on China. Although China was criticized in Congress during former administrations as an unfair or uncivilized player or actor, now this criticism manifests in antagonistic Cold war binaries, with the centrality of 'freedom' and Communist China being the main threat to it. The analysis concludes that the emerging ideological framework reconstruct the meaning of the competition between the US and China in Manichean terms of anti-thetical values and zero-sum game, which has unprecedented since the end of Cold war.

Key words: United States, China, human rights, discourse, foreign policy

For citation: Kozlov V.O., Bajak A. Ideologization of US Congress Foreign Policy Discourse on China under Trump. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2022; 52 (3): 112-126. DOI: 10.31857/S2686673022030075

ВВЕДЕНИЕ

Исторически Конгресс занимает жёсткую позицию по отношению к Китаю, однако его роль была второстепенной по сравнению с президентской администрацией. Такое положение изменилось при Дональде Трампе. Новый радикальный антикитайский вектор внешней политики получил поддержку обеих партий. Антикитайская риторика Трампа совпадала с настроениями Конгресса. Наиболее заметной темой стали «права человека». Период администрации

Трампа стал переломным в восприятии Китая в американских дискурсах. Причина заключалась не только во внутривнутриполитических процессах в США, но и в значительном усилении Китая, пошатнувшего американское экономическое и политическое лидерство в мире. Это вызвало необходимость создавать дипломатические рычаги давления на Китай при помощи политических дискурсов, формируемых Конгрессом США. Перед США возникла необходимость использовать свой образ стража либеральных ценностей и демократии и идеологизировать внешнеполитический подход в отношении Китая, противопоставив себя «неправильным» коммунистическим ценностям.

Проследить этот процесс можно при помощи рассмотрения дебатов в Конгрессе. Оно опирается на качественный контент-анализ, проведённый для определения наиболее частых вопросов в Конгрессе, связанных с Китаем. Количественный контент-анализ помог выявить изменения в номинациях и предикации, а это первый шаг следующего углублённого анализа дискурсивной практики. Исследование такой практики было разработано Р. Доти и Р. Милликеном и использовалось и совершенствовалось Л. Хансеном и другими на основе постструктуралистской теории дискурса [Doty, R., 1993., Hansen, L., 2006]. Количественный контент-анализ состоит из трёх основных этапов. Во-первых, предикатный анализ, который исследует, как субъекты номинируются, и изображаются, другими словами, какие качества им приписываются. Во-вторых, он рассматривает лежащие в основе предположения о субъектах/объектах, составляющие базовое знание, на основе которого строится их значение. Этот анализ имеет сходство с археологическим методом М.Фуко, который помогает раскопать «покорённые знания». Третий шаг заключается в деконструкции бинарных оппозиций и установлении иерархий в объектном пространстве дискурса [Foucault, M., 1972, 1996].

АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ И ПРЕДИКАТОВ КИТАЯ И США

Изучение наименований и предикатов играет важную роль в выявлении репрезентативной практики и её изменении с течением времени. По Конфуцию, «если имена не верны, то язык не соответствует истине вещей. Если язык не соответствует истине вещей, дела не могут быть доведены до успеха» [Confucius]. Эта цитата одного из отцов-основателей китайской цивилизации наиболее точно резюмирует в двух словах неотъемлемую часть головоломки, с которой сталкиваются США в отношении Китая в XXI веке. С самого начала возобновления дипломатических отношений между США и КНР правильное название Китая было одним из самых спорных вопросов в Конгрессе США. История присвоения Китаю определённого статуса и ярлыков показывает, что представления Вашингтона отражают и конституируют их политику в отношении Китая и имеют глубокие и далеко идущие последствия для двусторонних отношений. Изначально акцент был сделан на экономические, в частности на торговые взаимосвязи.

С одной стороны, президенты от Клинтона до Обамы, как правило, проводили благоприятный курс в отношении Китая, используя это в качестве рычага при заключении сделок и получении более широкого доступа к китайским рынкам и инвестициям. Сначала Китай был наделён «статусом нормальных торговых отношений» (НТО), а затем «статусом наиболее благоприятствуемой страны» (НФН), которые в конечном счёте были заменены «статусом постоянных нормальных торговых отношений» (ПНТО). Все эти статусы были центральными в отношениях с Китаем как экономическим партнёром. Поскольку экономический рост Китая продолжался в течение 1990-х годов, и Китай был принят во Всемирную торговую организацию (ВТО), Соединённые Штаты столкнулись с проблемой интеграции Пекина в либеральный международный порядок. В начале XXI века, чтобы застраховаться от рисков, связанных с подъёмом Китая, и сохранить при этом торговые отношения с ним, США разработали стратегию, основанную на слиянии политики сдерживания и вовлечения. В результате администрации Буша и Обамы назвали Китай «ответственным игроком» в международной системе, которую возглавляют США [1]. Это объяснялось тем, что растущие возможности Китая позволяют ему принимать участие в решении глобальных проблем, таких как война с терроризмом, изменение климата и т.д. Таким образом, руководители Белого дома ожидали, что Китай примет сценарий либеральных международных институтов и станет более демократической страной.

С другой стороны, Конгресс был менее оптимистичен и не испытывал иллюзий по поводу перехода Китая к демократии и либеральной экономике [Mearsheimer, J., 2018; Ikenberry, J., 2012]. Между Конгрессом и администрацией велись дебаты по двум основным направлениям. Первое было связано с возобновлением НФН – статуса Китая, связанным с его улучшениями в области прав человека. Лоббистские группы оказывали давление на президента, чтобы устранить ограничения прав человека в торговле с Китаем. Это рассматривалось как беспроигрышный вариант и для деловых кругов, и для президента. В дипломатии США в отношении Китая фактор прав человека был явным препятствием, поэтому, чем большее давление США оказывали на Китай по связанным с ними вопросам, тем менее благоприятные условия Китай предлагал американскому бизнесу [Foot, R., 2001]. В результате слияния интересов бизнеса и интересов администрации Клинтон вынес статус НФН Китая за рамки поправки о правах человека 1996 года к закону «О торговле» 1974 года. Вторым спорным вопросом было навешивание на Китай ярлыка валютного манипулятора из-за девальвации китайской валюты и установления постоянного курса юаня. Хотя многочисленные законопроекты были приняты через Палату представителей и через Сенат, президенты в конечном счёте использовали своё вето, утверждая, что именование Китая валютным манипулятором только негативно повлияет на позицию США в переговорах с Китаем о более выгодных условиях торговли [Nymalm, N., 2013].

Изменения произошли во время президентства Дональда Трампа, который в ходе предвыборной кампании обещал вести торговую войну против Китая и называл его валютным манипулятором. Обещания Трампа санкций в отношении Китая соответствовали накопленному недовольству Конгресса США, связанными с несправедливыми торговыми практиками Пекина валютными манипуляциями, нарушениями международного права и обязательств по соглашениям, кражей интеллектуальной собственности и шпионажем.

Трамп, избранный на пост президента в 2016 г., стал маяком надежды для тех американцев и их союзников, которые желали, чтобы Пекин был должным образом наказан. И чтобы сделать это, Китай нужно было сначала правильно обозначить. Президентство Трампа оказалось действительно революционным, так как он смог вызвать резкие изменения, порвав с традиционными подходами к Китаю [Новиков, Д.П., 2018]. Трамп сменил гегемонистский дискурс о Пекине как экономическом партнёре на дискурс о главном стратегическом конкуренте. В дальнейшем анатомия данного сложившегося при Трампе антикитайского настроения в истеблишменте будет определять возможности для корректировки курса размежевания США и Китая при администрации Дж. Байдена [Бочарова, А.П., Козлов, В. О., 2021:8].

База документов для анализа включает в себя выделенные пассажи по Китаю из каждого выпуска Записей Конгресса в период с 01.01.2015 до 31.01.2020 и имеет общий объём в 525 160 слов [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Контент-анализ протоколов Конгресса показал растущее значение вопросов, связанных с Китаем. Частота упоминания одного только слова «Китай» удваивалось в течение трёх лет подряд, с 513 до 983 в 2016–2017 г., с 983 до 1634 в 2017–2018, с 1634 до 3098 в 2018–2019 г, причём 2015 и 2016 годы (871) близки друг к другу, а 2019 и 2020 годы (3 098) практически равны. Аналогичное увеличение задокументировано в течение тех же лет в использовании термина «китайский» с удвоением между 2016 и 2017 годами (со 127 до 276) и между 2017 и 2018 годами (с 267 до 508) соответственно. В обоих случаях мы видим четырёхкратное увеличение между 2015/2016 и 2019/2020 годами. Всплеск интересов Конгресса к вопросам Китая указывает на растущие последствия американско-китайских отношений на население страны. Если до 2017 г. со времён Р. Никсона формирование политики США в отношении Китая было исключительной прерогативой Белого дома, то теперь возросла роль Конгресса.

Наиболее примечательной тенденцией с начала президентской кампании Трампа является идеологизация дискурса о Китае. Значительно возросло число эпитетов «диктаторский», «тоталитарный», «авторитарный» и их производных по отношению к КНР. С 2015 г. употребление таких терминов, как «коммунистический Китай», «коммунистическое правительство Китая», «Коммунистическая партия Китая» увеличилось в 10–20 раз. Уменьшилось также первоначальное различие между Коммунистической партией и коммунистическим прави-

тельством, а между китайским правительством/коммунистическим правительством (Китай) и китайским народом оно увеличилось. Другими словами, происходит трансформация китайского правительства в коммунистическую партию. Часть этой трансформации определяется в использовании образа Си Цзиньпина в качестве главной фигуры Китая. Подчёркивается тоталитаризм Китая, основанный на партийном правлении и в упрощённом виде на правлении лидера КПК. Титул президента Си Цзиньпина либо перестаёт использоваться, либо трансформируется в титул генерального секретаря – «генеральный секретарь Си Цзиньпин», «генеральный секретарь Си», «генеральный секретарь Коммунистической партии».

Утверждение в американских дискурсах Китая как коммунистической страны, которая, кроме того, является главным соперником США, имеет первостепенное значение, поскольку это несёт глубокие последствия для характера и структуры американо-китайских отношений. С точки зрения политики, чёткое обозначение проблемы определяет политический курс, которому необходимо следовать для её решения. Превращение Китая в коммунистического Другого, будь то «Китайское коммунистическое правительство» или «Партия», не только усиливают разногласия между США и Китаем, но и углубляют укоренившуюся враждебность по отношению к коммунизму, присущую американскому послевоенному сознанию. Идеологизация в терминах бинарности: «США и свободный мир» против «коммунистического Китая» предвещает возвращение эпохи холодной войны.

В свою очередь, менталитет холодной войны является жизнеспособной и удобной бинарной структурой для США, чтобы интерпретировать предполагаемые внешние угрозы и проводить внешнюю политику соответствующим образом. Появление этих бинарных оппозиций холодной войны становится также более заметным в дискурсе о Китае. Эта тенденция соответствует точке зрения о том, что США ведут одностороннюю холодную войну, чтобы поддержать свой статус глобального лидера. Делая акцент на коммунистической угрозе, США пытаются компенсировать ухудшающийся имидж своей либеральной демократии как модели для подражания всему миру [Караганов, С.А., 2018]. «Свобода» и «права человека», которые в понимании США включают в себя фундаментальные гражданские и политические свободы и маргинализируют или даже полностью исключают социальные, экономические и культурные права, обсуждаются в Конгрессе во время дискуссий о Китае. Количество упоминаний о «свободе» с 2015 г. по 2019 г. выросло в 5 раз. Рамки холодной войны порождают манихейский дуализм во всём мире, предполагают его разделение на демократический свободный мир, который изображается либерально-капиталистическим, процветающим, современным и светлым по сравнению с тёмным коммунистическим режимом, который представлен как всё противоположное – авторитарное, тоталитарное, злое, аморальное, варварское, репрессивное. Китайская экономическая система считается извращённой, скомпрометированной версией капита-

лизма, чуждой «свободному и цивилизованному миру», то есть либеральным демократиям.

Аналогия с холодной войной заключается в том, чтобы представить американо-китайские отношения как соревнование за влияние на мир. Оно исторически состояло из идеологической, технологической и геополитической конкуренции. Наиболее важным отличием нынешнего американо-китайского соперничества является его экономическое измерение, а не военное по сравнению с гонкой вооружений с Советским Союзом. С момента зарождения дипломатических отношений между США и Китаем они были в первую очередь экономическими конкурентами. И, как показывает анализ, предыдущие администрации (Клинтона, Буша и Обамы) молчали об идеологических различиях и противоречиях демократической и либеральной системы ценностей и китайского социализма/коммунизма. Эти несоответствия были отложены в сторону, так как они могли стать препятствием расширению торгово-экономических отношений. Однако по мере того, как конкуренция становилась всё более геополитической, она в значительной степени идеологизировалась. Геополитическое соревнование отражается в росте употребления терминов, связанных с пространством и доминированием, контролем над пространством. Употребление слова «глобальный» увеличилось с 33 до 177, а «мировой» со 128 до 603. Что касается «доминирования», то в 2015, 2016, 2017 гг. оно упоминалось менее десяти раз. В 2019 и 2020 гг. число его упоминаний выросло до 45 и 46 раз соответственно. Важный аспект этого роста заключается в том, что речь идёт не о доминировании США, как это было до 2015 г. включительно, а о доминировании Китая.

Количественный контент-анализ показал, что Конгресс США представляет мир как место, где великие державы, например Китай, стремятся получить господство в результате геополитической борьбы. Соперничество включает в себя, прежде всего, технологическое и экономическое измерения. Конфликт представлен идеологически, что приводит к тому, что структурирование международного пространства приобретает более идеологизированный характер. Другими словами, «свобода» является чертой, которая разделяет мир на США и свободные, или, как иногда называют, «свободолюбивые страны» и Китай и его диктаторских, авторитарных друзей и стран, которые Китай эксплуатирует и потенциально поработщает. Репрезентативные практики, превращая Китай в коммунистического противника, являются основой нового идеологизированного внешнеполитического дискурса США о Китае.

ДИСКУРС-АНАЛИЗ ДЕБАТОВ КОНГРЕССА США ПО КИТАЮ 2015–2017 гг.

В следующем исследовании анализируется дискурс Конгресса с целью выявить, как Китай радикализировался в качестве коммунистического «другого» между 2015 и 2021 годами. Излагая анализ представлений о Китае как о комму-

нистическом государстве, следует отметить, что эпитет «коммунист» почти не использовался в 2015–2017 гг., особенно если рассматривать вопросы, связанные с внешней политикой. В 2015 г. Китай представлен как коммунистический в критике внутренней политики США, тогда как в отношении внешней политики это делается, в частности, при описании ситуации по правам человека.

Внутренняя критика использует термин «коммунистический Китай», чтобы усилить серьёзность проблем в политике США, указывающей на разрыв между реальностью и идентичностью США как лидера современного мира. США сравнивают с «коммунистическим авторитарным обществом в Китае», с «Китаем, авторитарной коммунистической страной», «коммунистической авторитарной страной» по социальным проблемам: «Как получилось, что эта великая нация имеет больше людей в тюрьме, чем любая другая страна, и гораздо больше, чем коммунистическое, авторитарное общество в Китае, стране, которая в 4 раза больше нашего размера?» [2]. Или, когда США «пренебрегают» американской промышленностью, это подразумевает, что они делают то, что не должны делать: «Мы импортируем песок и гравий прямо сейчас из Китая. Мы получаем нашу совокупность прямо сейчас от коммунистического Китая» [2]. Иногда Китай даже не выделяют, подчеркивая, что использование коммунистов является сдерживающим фактором для США, а не конкретно характеризует поведение Китая: «Коммунистические диктатуры, такие как Китай и Северная Корея. Только семь стран разрешают селективные аборты после 20 недель, включая коммунистические диктатуры, такие как Китай и Северная Корея, которые также навязывают принудительные аборты и стерилизацию своим людям» [3].

Когда дело доходит до внешнеполитической критики, возникают аргументы о том, что США недостаточно делают для соблюдения прав человека в мире и в Китае, в частности, и о том, что США ставят экономические выгоды выше своих ценностей. Зачастую в критике Китая партия или правительство отделены от страны и нации в целом. Утверждается, что неправильные поступки делаются «Китайским правительством и Коммунистической партией», «Коммунистической партией в Пекине» или «Коммунистическим правительством в Китае», «Китайскими диктаторами в Пекине» и «Коммунистическими китайцами» [3].

США обвиняются в бездействии, с точки зрения предоставления Китаю сфер влияния. «Почему мы действуем так глупо? Пакистанцы даже отдают свои ресурсы коммунистическому Китаю, порт Гвадар» и контроль над критически важными морскими путями: «Китай, конечно, является страной, управляемой коммунистами. Неизвестно, что Китай может сделать и что произойдёт с мировой экономикой, если Китай будет настаивать на контроле над морскими путями. Становится ли Китай похожим на старых берберийских пиратов, которые контролировали Средиземное море?» [2]. Коммунисты неявно считаются опасными, поэтому США не должны позволить Китаю расширить сферы своего влияния.

Что касается критиков внешней политики США, то наиболее важным является то, что Вашингтон закрывает глаза на бесчеловечное обращение коммунистического Китая с политическими или демократическими активистами, этническими и религиозными меньшинствами. Правительство Китая и Коммунистическая партия связаны с геноцидом в отношении тибетцев: «На родине Далай-ламы более 140 тибетцев сожгли себя в знак протеста против угнетения со стороны китайского правительства и яростной кампании Коммунистической партии Китая против изгнанных тибетских верующих; тем не менее, народ Тибета упорствует. Они упорствуют мирно» [2]. Характерно создание дихотомии жестоких коммунистов и мирных свободолюбивых меньшинств.

Накануне выборов в 2016 году Конгресс довольно скудно представлял Китай как коммунистическую страну: из почти 550 упоминаний о Китае в контексте его «коммунистических» черт он упоминался только один раз: «Единственная причина, по которой Тайвань исключён из международных организаций, — это постоянная оппозиция коммунистического правительства материкового Китая» [2]. Кроме того, исторические параллели с Советским Союзом подтверждают нарратив об идеологических различиях экономического сотрудничества. «Я напомнил своим коллегам-республиканцам, что Джон Кеннеди вёл переговоры с Советским Союзом во время Карибского кризиса, спасая нас от ядерной войны. Я напомнил им, что Ричард Никсон вёл переговоры с китайцами о нормализации отношений, даже когда коммунистический режим в Китае предоставлял оружие северным вьетнамцам, которые использовали его против американских солдат. Я, конечно, напомнил им, что Рональд Рейган вёл переговоры с Советами, в то время как коммунистическая страна имела тысячи ядерных боеголовок, направленных на Соединённые Штаты, оккупировала Восточную Европу и поддерживала проблемные режимы по всему миру» [2]. Китай по-прежнему является лишь одним из репрессивных режимов наряду с другими: «Огромное количество политических заключённых, удерживаемых репрессивными режимами, является отрезвляющим напоминанием о том, сколько работы осталось для защиты основных прав человека и продвижения демократических ценностей. От Кубы до Китая, от Турции до Саудовской Аравии люди страдают за осуществление свобод, которые дал им наш Создатель <...> Сегодня Китай является одной из самых репрессивных стран во всём мире» [2]. Здесь Китай пока ещё не в центре внимания, а лишь упоминается как одна из ряда репрессивных стран.

2017 год отмечен тревожным усилением партийного контроля над законодательством и деловыми связями Трампа с Коммунистической партией. Критика Трампа выходит за рамки его предполагаемых связей с Китаем, его обвиняют как президента, который не выполняет свои предвыборные обещания, например, когда он называл Китай валютным манипулятором [6]. Однако в адрес Коммунистической партии всё ещё присущ мягкий и доброжелательный тон: «Лидер Коммунистической партии, президент Си, представляет себя и как че-

ловека добродетели и как человека доминирования. На самом деле, журнал “Экономист” недавно назвал его самым влиятельным человеком в мире» [3]. Более того, действия Китая против меньшинств эфемизируются, например, в Тибете их называются просто «плохим поведением» [3].

Дифференциация «китайского народа» и Коммунистической партии наводит на мысль о довольно наивном предположении, что Коммунистическая партия не служит китайскому народу, поэтому она находится у власти без поддержки населения Китая, подчиняя и угнетая его. Коммунистическому правительству приписывают типичный стереотип о том, что коммунисты подавляют своё население. И ценность заключается в предоставлении свободы своим меньшинствам, потому что общество, в котором соблюдаются права человека, неизбежно будет процветать. В противном случае, как предполагает теория либеральной истории на примере Советского Союза, страны, которые этого не делают, погибают.

Разница между взглядами США и Китая на роль государства занимает центральное место в развитии дискурса о КНР и в стратегии отчуждения Другого. Усилия Коммунистической партии по поддержанию своего суверенитета, социальной стабильности и целостности любыми доступными средствами рассматриваются как формы угнетения и злоупотребления властью и, таким образом, противоречат ценностям США. Например, Китай подавляет политическое инакомыслие, заключает в тюрьму политических активистов, которые разоблачают «Коммунистическую партию Китая и её тоталитарное злоупотребление властью» [6]. Для США непостижимо, как Коммунистическая партия может заключать людей в тюрьму за их ненасильственное продвижение мира: «Он [китайский лауреат Нобелевской премии] также получил обвинения в “подстрекательстве к подрыву государственной власти” и 11-летний тюремный срок. Нельзя пренебрегать суровой иронией: человек, преданный ненасилию, заключённый в тюрьму за содействие миру» [6]. Поведение Китая представляется как опасное и направленное против общих ценностей человечества — прав человека, таких как право на жизнь, свободу, на свободу выражения мнений. В дополнение к угнетению политической свободы Коммунистическая партия подавляет религиозные группы из страха, что они потенциально могут распространять политическое инакомыслие. Злоупотребления Коммунистической партии властью ещё более усугубляются её контролем над законом, что приводит к несправедливости и дискриминации тех, кто не согласен с партией: «Коммунистическая партия Китая продолжает отвергать идею о том, что верховенство закона должно вытеснить роль партии в руководстве функциями государства. Таким образом, адвокаты, юристы, диссиденты и другие часто оказываются под прицелом партии, преследуемые по закону, а не защищённые им, и у них нет возможности обратиться в суд» [6].

УЖЕСТОЧЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ДИСКУРСА В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ, 2018–2021 гг.

2018 год считается «критическим», когда растущая экономическая мощь Китая начала влиять на США, как никогда раньше. Китай использовал свои экономические рычаги для дальнейшей изоляции Тайваня от таких международных организаций, как ВОЗ, и даже ограничил дискурс о Тайване в США, используя своё экономическое влияние на американские компании. Источник угрозы для США и их союзников коренится не в Китае как стране, а в Коммунистической партии, и опасность исходит от КПК из-за непримиримой вражды между двумя системами – демократической из США и китайской коммунистической тоталитарной.

Та же логика несовместимости переходит и в экономическую сферу. Растущее влияние Коммунистической партии начало пронизывать американо-китайские экономические отношения: «На вершине каждой компании в Китае, в зале заседаний каждой китайской компании находится Коммунистическая партия. Они действуют на общеправительственной основе. И это не только правительство; это также то, что мы считаем частным сектором. Но, по правде говоря, в Китае нет частного сектора; это всё рука правительства». Китайские компании стали угрозой национальной безопасности США и американского народа из-за их связей с Коммунистической партией. «Нам ещё многое предстоит сделать, и я подозреваю, что мы вернёмся вместе либо в банковском комитете Сената, либо в Сенате, чтобы попытаться защитить безопасность наших граждан и их частную жизнь от компаний, которые по сути являются оружием Коммунистической партии Китая» [6]. «И “Хуавей” и ЗТЕ являются не чем иным, как продолжением Коммунистической партии Китая. Генеральный директор “Хуавей” был инженером Народно-освободительной армии Китая» [6]. Это приводит к растущей секьюритизации экономического дискурса по Китаю, поскольку любая компания, базирующаяся в Китае или имеющая операции в Китае, так или иначе связана с Коммунистической партией Китая.

Опасность Китая исходит из различных идеологических основ государства, и то, как Китай ведёт бизнес, рассматривается как подрыв лидирующих позиций Соединённых Штатов в мире как воплощение наиболее эффективной экономики и политической системы: «растущий Китай – то, что всё больше и больше людей понимают, как угрозу. <...> Но что нам нужно признать, так это то, что они не ведут бизнес так, как Соединённые Штаты» [6]. Превосходство китайского подхода к экономике над либеральным подходом США несовместимо с либеральной идентичностью США: «Китай использует меркантилистскую торговую политику в интересах государственных и контролируемых Коммунистической партией фирм, нанося вред американским компаниям и работникам» [6]. Как следствие, чтобы решить проблему, США пресекают злонамеренное китайское влияние: «Чтобы противостоять Китаю и успокоить наших союзников и партнё-

ров, этот законопроект предлагает меры, направленные на то, чтобы запретить телекоммуникационным компаниям, связанным с разведывательным аппаратом Коммунистической партии Китая, вести бизнес с правительством США» [6]. В целом, 2018 год символизирует порог, когда США очнулись от своих либеральных иллюзий. Многие надеялись, что активное взаимодействие с Китайской Народной Республикой на экономическом и политическом уровне поможет ей превратиться в демократию свободного рынка. Эта надежда сейчас значительно потускнела. Кажется, что процесс идёт в противоположном направлении [6].

После моментов пробуждения 2018 года следующий год называют началом «эры Си Цзиньпина»: "мы находимся в эпохе Си Цзиньпина. Я не думаю, что мы не согласны с китайским народом, но мы не согласны с политикой Си Цзиньпина и Китая или Коммунистической партии Китая [6]. «В то время как наше правительство расширяет возможности своего народа, Китай подавляет свой народ, и именно поэтому я хочу поговорить об этом» [7].

Эта цитата отражает квинтэссенцию американского отношения к Китаю, которое оперирует проблемами индивидуальной свободы. Источник фундаментального антагонизма между США и Китаем связан с наличием разных, часто диаметрально противоположных, взглядов на отношения между государством и личностью: «Китай использует технологии, чтобы подавить своих граждан, чтобы заставить их служить Коммунистической партии. Наше правительство даёт возможность нашим людям полностью реализовать свой потенциал» [7]. Отношение к Коммунистической партии и китайскому народу как к отдельным образованиям помогает использовать основные либеральные принципы, согласно которым государство не должно иметь контроля над личностью: «Закон "О разведке" 2017 г. в Китае требует, чтобы любая организация или гражданин поддерживали, помогали и сотрудничали со службами безопасности коммунистического правительства Китая. Мы говорим не о китайском народе, а о Коммунистической партии Китая» [7].

Любое посягательство на свободу личности со стороны китайского правительства становится актом преступления против общечеловеческих ценностей, как их описывают американские конгрессмены: «К сожалению, можно провести параллели между китайским правительством, которое устроило резню на площади Тяньаньмэнь, и нынешним режимом президента Си и Коммунистической партии. Сегодня в Китае происходит официальное подавление правительством свободы слова, религии, передвижения, ассоциаций и собраний» [7]. В 2020 г. новый дискурс холодной войны о Китае набирает новую силу после жестокого неправильного обращения Китая с кризисом *COVID-19* и их кампании по дезинформации. Отсутствие достоверной информации и цензура в Китае действительно вызывает растущую и серьёзную обеспокоенность США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай и США имеют непримиримые ценностные различия. С одной стороны, США считают свои ценности универсальными и высшими, в то время как Китай - злым и варварским. Важным новым измерением является измерение истины (полноты). Раньше Пекин, по мнению консервативного крыла американского истеблишмента, аморально «обманывал», «нарушал правила», «манипулировал своей валютой». Однако Китай теперь скрывает правду о своих жестоких преступлениях против своего народа, и поэтому человечество в целом заставляет США возмущаться и отчуждать себя от Китая путём радикализации своего Другого.

Во время работы администрации Д.Трампа под влиянием Конгресса Соединённые Штаты во внешнеполитических дискурсах о КНР возвращаются к образам холодной войны. Китай с 2017 г. всё больше ассоциируется с коммунистической угрозой, которую раньше для западного мира представлял СССР. Чтобы акцентировать на этом внимание, в Конгрессе всё чаще стали упоминаться коммунистические атрибуты государства, правящей партии и лидера КНР Си Цзиньпина. Благодаря этому США могут не только оказывать давление на Китай в рамках экономической конкуренции, но и защищать американскую идентичность. Провал либерализации Китая и его подчинения как младшего партнёра в торгово-экономическом сотрудничестве нанёс существенный урон представлениям об исключительности американских ценностей и пути экономического развития.

ИСТОЧНИКИ

1. Zoellick, R. 2005. Whither China: From Membership to Responsibility. state.gov. available at: <https://2001-2009.state.gov/s/d/former/zoellick/rem/53682.htm> (accessed 05.10.2021).
2. House of Representatives. Congressional Records. 114th Congress 2015-16. (<https://www.congress.gov/congressional-record/114th-congress/browse-by-date>) (accessed 05.10.2021).
3. House of Representatives. Congressional Records. 115th Congress. 2017-18. (<https://www.congress.gov/congressional-record/115th-congress/browse-by-date>) (accessed 05.10.2021).
4. House of Representatives. Congressional Records. 116th Congress. 2019-20. (<https://www.congress.gov/congressional-record/116th-congress/browse-by-date>) (accessed 05.10.2021).
5. Senate. Congressional Records. 114th Congress. 2015-16. (<https://www.congress.gov/congressional-record/114th-congress/browse-by-date>) (accessed 05.10.2021).

6. Senate. Congressional Records. 115th Congress. 2017-2018. (<https://www.congress.gov/congressional-record/115th-congress/browse-by-date>) (accessed 05.10.2021).

7. Senate. Congressional Records. 116th Congress 2019 – 2020. (<https://www.congress.gov/congressional-record/116th-congress/browse-by-date>) (accessed 05.10.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Караганов С.А. 2018. Как победить в холодной войне. *Россия в глобальной политике*. № 16(5), с.102-115. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-pobedit-v-holodnoj-vojne-2/> (accessed 05.10.2021).

Козлов, В. О., Бочарова А.П. 2021. Пути развития отношений США и Китая в контексте дискурса американских элит. *США & Канада: экономика – политика – культура*, № 10, с. 91-107. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300016900-0-1/> (accessed 05.11.2021). DOI: 10.31857/S268667300016900-0

Новиков, Д.П. 2018. Трамп и не только: революция без конца. *Россия в глобальной политике*. № 16(5) с. 157-172. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/tramp-i-ne-tolko-revoljucziya-bez-koncza-2/> (accessed 01.10.2021).

REFERENCES

Bacchi C. and Goodwin S. *Post-Structural Policy Analysis*. Palgrave, Macmillan US. 2016. 157 p.

Confucius. The Analects. china.usc.edu. Available at: <https://china.usc.edu/confucius-analects-13> (accessed 01.05.2021)

Doty, R. 1993. Foreign Policy as Social Construction: A Post-Positivist Analysis of U.S. Counterinsurgency Policy in the Philippines. *International Studies Quarterly*. 37 (3), pp. 297-320.

Foot, R. 2001. Rights beyond Borders: The Global Community and the Struggle over Human Rights in China. Oxford University Press. 296 p.

Foucault, M. 1972. The archaeology of knowledge. New York: Pantheon Books.

Foucault, M. 1996. Discourse, Discontinuity. *Foucault Live Collected Interviews, 1961-1984*. Ed. by S. Lotringer. New York: Semiotext. pp. 33-50.

Hansen, L. 2006. Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. London: Routledge. 259 p.

Ikenberry, J. 2012. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press. 392 p.

Karaganov, S.A. 2018. How to Win in the Cold war? *Russia in Global Affairs*. [Как победить в холодной войне], 16(5), pp. 102-115. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-pobedit-v-holodnoj-vojne-2/> (accessed 05.10.2021).

Mearsheimer, J. 2018. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven and London: Yale University Press. 328 p.

Bocharova A., Kozlov V. (2021). Tracks of US-China Relations' Development in the Context of the discourse of the American elites. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. No. 10, pp.91-107. DOI: 10.31857/S268667300016900-0 (accessed 05.11.2021).

Novikov, D.P. 2018. Trump and More: Revolutions without an End. Russia in Global Affairs [Trump i ne tolko: revolutsija bez kontsa] 16 (5), pp. 157-172. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/tramp-i-ne-tolko-revoljucziya-bez-koncza-2/> (accessed 01.10.2021).

Nymalm, N. 2013. The End of the 'Liberal Theory of History'? Dissecting the US Congress Discourse on China's Currency Policy'. *International Political Sociology*. 7, pp. 388-405.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОЗЛОВ Вадим Олегович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела внутривосточных исследований Института США и Канады РАН (121069, г. Москва, Хлебный переулок, 2/3).

старший преподаватель департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики». 115035, г. Москва, ул. Малая Ордынка, 17

БАЯК Андраш, аспирант третьего года обучения департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д.17 стр.1

Vadim O. KOZLOV, Candidate of Sciences (History), Research Fellow, Department of Internal Political Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Senior lecturer, School of International Relations, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), 17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 115035, Russian Federation.

Andras BAJAK, Post-graduate Student of School of International Relations, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), 17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 115035, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 05.11.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 20.11.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 22.12.2021.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.